

Russian Academy of Sciences
Institute of Philosophy

**BIOETHICS AND HUMANITARIAN
EXPERTISE:**

**Complex Human Studies. Problems
of Virtualistics**

Volume 3

Moscow
2009

Российская Академия Наук
Институт философии

**БИОЭТИКА И ГУМАНИТАРНАЯ
ЭКСПЕРТИЗА:**

**Комплексное изучение человека
и виртуалистика**

Выпуск 3

Москва
2009

УДК 171
ББК 87.7
Б 63

Ответственный редактор
доктор филос. наук *Ф.К. Майленова*

Рецензенты
доктор филос. наук *В.И. Аришинов*
доктор филос. наук *О.К. Румянцева*

Б 63 **Биоэтика** и гуманитарная экспертиза: комплексное изучение человека и виртуалистика. Вып. 3 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Ф.Г. Майленова. – М.: ИФРАН, 2009. – 236 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0147-1.

Сборник представляет результаты исследований сотрудников сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики ИФ РАН в области комплексного изучения человека, завершенных в 2008 году. Авторы освещают новейшие проблемы биоэтики, гуманитарной экспертизы, антропологии и виртуалистики.

Содержание

Комплексное изучение человека и виртуалистика (предисловие)	7
Complex Human Studies. Problems of Virtualistics (Preface).....	15

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Юдин Б.Г.

Человек в научном познании: методология и ценности	21
--	----

Майленова Ф.Г.

В изменчивом мире современных нравственных ценностей и убеждений	42
---	----

Тищенко П.Д.

Врачевание как власть (абрис проблемы)	57
--	----

Майленова Ф.Г.

Нравственно-психологические основания типичных проблем с авторитетом власти	73
--	----

ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Белкина Г.Л., Корсаков С.Н.

И.Т.Фролов о философских основаниях гуманитарной экспертизы	86
---	----

Белялетдинов Р.Р.

Биоэтическая экспертиза биотехнологий: оценка рисков и пользы	109
---	-----

Тищенко П.Д.

Биотехнологическая ре-де-кон-струкция человеческого в человеке: казус сексуальности	119
--	-----

Моисеев В.И.

Глобально-стратегический контекст проблемы гуманитарной экспертизы инновационных проектов	139
--	-----

ПРОБЛЕМЫ ВИРТУАЛИСТИКИ

Чеснов Я.В.

Женщина и мужчина: трансдукции тела как виртуальные факторы культурогенеза	156
---	-----

Юрьев Г.П., Пронин М.А.

Виртуалистика памяти и гуманитарная экспертиза	183
--	-----

Пронин М.А., Юрьев Г.П.

Онтология ошибки: не-виртуалистика и виртуальный подход	205
---	-----

Скоркин О.А.

Виртуальное в среде образования	224
---------------------------------------	-----

Content

Complex Human Studies. Problems of Virtualistics (Preface).....	15
---	----

COMPLEX HUMAN STUDIES

<i>Yudin B.G.</i>	
The human being in scientific cognition: Methodology and values.....	21
<i>Maylenova F.G.</i>	
In virtual world of modern moral values and beliefs.....	42
<i>Tishchenko P.D.</i>	
On Physician Power.....	57
<i>Maylenova F.G.</i>	
Moral and psychological foundations of typical problems concerned power authority	73

HISTORY AND METHODOLOGY OF HUMANITARIAN EXPERTISE

<i>Belkina G.L., Korsakov S.N.</i>	
Ivan T. Frolov on the philosophical foundations of humanitarian expertise	86
<i>Belyaletdinov R.R.</i>	
Bioethical expertise of biotechnologies: principles of risks/benefits assessment	109
<i>Tishchenko P.D.</i>	
Biotechnological (Re) – (de) –(con) –struction of Human Nature: the Case of Sexuality	119
<i>Moiseev M.I.</i>	
Global and strategic context if the problem of humanitarian expertise of innovation projects	139

PROBLEMS OF VIRTUALISTICS

<i>Chesnov Ya.V.</i>	
A Woman And A Man: Bodily Transductions As The Virtual Factors Of The Cultural Genesis	156
<i>Yuryev G.P., Pronin M.A.</i>	
Virtualistic of memories and humanitarian examination.....	183
<i>Pronin M.A., Yuryev G.P.</i>	
Ontology of an error: the virtual approach	205
<i>Skorkin O.A.</i>	
Virtual in the field of education	224

Комплексное изучение человека и виртуалистика (предисловие)

В современном мире научно-технический прогресс во все большей степени выражается в создании и применении технологий, воздействующих непосредственно на человека, на его биологические и социально-психологические характеристики. При этом научные достижения не только способны позитивно или негативно влиять на различные аспекты существования человека, но и трансформировать его сущность. Одновременно меняется сама наука. Предлагаемый вниманию читателя третий выпуск трудов сотрудников сектора гуманитарной экспертизы и биоэтики ИФ РАН содержит результаты теоретических исследований, осуществлявшихся в 2007–2008 гг. Материалы распределены в трех разделах, отражающих основные направления нашей деятельности.

Первый раздел, названный **«Комплексное изучение человека»**, открывается статьей член-корреспондента РАН **Б.Г.Юдина «Человек в научном познании: методология и ценности»**. Автор анализируются методологические и ценностные основания комплексного изучения человека. Подчеркивается, что научное познание человека обладает определенной спецификой, связанной с его ценностными характеристиками. Эти ценностно обусловленные особенности познания человека проявляются не только в гуманитарных, но и в естественных науках, коль скоро они обращаются к изучению человека. А это значит, что наряду с традиционными методологическими разграничениями наук о природе и наук о духе или наук номотетических и наук идеографических можно говорить и об еще одном, значимом не только с ценностной, но и с методологической точки зрения разделении наук.

В статье **Ф.Г.Майленовой «В изменчивом мире современных нравственных ценностей и убеждений»** показывается, что человек как существо, осознающее свое существование, живет в совершенно особом, отличном от всего животного царства мире. Можно сказать, что он живет одновременно в двух мирах: в мире предметном, реальном, некоем *сущем* и в мире воображаемом, представляемом, так называемом *должном* – в мире идей, представлений, нравственных ценностей и убеждений. Абстрактные и, казалось бы, совершенно нереальные вещи, такие как любовь, свобода, долг, совесть, честь и т.д., влияют на все поступки человека в «реальном» мире.

Однако какой мир при этом считать реальным, настоящим – вопрос спорный. Ведь когда говорят о вечных ценностях, имеется в виду, что как раз все материальное тленно, но есть нечто подлинное, нетленное и оно-то и представляет собой самую суть бытия.

История развития нравственности показывает, что системы морали постоянно меняются, но в одном они всегда неизменны – в требовании неукоснительного соблюдения тех норм, которые на данный момент приняты. В том, что они могут меняться не только в масштабах тысячелетий, но даже в пределах жизни одного поколения, мы уже убедились.

Что же представляет теперь мир современных ценностей? Новая реальность с новыми правилами? Или же правила все же остались прежними и изменилось лишь содержание? Тогда есть надежда, что ее можно познать. А заодно узнать, для чего она все-таки существует, может, тогда мы сможем узнать, что такое человек, человечество, и в чем глобальный смысл его существования во Вселенной.

Статья **П.Д.Тищенко «Врачевание как власть»** представляет собой результат исследования проблем самоорганизации неформальных структур власти в закрытых коллективах. На примере врачевания дано подробное исследование самого феномена власти. Показано, что власть в данном случае (наподобие спинозовской субстанции) имеет как бы два атрибута: власть над процессами жизни и власть над пациентами как личностями. В статье рассматриваются различные варианты врачебной власти в соответствии с тремя типами медицинского знания – мифопоэтического, традиционного («подручного» или «практического») и научно-рационального. Каждая из структур познания коррелятивно связана с соответствующим типом власти по Максиму Веберу: харизматической, традиционной и рациональной. Реализация власти (в обоих атрибутивных качествах и каждой из трех веберовских форм) осуществляется в виде однотипных, но имеющих свою специфику ритуалов перехода.

Вторая работа **Ф.Г.Майленовой**, помещенная в выпуске, **«Нравственно-психологические основания типичных проблем с авторитетом власти»**, обсуждает феномен власти как формы насилия, ограничивающего свободу отдельно взятой личности. Основное внимание уделяется не столько внешним разновидно-

стям власти, сколько к внутренним механизмам их восприятия личностью, той или иной степени восприимчивости личности к власти авторитетов. В статье уделяется особое внимание так называемому «синдрому острого подчинения». В чем состоят особенности и причины этого феномена? Обычно этому феномену подвержены люди робкие, застенчивые, склонные низко оценивать себя, чувствующие недостаток личной силы. Они склонны преувеличивать значимость других людей (за счет самого себя), очень внимательны и чувствительны к настроениям других людей и, как следствие, могут начать повиноваться против собственных намерений. Позитивная сторона этого качества личности: такие люди являются прекрасными коммуникаторами, способными понять другого, буквально «поставить себя на место другого». Таким образом, эта способность может быть благословением и проклятием в одно и то же время.

Результаты исследований, помещенные во втором разделе сборника **«История и методология гуманитарной экспертизы»**, отражают одно из приоритетных направлений работы сектора. Раздел начинается публикацией **Г.Л.Белкиной, С.Н.Корсакова «И.Т.Фролов о философских основаниях гуманитарной экспертизы»**. В ней предпринята попытка сформулировать некоторые философские принципы гуманитарной экспертизы на основе идей академика И.Т.Фролова, – основоположника теории и практики гуманитарной экспертизы в нашей стране. В качестве исходного выделено положение о том, что в современной науке и практике человек из субъекта всё более превращается в объект познания и преобразования. В этих условиях фактически все науки становятся науками о человеке. В результате принципиально меняется соотношение между когнитивными и ценностными сторонами познания. Возникает возможность объективно ориентированной ценностной ориентации научного познания. Более того, ответственность человека за своё будущее и будущее очеловеченной и преобразованной природы настоятельно требует гуманистической ориентации познания, и она становится условием его объективности. Формой проявления гуманистической ориентации познания человека выступают этико-правовые регулятивы. Таким образом, может быть выработан инструментарий гуманитарной экспертизы любых масштабных научных и производственных проектов, затрагивающих

природу и индивидуальность человека. Гуманитарная экспертиза должна ныне рассматриваться в качестве обязательного условия человеческой деятельности.

В статье **Р.Р.Белялетдинова «Биоэтическая экспертиза биотехнологий: принципы оценки риска и пользы»** рассматриваются pro et contra биотехнологий с точки зрения применения классических принципов биоэтики – автономии, справедливости и безопасности. В качестве примеров взяты наиболее быстро развивающиеся в области медицины биотехнологии: нанотехнологии, имплантаты, генетическая модификация спортсменов. Оценка рисков рассматривается как оценка возможности нарушения биоэтических принципов. Вместе с тем польза новых технологий также может быть понята как расширение личностной автономии в результате развития биотехнологий. Приводятся примеры биоэтической экспертизы с использованием принципов оценки риска и пользы.

В публикации **П.Д.Тищенко «Биотехнологическая ре-деконструкция человеческого в человеке: казус сексуальности»** доказывается, что стремительно плодящиеся биомедицинские технологии радикально меняют не только формы человеческого существования, но и человеческую сущность – то, что человек узнавал в себе как собственно человеческое. Это изменение происходит в виде нескольких конкурирующих тенденций, которые обозначены как конструирование, реконструирование, деконструирование и деструктурирование. Каждой из тенденций соответствует свой дискурс легитимации (узнавания, признания и оправдания). Конструирование представляет собой реализацию тенденции к созданию новой формы, реконструирование – к восстановлению утерянной формы, деконструирование – к превращению сущего в своеобразный конструктор (потенцию последующих преобразований), деструктурирование – к продуцированию отхода как активной среды научно непредставимых и технологически неконтролируемых последствий трех первых тенденций, того, что возвращается к человеку в форме болезней, экологических проблем и глобальных антропологических рисков. Сексуальность рассматривается в качестве казуса, своеобразного парадигмального примера. Развитие практик аборта, контрацепции, оплодотворения в пробирке, транссексуализма, клонирования, искусственной матки и фармакологии удовольствия («пилю-

ли счастья») в перспективе способно произвести тотальную реде-конструкцию сексуальности как одной из центральных форм человеческой самоидентификации.

Раздел завершается статьей профессора Московского государственного медико-стоматологического университета (МГМСУ) **В.И.Моисеева «Глобально-стратегический контекст проблемы гуманитарной экспертизы инновационных проектов»**. Автор доказывает, что феномен гуманитарной экспертизы сигнализирует о новом этапе развития гуманитарных наук, когда они завершают свой первый период чисто описательного развития, первоначального сбора фактов, и приближаются к первым теоретическим модельным обобщениям в своих областях, открывая первые концептуальные единства гуманитарного знания. Свет разума находится на стадии своего восхода в гуманитарной сфере, и при его еще неярком свете, но уже можно многое разглядеть глазами разума, а не простого восприятия. Возникающий гуманитарный разум впервые может рационально и научнообразно присоединиться к оценке эффективности политической воли. Таков вызов, выражаясь языком Тойнби, гуманитарной экспертизы, на который современная политическая воля должна дать свой адекватный ответ.

Третий раздел выпуска **«Проблемы виртуалистики»** представляет читателю результаты работы сотрудников группы «Виртуалистики» нашего сектора. Он начинается статьей **Я.В.Чеснова «Женщина и мужчина: трансдукции тела как виртуальные факторы культурогенеза»**. В истории человечества период женских изображений (33–11 тыс. лет назад) был эпохой возникновения современной семиотики гендерных форм, их дифференциации и взаимных трансдуктивных перетеканий. Это обеспечило онтологическое единство миру, а человечество получило способность косвенными способами выражать мысль, расширяя оттенки значений. Это вызвало появление фундаментальных культурогенных мысле-образов, которыми мы пользуемся до сих пор, не отдавая в этом себе отчета: женщины, мужчины, их потомство, нормы поведения, получившие санкцию космического начала. Последняя санкция позволила ментально одомашнить время и пространство, а затем приступить к воспроизводству ресурсов жизни. Переход к земледелию и животноводству имел непосредственные биоэтические предпосылки. Несомненно, что важным моментом в культу-

рогенезе были не только представления о мерности времени и пространства, но и о том, что что-то находится за пределами времени и пространства. Ведь именно об этом, об Абсолюте, свидетельствует уходящее и приходящее время-пространство. Уходящее в сторону божеств в мифах и приходящее к людям вместе с благодатью. В мировых религиях эта проблема судьбы решена через смирение. Роль женщины состояла в том, что благодаря ей время-пространство не ушло куда-то в бесконечность, в репеллер, а возвратилось и стало стекать, как по внутренней стенке воронки-аттрактора, к центру, в котором она, женщина, сама поместилась. Если это так, то культурогенез в конечном счёте развернулся между аттракторным полюсом, занятым женщиной, и репеллерным полюсом, в котором, кроме божеств, никто не может жить, но туда заглядывает мужчина. Ответственная функция мужчины состояла в поиске путей для связи между этими полюсами. Ему выпала доля быть посредником между божеством и женщиной с очень широкими обязанностями: поиска смыслов, их толкования и внедрения – черновая работа. Чувственная телесность мужчины и женщины спасла людей от «тела без органов», от тела-машины с ее бессмысленным производством и потреблением. Но, разделяя критику Ж.Делеза и Ф.Гваттари в адрес капитализма, никак нельзя свести все дело к либидозности Эдипа, сидящей в каждом человеке. Напротив, как показал очерк картины культурогенеза, безудержная инфляция сексуальности была ограничена виртуально-бытийными обстоятельствами, среди которых в данной работе было уделено особое внимание монадичной отстраненности друг от друга женщины и мужчины. Их миры оказались смещенными при сохранении топически смысловых и сексуальных отношений. Обрядово оформляя эти отношения, мы поддерживаем возникшую некогда эмерджентную топику, получаем ощущение счастья от возникающих трансдукций и страдаем от своих неумелых и скороспелых редукций к какому-то монофактору. Культурогенез – вовсе не результат, а динамическое состояние, в котором мы находимся и поэтому его не замечаем.

В статье **Юрьева Г.П., Пронина М.А. «Виртуалистика памяти и гуманитарная экспертиза»** обсуждается онтологическая модель памяти, понимаемая не как эпифеномен, а как основа бытия. Это виртуалистическое развитие идей Парменида и Экхарта. Обосновывается таксономия новой парадигмы: бытие есть творя-

шая память; минимальный элемент бытия – логическая трилемма памяти «или – и – или»; память первична и множественно троична; континуально-дискретная память непрерывно коэволюционирует во множественности неживых и живых форм, обладающих качественно-количественными характеристиками сходства и различий между собой; виртуалистика памяти есть один из способов жизнепостроения. В развитие идей Хайдеггера о сущностной основе по-става как одном из принципов современной жизни обосновывается технология объективации потаённого знания памяти человека для целей гуманитарной экспертизы. Даются теоретические основы междисциплинарной технологии и приводятся практические результаты диагностики типов логических стратегий и размерностей гуманитарных рисков по ряду актуальных тем социальной жизни.

Скоркин О.А. в своей статье «**Виртуальное в среде образования**» дает широкую трактовку виртуальной среды как предметной среды без взаимодействия обучающий-обучаемый. Обучением навигации в виртуальной (информационной) среде занимается и школьник, и студент, и исследователь. В данной работе показано, что проблема обострена для педагога, который из жреца, толкователя учебника должен превратиться в лоцмана, указывающего путь в информационном пространстве. Такое информационное пространство еще нужно сотворить. Это не под силу педагогу-одиночке, здесь значима соборная функция педагогического персонала. Эффективное использование современных информационных технологий, их грамотное встраивание в педагогический процесс учебных предметов и в образование в целом единой информационной среды позволят перейти к новой современной парадигме образования. В природе информационной среды заключено не только ядро общих интересов исследовательского коллектива, но и вектор его развития. В силу многократного увеличения потока информации, пронизывающего современного человека, эта проблема представляется особенно актуальной.

Завершает выпуск публикация **М.А.Пронина, Г.П.Юрьева** «**Онтология ошибки: виртуальный подход**». В статье вскрываются онтологические основания, лежащие в основе эпистемологических трудностей понимания природы ошибки. Работа продолжает многолетние исследования Н.А.Носова, посвященные ошибкам

на примере деятельности человека-оператора – военного летчика, в Институте авиационной и космической медицины МО СССР и в Центре виртуалистики Института человека РАН. Статья состоит из краткого очерка-обзора работ на данную тему, выполненных Н.Носовым и ЦВ: Прониным М. и Юрьевым Г. Дано современное состояние проблемы понимания природы ошибок: раскрыт виртуальный конфликт – парадигматический конфликт, лежащий в знамиевых структурах современной психологии (не-виртуалистики). Показаны возможности виртуального подхода. Обоснована междисциплинарная соразмерность эгоскопии Г.Юрьева для исследования жизненных компетенций и гуманитарных рисков личности. Очерчены перспективы дальнейших исследований в рамках гуманитарной экспертизы ошибок и умысла.

Ф.Г. Майленова

Complex Human Studies and Virtualistics Preface

In the modern world scientific and technological progress increasingly appears in creation and application of technologies, which make an direct impact on human, on his biological, social and psychological characteristics. Furthermore scientific achievements can influence on different aspects of people existence not only is positive or negative ways, but also could transform his essence. Together science changes. In the suggested to reader the third issue of works by researchers of The Sector of Humanitarian expertise and bioethics, Institute of Philosophy RAS results of theoretical researches, made in 2007–08 are published. Articles are divided into three sections, which reflect main area of our researches.

The first section has title “Complex human studies” and is opened with article by corresponding member of RAS **B.G. Yudin** “**The human being in scientific cognition: Methodology and values**”. Author analyzes methodological and axiological foundations of the comprehensive human studies. It is stressed, that scientific cognition of humans has some specific traits which caused by its axiological characteristics. These value-determined traits of cognition of humans apparent not just in humanitarian sciences but in natural sciences as well when the latter are turned to the study of humans. Consequently, along with traditional methodological demarcations between natural sciences and human sciences or between nomothetic and idiographic sciences we can speak about one more demarcation, which is meaningful not just from axiological point of view, but from methodological one as well.

In the paper “**In virtual world of modern moral values and beliefs**” by **F.G. Maylenova** is demonstrated that human being is the entity which is aware about own existence. Such awareness makes his life special and different from all other living beings. It is possible to say that she/he lives simultaneously in two worlds: in the real world of natural interactions and in the imaginative world of ideas, representations, moral values and beliefs. The second world (and if to be more exact – sphere of moral values) will be the object of our reflections. Moral values, in spite of their imaginative nature, could have more meaning for humans than tangible “real” or “material” values. Love, freedom, duty, conscience, dignity, and other non-material forces influence human life and actions in real world. However what world to consider really real is a disputable question. Speaking about eternal values we

mean that all material is perishable. Non-material as something original and imperishable presents the essence of life. Both realities are closely bound in human existence. But as soon as we communicate with each other using ideas, names and representations – virtual world constitutes the most significant part of human existence.

History of moral ideas presents their permanent evolution not only at a large historical scale, but also (as we could witness) during the life time of one generation. But kind of change we really have? Is it a change of principles? Or, may be, it is only a change of their content and interpretation? Have always new reality with new moral regulations, or there is something stable and constant? Understanding of those stable and constant structures could be helpful in better understanding of does it mean to be an individual human person and humanity in general, what is the sense of human existence in the Universe.

The article **”On Physician Power”** by **P.D. Tishchenko** is a result of research devoted to problem of self-organization of nonformal structures of power in the closed communities. In terms of medical treatment the phenomenon of power is thoroughly investigated. Power of medical treatment (like Spinoza substance) have two attributes – power over natural processes of life and power over patients as persons. In the article, various variants of physician authority in accordance with three types of medical knowledge are considered: mythopoetical knowledge, traditional knowledge, and rational knowledge of science. Each of knowledge structures is correlatively connected with corresponding type of power (domination) presented by Max Weber: charismatic, traditional and rational. Realization of power (in both attributive qualities and each of three Weber forms) occurs by means of specific transition rituals.

The second article by F.G. Maylenova which is placed in the issue “Moral and psychological foundations of typical problems concerned power authority” is devoted to phenomenon of power as a form of violence, restricting personal freedom. Though main focus of the article is not external power variety, but internal mechanism of their personal apprehension, the level of personal susceptibility to power of authorities. Special attention is given to consideration of so called “syndrome of acute subordination”. What are features and causes of this phenomenon? Usually this phenomenon resides in people who are timid, shy, low self-appraised, feeling shortage of personal power. They are inclined to exaggerate significance of other people (at their own cost), very

attentive and sensitive to feelings and disposition of other people and, as a consequence, may obey against their own intentions. The positive side of this personal quality – they are excellent communicators who are able to understand others, literally they can “put themselves on the place of other”. So this ability may be a blessing and damnation at the same time.

The results of researches placed in the section “**History and methodology of humanitarian expertise**” reflect one of priority directions of the sector work. The section starts from publication “**Ivan T. Frolov on the philosophical foundations of humanitarian expertise**” by **G.L. Belkina, S.N. Korsakov**. The article appears to be an attempt to formulate several principles of humanitarian expertise based upon the ideas of academician Ivan T. Frolov, the founder of humanitarian expertise in this country. As a starting point, a statement was picked out that in modern science and practice human being is turning from a subject into the object of cognition and transformation. Under these circumstances, all branches of science become sciences studying human being. As a result, the correlation between cognitive and value-based sides of cognition changes essentially. An opportunity emerges for the objectively aimed value-based orientation of scientific cognition. Moreover, the responsibility of human being for his own future and the future of humanized and transformed nature is urgently requesting for a humanist orientation of cognition; this orientation becomes the condition of its objectivity. Ethical and legal regulations represent the forms of humanist orientation of cognition of human being. This way, instruments of humanitarian expertise of any large-scale scientific and production projects which affect the nature and individuality of human being can be worked out. From now on, humanitarian expertise must be regarded as an obligatory condition of human activity.

In the article by **Roman Belyaletdinov** “**Bioethical expertise of biotechnologies: principles risks/benefits assessment**” pro et contra of biotechnologies are considered from point of application of main bioethical principles – autonomy, justice and non-maleficence. As example fast developing biomedical technologies are taken – nanotechnologies, medical implants, genetical modification in sport.

Risk assessment is considered as tracking bioethical principles while biomedical devices and approaches are implemented. At the same time positive effects of new technologies could be considered as widening of personal autonomy resulted from developing of biotechnologies.

Examples of bioethical expertise using bioethical principles are mentioned.

In the publication **“Biotechnological (Re) – (de) –(con) –struction of Human Nature: the Case of Sexuality”** by **P.D. Tishchenko** it is demonstrated that rapidly multiplying biomedical technologies radically alter not only forms of human existence, but human essence as well. Those changes occur in the form of several competing tendencies, which I will designate as reconstruction, construction, deconstruction and destruction. Specific discourses of legitimation (recognition and justification) corresponds to each of those tendencies. Reconstruction means restoration of a lost form, construction presents tendencies to creation of new forms, deconstruction – tendencies to transformation of original form into potentiality of subsequent transformations, destruction – to production of wastes, that compose aggressive environment of scientifically unpredictable and technologically uncontrollable consequences. These wastes returns to human beings in forms of illnesses, ecological problems and global anthropological risks. Sexuality is considered as the case or original paradigmatic example. Development of practices of abortion, contraception, fertilization in test tube, transsexualism, cloning, artificial womb and pharmacology of pleasure («pills of happiness») are steps in total re-de-con-struction of human sexuality. The paper discusses the problem of moral responsibility in specific existential situation created by progress of biotechnologies.

The section is finished by the article **“Global and strategic context if the problem of humanitarian expertise of innovation projects”** by **professor of Moscow State University of Medicine and Dentistry (MSUMD) M.I. Moiseev**. The author considers the problem of humanitarian examination of innovative projects in aspect of the analysis of concepts of an innovation and projectness. The deep logic of examination is analyzed, it is offered to consider a global historical context of social and cultural situations within the limits of which humanitarian examination is spent. The hypothesis of self-organizing of historical process as some kind of «Systems Klio» is put forward.

The third section of the issue “Problems of Virtualistics” represents to the reader research results of the working group “Virtualistics”, which is a part of our sector. It begins with article **“A Woman And A Man: Bodily Transductions As The Virtual Factors Of The Cultural Genesis”** by **Ya. V. Chesnov**”. The author shows that the

period of the oldest drawings of women shapes (33 to 11 thousand years ago) followed the development of the sexual semiotics of body forms. The system of mutual virtual exchange of meanings involved not only male and female bodies but also those of animals. On the one hand, it ensured the ontological unity of the world, and on the other, the expansion in the subtleties of thinking. It involves the appearance of the basic mental images which are in use to this day. Such covert ontology must be authorized by the cosmic foundation. It permits the mental images to domesticate time and space, turning later to planting and animal breeding. Consequently, the ontological customs are driven by bioethical roots.

The prominent woman's role was to prevent the fluid space-time to slip into the repelling infinity, and to bring it back and let it flow down the attracting vortex towards the center, where she found her rest. So the culture creation process developed in the space between the attracting pole occupied by the woman and the repelling pole where no one but deities may live, though sometimes visited by a man. Today the custom of joining men and women together supports the creation of an emergent topic and feelings of happiness caused by appearing transductions. The origin of culture is not a result but a dynamic state in which we live and which we are unfortunately unaware of.

In the article «**Virtualistic of memories and humanitarian examination**» by **G.P.Yuryev, M.A.Pronin** the ontological model of memory is discussed. It is understood not as epifenomen, but as a life basis. It is virtualistic development of ideas of Parmenida and Ekharta. The taxonomy of a new paradigm is proved: life is creating memory; the minimum element of life – a logic three lemma (trilemma) memories «or – and – or»; memory is primary and plural ontologically; kon-tinual-discrete memory continuously evolves in plurality of the lifeless and live forms possessing is qualitative-quantitative characteristics of similarity and distinctions among themselves; Virtualistic memories are one of ways of life constructions. In development of ideas of Heidegger about an intrinsic basis as one of principles of a modern life the technology of an objectivization of undercover knowledge of memory of the person for humanitarian examination is proved. Theoretical bases of interdisciplinary technology are given and practical results of diagnostics of types of logic strategy and dimensions of humanitarian risks on a number of vital topics of a social life are resulted.

In the paper «**Virtual in the field of education**» by **O.A.Skorkin** the virtual environment is broadly determined as an object environment without interaction of a tutor/docent and an educated. A school-boy as well as a student or a researcher are teaching the navigation in the virtual (information) environment Here is shown that the problem is crucial for the teacher who should transform his role from the expositor of the textbook to the pilot who indicates the right coordinates in the virtual environment.

The creation of this information environment is a challenge.

This role exceeds the ability of “one-hand teacher”, the most important here is the collegial function of pedagogical team. The effective usage of the modern information technologies, it’s proper incorporation into the educational process let us make a step over to the new educational paradigm. The nature of the information environment comprises not only the core of the collective interests of the research team, but the vector of it’s development.

The problem is actual because of the tremendous growth of the information flow, that interfused the modern human being.

Finishes release the publication «**Ontology of an error: the virtual approach**» by **M.A.Pronin, G.P.Yuryev**. In the article the ontologic bases underlying epistemological difficulties of understanding of the nature of an error are opened. Work continues N.A.Nosova’s devoted to errors on an example of activity of the person-operator the long-term researches – the military pilot, at Institute of aviation and space medicine Department of Defense of the USSR and in the Center of virtualistics (CV) of The Institute of human studying of the Russian Academy of Sciences. Article consists of a short sketch-review of works on the given theme, executed by N. Nosovym and in CV: Pronin M. and Jurev G. Described a current state of a problem of understanding of the nature of errors: the virtual conflict – the paradigmatic conflict lying in paradigmatic structures of modern psychology (not-virtualistic) is opened. Possibilities of the virtual approach are shown. Interdisciplinary harmony egoscopy by G. Jurev for research vital competences and humanitarian risks of the person is proved. Prospects of the further researches within the limits of humanitarian examination of errors and intention are outlined.

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Б.Г. Юдин

Человек в научном познании: методология и ценности*

В методологии науки широко известны различия и противопоставления, касающиеся естественных наук, с одной стороны, и гуманитарных наук – с другой. Так, В.Дильтей видел специфику гуманитарного знания, или, в его терминологии, наук о духе, в следующем. Если в науках о природе изучаемые предметы даны нам внешним образом, так что мы сами, используя различного рода гипотезы, должны конструировать связи между этими предметами, то для наук о духе характерно внутреннее восприятие, так что изучаемое нами дано нам непосредственно, и при том как нечто уже до всяких наших познавательных усилий взаимосвязанное. «Природу мы объясняем, душевную жизнь мы постигаем»¹.

В свою очередь В.Виндельбанд, критикуя это Дильтеевское разделение наук, предлагал различать науки не по предмету, а по методу и специфическим познавательным целям. От наук номотетических, занимающихся выявлением и изучением общих законов, он отличает науки идеографические, ориентирующиеся на индивидуальные, уникальные ситуации, такие, к примеру, как какое-либо историческое событие.

В обоих случаях, как мы видим, научное изучение человека оказывается разделенным между двумя типами познания. Либо мы подходим к человеку как природному существу, в отношении которого действуют некоторые общие законы, либо же, пользуясь

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 08-06-00590а.

средствами гуманитарного познания, мы получаем возможность так или иначе понимать и интерпретировать его действия и поступки, но при этом имеем мало оснований для того, чтобы получить какие-то знания, выходящие за пределы данной уникальной личности и ситуации. С точки зрения возможности *комплексного* изучения человека мы, иначе говоря, оказываемся перед трудно преодолимым разрывом.

Отметим, далее, очевидную ценностную нагруженность такого рода противопоставлений. То, что относится к ведению естественных наук, выступает, во-первых, как нечто более фундаментальное, базисное, основополагающее, но, во-вторых, и как в известном смысле более низкое, приземленное. Вообще говоря, этот естественный базис представляется и более жестким, менее податливым по отношению ко всякого рода воздействиям и манипуляциям. В то же время к области гуманитарного познания относят то в человеке, что принято считать возвышенным, как принято говорить, отличающим человека от животного или же только и делающим человека человеком. Эта сфера, впрочем, воспринимается как относительно хрупкая, менее надежная и более поддающаяся всякого рода влияниям.

Таким образом, среди методологических проблем комплексного познания человека мы фиксируем следующую: как возможно преодолеть те жесткие разграничительные линии, которые разделяют подход к человеку как природному существу, с одной стороны, и подход к нему как к образованию в существенной мере надприродному – с другой? При этом в искомом ее решении хотелось бы так или иначе удержать тот заряд ценностного противопоставления, который сообщает этому поиску, как, впрочем, и всему познанию человека, особую остроту и напряженность.

Попробуем в этой связи провести разграничительную линию иначе, чем это делали упомянутые философы. Будем различать два типа научного познания, взяв в качестве исходного ценностное основание, в частности, имея в виду то, что по сравнению со всеми возможными объектами познания человек является объектом ценностно выделенным, т.е. в этом – ценностном – смысле отличным от всех других объектов. Таким образом, объектом одного типа познания является человек, другой же тип познания направлен на все те объекты, которые мы не относим к роду человека.

Сходное разграничение можно провести и в том, что касается познания жизни, живых объектов, с одной стороны, и неживой природы – с другой². Понятия «жизнь» и «живое» относятся к необозримо множеству объектов, которые мы, однако, в каких-то существенных отношениях считаем едиными. По поводу того, какова природа этого единства, существуют самые различные точки зрения. «Вместе с тем само сознание единства, которое предшествует всякому конкретному биологическому исследованию, является важнейшей конститутивной для биологического познания предпосылкой. Мысля нечто в качестве живого, мы тем самым мыслим это нечто так или иначе выделенным из порядка физико-химических объектов. По сравнению с ними объект биологического познания в некоторых основополагающих моментах дан нам и воспринимается нами существенно иначе»³.

Истоки того обстоятельства, что наделенные жизнью объекты воспринимаются нами иначе, чем неживые, можно отнести к сфере практически-деятельного отношения человека к миру. Действительно, впервые встретившись с неведомым ему доселе объектом, человек прежде всего решает для себя, является ли этот объект живым или неживым. И от того, как будет классифицирован этот объект, зависит и отношение человека к нему, и возможные формы и направления практического воздействия на него.

Уже для первобытного человека живое выступает и как источник средств питания и удовлетворения многих других потребностей, и вместе с тем как источник возможной угрозы, как объект охоты, собирательства и возделывания, культивирования. Живое, в конечном счете, – это то, без чего невозможно существование человека, и наряду с этим нечто чрезвычайно близкое, в буквальном смысле родственное (ср. тотемизм) ему и даже включающее его самого. Будучи фундаментально значимым в практически-действенном плане, живое становится объектом и религиозного, и эстетического, и нравственного – вообще говоря, ценностного отношения. Эта ценностная позиция в разных контекстах может выражаться совершенно по-разному, тот или иной живой объект может вызывать самые различные эмоции: и восхищение, и отвращение, и страх, и сострадание и т.п., но саму по себе ценностную заряженность отношения человека к живому можно считать своего рода инвариантом.

Какое-либо животное или растение может восприниматься как прекрасное и привлекательное, другое же – как безобразное и отвратительное. Некоторые домашние животные для своих хозяев едва ли не столь же близки и любимы, как родственники, иные же биологические виды воспринимаются человеком как враги. И уже в этом ценностно нагруженном контексте формируется и познавательное отношение к живому.

Но, более того, практическая и ценностная значимость живого выступает и в качестве основы для первоначального выявления каких бы то ни было регулярностей, упорядоченностей и закономерностей в труднообозримом многообразии явлений жизни. К примеру, опыт возделывания сельскохозяйственных растений порождает у людей представления о цикличности, регулярной смене сезонов, или времен года. Сегодня мы, конечно, можем воспринимать их чередование безотносительно к сезонности сельскохозяйственных работ. Однако в культурной истории человечества представления о регулярном течении таких процессов первоначально формировались как сторона именно этого опыта разнообразных взаимодействий с миром природы и миром живого.

Таким образом, биологические представления людей изначально характеризуются не только отнесенностью к специфическому классу объектов и явлений, но и специфическим же, эмоционально и ценностно окрашенным типом отнесенности к ним. Иначе говоря, человек не просто воспринимает некоторые объекты и замечает, что они наделены качеством жизни, – само это восприятие строится на основе осмысления практики его взаимодействий с такого рода объектами.

А поскольку эта практика взаимоотношений с живыми объектами в ходе человеческой истории изменяется, изменяются и ее ценностные характеристики, и ее осмысление в рамках биологического познания. С этой точки зрения последнее выступает как решение той задачи, которая диктуется развитием культуры – задачи приведения к некоторому общему знаменателю всех разнообразных и нередко взаимно противоречивых представлений о живом, которые формируются в процессах практического взаимодействия человека с наделенными жизнью объектами.

Первоначально, таким образом, познание живого, его свойств и качеств, т.е. биологическое познание, непосредственно вплетено в повседневную практическую жизнь человека, в его хозяйствен-

ную деятельность. В свою очередь эта деятельность окрашена религиозными, эстетическими и нравственными мотивами. При этом необходимо подчеркнуть, что какими бы наивными, нелепыми и противоречивыми ни казались нам сегодня представления первобытных людей о живом, эта задача осмысления мира живого и ориентации в нем всегда должна была получать и получала то или иное конкретное решение в рамках данной культуры. Ответ биологического познания на запрос, исходящий от культуры, бывает необходимым здесь и теперь, поскольку он является самоопределением культуры в одном из ее фундаментальных аспектов.

Очевидно, биологическое познание, понимаемое таким образом, существует до всякой науки в собственном смысле слова и независимо от нее, а его единство и целостность обеспечивается тем, что оно реализует особую культурно значимую функцию. Однако с появлением науки и превращением биологического познания в один из ее разделов эта ценностная выделенность живого продолжает сохраняться, получая вместе с тем новые формы своего выражения. Познавательное отношение к живому обретает в контексте науки все большую степень самодостаточности, а воздействие на него практически-деятельностных и ценностных моментов становится все более опосредованным. Напротив, с течением времени сами результаты научного биологического познания начинают все более интенсивно влиять на практическую деятельность, прежде всего в таких ее сферах, как сельское хозяйство и медицина, но далеко не только в них.

Становясь научным, биологическое познание начинает вместе с тем решать и такие задачи, которые характерны для науки в целом, а именно: получение систематизированных, доказательных, обоснованных знаний о мире и выработка научных объяснений. Такие объяснения, относящиеся к тем или иным фрагментам этого мира, должны удовлетворять определенной исторически изменяющейся совокупности идеалов и норм – тому, что называют стандартами или эталонами научности. С точки зрения культуры эти объяснения представляют собой построенные с помощью научных понятий ответы на мировоззренчески значимые (т.е. важные для ориентации человека в мире) вопросы, которые порождаются, разрешаются или воспроизводятся в ходе развития культуры, включая, разумеется, и саму науку.

Но если биология ставит во главу угла (артикулирует) отношение к жизни как ценности, давая этому отношению рациональное понятийное выражение и оформление, то наука в целом выявляет и утверждает ценность самого рационального познания, рационального отношения к миру. И опять-таки на каждой стадии развития науки ее культурная задача получает то или иное решение, пусть в последующем оно и будет считаться неудовлетворительным.

Свою лепту в решение этой задачи вносит и биология как один из обширных разделов научного познания. Здесь, однако, возникает следующий вопрос: сохраняется ли в связи с появлением у биологического познания этой новой функции его традиционная культурная задача? Ответ на этот вопрос должен быть утвердительным; более того, сегодня необходимость решения специфической культурной задачи биологии раскрывается с небывалой до селе остротой.

Дело в том, что современное человечество благодаря развитию биологических наук и технологий получает в свое распоряжение колоссальный и быстро расширяющийся арсенал чрезвычайно мощных средств воздействия на живое. Сюда относятся, в частности, многообразные средства манипулирования с живыми объектами – всякого рода биотехнологии, генетическая модификация организмов и т.п. Еще не достигнув могущества демиурга, способного создавать жизнь заново, человек оказался в состоянии полностью уничтожить ее. Поэтому ядром столь актуальной сегодня проблематики защиты окружающей среды является по сути дела вопрос о том, как сохранить существование и разнообразие жизни на Земле. При этом очевидно, что сохранение жизни в ее разнообразии выступает как задача, имеющая наряду с утилитарно-практической также и несомненную ценностную – нравственную, эстетическую и культурную значимость.

Весьма характерно, между прочим, то, что в наши дни все чаще говорится об ограниченности точки зрения, разделяющей биологические виды на «полезные» и «вредные» для человека. Утверждается, что каждый вид обладает уникальностью и, следовательно, должен рассматриваться на основании более широких критериев, чем те, которые диктуются сугубо прагматическими потребностями современного человечества. По всей видимости, нынешняя популярность экологически чистых продуктов объясняется не только

стремлением людей защитить свое здоровье – в течение последних десятилетий бережное отношение к окружающей среде, прежде всего к живой природе, становится культурной нормой.

* * *

Аналогичный ценностно обусловленный водораздел пролегает, на наш взгляд, и между науками, изучающими человека, с одной стороны, и всеми остальными разделами научного знания, – с другой. Вполне очевидно, что до всякого научного познания человека мы, люди, ориентируясь в окружающем мире, так или иначе отличаем, выделяем человека среди всех других объектов, с которыми нам приходится сталкиваться и взаимодействовать. Очевидно также и то, что это отличие человека от любых иных объектов несет в себе, помимо всего другого, и ценностную составляющую.

При этом некий впервые встреченный человек – другой человек, воспринимаемый как нечто неизмеримо более близкое, чем любой другой живой, не говоря уже о неживом объекте, – вовсе не обязательно будет наделяться позитивной ценностью. Он может восприниматься и как незаменимый друг, и как смертный враг. Существуют, очевидно, некоторые задаваемые культурой (а может быть, даже и природой, биологией?) репертуары, способы обычного реагирования на впервые встречаемого человека, и эти способы при всем их многообразии будут значительно отличаться от обычных способов реагирования при встрече со всяким другим объектом.

И опять-таки по мере формирования научного познания человека эти репертуары отношения к другому человеку, вообще говоря, нигде не исчезают, они не отменяются как ненаучные, неистинные, неверные и т.п. Более того, они и сами могут стать объектом научного анализа, критического осмысления, которое будет выявлять, помимо всего прочего, и их ценностные составляющие. Но, отметим, «выявить» в данном случае вовсе не означает преодолеть, нивелировать их действие.

Ценностную выделенность человека как объекта научного познания можно эксплицировать самыми разными способами, а потому едва ли имеет смысл рассчитывать на то, что разные исследователи в разных контекстах будут придерживаться при изучении человека единообразных ценностных установок. Напротив, несо-

впадения ценностных установок принято – и это вполне справедливо – трактовать в качестве фактора, вызывающего как неявные расхождения, так и открытые разногласия между исследователями. Отсюда проистекает вполне понятная интенция на то, чтобы как можно более основательно абстрагироваться от них, освободиться от их влияния и тем самым претендовать на общезначимость получаемых знаний.

Одним из очевидных следствий предлагаемого способа разграничения двух типов познания оказывается то, что к первому – ориентированному на человека – типу относится и познание человека как природного, биологического существа, и как надприродного – социального, культурного, духовного и т.п. Поскольку нам здесь нет необходимости проводить более детальные различия, будем для краткости говорить о человеке соответственно либо как о биологическом организме, либо как о существе социальном.

Обсуждение вопроса о взаимоотношении в человеке биологического и социального, как хорошо известно, имеет богатейшую историю, которую мы также оставим за пределами нашего рассмотрения. Обратим внимание лишь на такую трактовку этого взаимоотношения, когда и одно, и другое понимаются как два различных континуума, которые существуют, вообще говоря, относительно независимо друг от друга, хотя время от времени и могут пересекаться в отдельных точках. В идеале мы стремились бы к такому описанию происходящих в организме человека событий, которое опиралось бы исключительно на биологические законы. Именно такое понимание соотношения биологического и социального, заметим, дает основания для того, чтобы утверждать как возможность, так и суверенность естественнонаучного познания человека средствами и методами биологических наук. И напротив, другим, так сказать, равномошным, идеалом было бы исчерпывающее описание всех происходящих с данным человеком событий на основе законов, относящихся к социальным явлениям и процессам.

В рамках строго методологического рассмотрения любое событие, происходящее на пересечении социального и биологического континуумов, оказывается чем-то случайным, необязательным для каждого из них. Скажем, какое-либо резкое воздействие на биологический организм человека – к примеру, полученная им травма – может нарушить плавное течение процессов не только на

уровне его организма, но и на уровне тех социальных взаимодействий, в которых он привычно участвует. При этом методологически корректным считается не то чтобы отрицать саму возможность каких-либо воздействий на биологию со стороны социального, но видеть в них не более чем препятствие, искажающее общий ход изучаемых процессов и явлений, то, влияние чего надо уметь если не полностью нейтрализовать, то по возможности минимизировать.

Очевидно, такая установка предполагает восприятие и изучение биологического человека как не более чем одного из представителей класса природных объектов. Но здесь можно задаться вопросами: а) является ли такая установка «естественной» – в смысле существенно необходимой – для естественнонаучного познания человека и б) является ли она единственно возможной? С нашей точки зрения, это не так.

Обязательность такой установки и, больше того, ее ограниченную адекватность отмечал еще Роджер Бэкон, писавший: «Чрезвычайно трудно и опасно выполнять операции на теле человека. Действенные и практические науки, выполняющие свою работу на неодушевленных телах, могут множить свои эксперименты до тех пор, пока не избавятся от дефектов и ошибок. Врач не может так действовать из-за благородства материала, на котором он работает, – это тело не допускает ошибок при оперировании на нем, вот почему опыт в медицине дается так трудно»⁴. В этом высказывании прежде всего бросается в глаза то, что Р.Бэкон фиксирует некоторые специфические сложности, возникающие тогда, когда врачу приходится осуществлять манипуляции с телом человека. (В данном случае речь идет не об исследователе, а о враче, но, очевидно, сути дела это никак не меняет, тем более, что здесь упоминаются и науки, и эксперименты.) Бэкон говорит о методических сложностях, связанных с таким манипулированием, но сами эти сложности имеют, очевидно, ценностные основания – «благородство материала», который, таким образом, отличен от всякого другого материала, с коим приходится манипулировать и экспериментировать.

В целом же мы можем понимать взаимодействие биологического и социального как то, что имеет место, является значимым и реализуется не в некоторых выделенных точках континуума человеческого существования, а на всем его протяжении. А это значит, что их взаимодействие можно при желании и при определенном

настрое мысли обнаружить в любой точке этого существования, хотя, конечно, далеко не всегда такая задача бывает актуальной. Отметим, что такое понимание взаимодействия биологического и социального, вообще говоря, вовсе не требует редукционистских подходов, будь то сведение социального к биологическому либо, наоборот, сведение биологического к социальному. Вообще говоря, во многих случаях от этого взаимодействия можно безболезненно абстрагироваться. Тем не менее вполне возможны такие познавательные ситуации, когда учет этого непрерывного взаимодействия позволяет получить нетривиальные результаты. Рассмотрим в этой связи два примера.

* * *

Первый пример относится к сфере биомедицинских исследований и, в частности, того, что принято характеризовать как этическое сопровождение этих исследований. В ходе биомедицинского исследования имеет место взаимодействие по меньшей мере двух сторон⁵: исследователя и испытуемого. Институциональный⁶ интерес исследователя, вообще говоря, состоит в том, чтобы получить новые знания, относящиеся не только и не столько к испытуемому, сколько к человеку как таковому либо к определенной категории людей, выделенной по тем или иным признакам. К примеру, это может быть популяция мужчин в возрасте от 40 до 50 лет, страдающих ишемической болезнью сердца. Задачей же исследования в этом случае может являться, скажем, определение того, какое влияние на состояние здоровья испытуемых оказывает применение того или иного изучаемого лекарственного препарата.

Эта задача, как и необходимые пути и средства ее решения, при подготовке и проведении исследования так или иначе фиксируется исследователем. Нас же здесь будут интересовать те неявные предпосылки, на которые опирается при этом исследователь. Более конкретно речь пойдет о предпосылках, касающихся понимания человека. Очевидно, исследователь абстрагируется от множества деталей и частных, относящихся к каждому отдельному испытуемому, от его жизненных интересов и устремлений: из всего этого многомерного пространства исследователь «вырезает» определенное подпространство, с которым он и работает.

Таким образом, человек вообще и человек-как-испытуемый – это далеко не одно и то же. Будем понимать под *антропологией биомедицинского исследования* выявление тех предпосылок относительно человека как испытуемого, которыми руководствуется исследователь, планирующий и реализующий свой исследовательский проект. Несмотря на то, что эти предпосылки чаще всего не осознаются им, они тем не менее в существенной мере определяют круг проблем, которые могут осмысленно ставиться как проблемы, подлежащие изучению, и которые в принципе могут быть решены в ходе исследования. Иными словами, если исследование вообще понимать как вопрошание, тогда то, что мы, собственно говоря, вопрошаем, в существенной степени обусловлено тем, о чём и у чего мы вопрошаем.

Когда же речь идет об исследовании, проводимом на человеке, то здесь, по сравнению со всеми другими исследованиями, возникает дополнительная сложность: важно не только то, о чём, но также и то, о ком мы вопрошаем, а это различие порождает массу самых разнообразных нюансов. Таким образом, антропология биомедицинского исследования – это один из путей осмысления того, что такое вообще есть биомедицинское исследование и, далее, того, на получение чего мы, методологически грамотно подходя к его проектированию, вправе рассчитывать при его проведении.

Рассмотрим теперь два различных варианта антропологии биомедицинского исследования, расхождения между которыми могут доходить до противоположности. Первый из них является первым, изначальным и с исторической точки зрения; он же, вообще говоря, всем нам представляется и более привычным. Его, быть может, самое контрастное выражение можно будет найти, обратившись ко временам Второй мировой войны.

В те годы в оккупированном Японией Китае, недалеко от Харбина, действовал японский исследовательский центр – знаменитый «Отряд 731»⁷. Его главной задачей была разработка биологического оружия. Те или иные разновидности этого оружия испытывались в ходе экспериментов на людях; в качестве испытуемых использовались заключенные, которых привозили в специальную тюрьму, расположенную на территории этого отряда. В декабре 1949 г. в Хабаровске проходил судебный процесс, в ходе которого на скамье подсудимых оказались те, кто готовил и проводил эти

эксперименты. Материалы процесса были опубликованы, благодаря чему стали доступными уникальные данные и свидетельства, касающиеся одного из наиболее жестоких эпизодов в истории биомедицинских исследований⁸.

Характерно, что испытуемых заключенных при этом деперсонифицировали: они лишались имен, а те, кто работал в отряде, называли этих заключенных «марута», т.е. в переводе с японского – брѐвнами.

В литературе, посвященной «Отряду 731», выдвигаются различные версии того, зачем это делалось. Согласно наиболее распространѐнной версии, целью такой деперсонификации была психологическая защита: если исследователи, как и все те, кто имел дело с этими испытуемыми, не воспринимали их как людей, то психологически было легче подвергать этих людей всему тому, что предполагалось делать с ними в ходе экспериментов.

Каковы же были ценностные основания и моральные предпосылки, делавшие возможным проведение жесточайших экспериментов в массовых, если угодно, индустриальных масштабах? Этот вопрос можно сформулировать и таким образом: как должны понимать человеческое существо те, кто считает допустимым подвергать пыткам и жестокостям так много людей? Отдельный жестокий поступок можно было бы счесть, скажем, психической аномалией; однако, принимая во внимание масштабы этих экспериментов, мы должны допустить, что у экспериментаторов были какие-то обоснования, позволявшие им принять такого рода исследования. Безусловно, сама по себе жестокость, имевшая место в «Отряде 731», отнюдь не уникальна: история человечества изобилует такого рода примерами. Тем не менее можно попытаться понять некоторые аспекты такого рода практик, реализовавшихся в области биомедицинских исследований.

Прежде всего, необходимым условием применения такого рода технологий является различие «мы» и «они». «Мы» – это те, кто проводит эксперименты, наряду с теми, кого экспериментаторы относят к той же самой категории. «Они» принадлежат к другой категории и могут в какой-то мере рассматриваться как «нечеловеки». Такая установка позволяет приостановить или по крайней мере ослабить действие «золотого правила» нравственности.

Наиболее распространенной основой такого различия является раса или этничность. И в нашем случае это основание нашло свое применение. Вот что пишет Дж. У. Доуэр о японской теории расового превосходства: «Первой расой – расой хозяев – были японцы, второй – родственные расы, такие, как японцы и корейцы, а третьей – раса гостей, состоящая из островных народов, таких, как жители Самоа. Все неапонские расы рассматривались как низшие формы жизни, которые должны быть подчинены Японии»⁹. Это означало, что можно приносить в жертву людей тех рас, которые считались низшими.

Действительно, вопрос о расе играл существенную роль при выборе испытуемых. В литературе нет упоминаний об использовании в таковом качестве японцев. Однако большинство экспериментов было проведено над теми, кто принадлежал к одной из «родственных рас», на китайцах. Это значит, что расовый критерий был не единственным, использовавшимся для категоризации «мы» и «они».

Другое основание, использовавшееся японскими военными, – это выбор испытуемых среди вражеского населения, будь то действительные или возможные враги. Так называемые «законы военного времени», вообще говоря, очень часто толкуются как оправдание самых разных жестокостей, включая и ужасные эксперименты. Дополнительным оправданием было сформулированное Исии Сиро, генерал-лейтенантом медицинской службы, идейным вдохновителем и организатором «Отряда 731», специфическое понимание военной медицины, которая «состоит не только в лечении и превентизации, подлинная военная медицина предназначена для нападения»¹⁰.

Между прочим, когда испытуемые воспринимаются как враги, принадлежащие к чужим расовым группам, и когда различие между своей и чужими расовыми группами проводится вполне серьезно, возникает одна специфическая проблема: насколько валидными будут результаты исследований для различных расовых групп? Благодаря экспериментам можно получить биомедицинские знания, направленные на уничтожение врагов, но, строго говоря, без проведения подобных экспериментов на испытуемых, рекрутируемых из популяции «мы», невозможно гарантировать, что эти знания будут применимы для того, чтобы защитить собственный военный персонал.

Известно, что в несколько ином контексте эта же проблема обсуждалась и в нацистской Германии. Так, когда «исследователи» решили провести серию экспериментов, которые должны были завершиться смертью испытуемых, первоначально предполагалось использовать в этом качестве цыган. Однако между «исследователями» разгорелась дискуссия по вопросу о том, будут ли данные, полученные в ходе экспериментов на цыганах, применимы к людям арийской расы. Ведь цель этих экспериментов состояла в выяснении того, в каких условиях окажутся пилоты (под которыми, конечно же, подразумевались арийцы) истребителей, поднимающихся на большие высоты. В конце концов решение пришлось принимать Гиммлеру, который распорядился таким образом, что данные, полученные при экспериментах на цыганах, вполне могут быть применены и к арийцам.

В нашем же случае речь шла о том, чтобы определить поразительный эффект бактериологического оружия применительно к разным человеческим популяциям. В качестве испытуемых использовались и русские, и китайцы, и американцы, и монголы и т.д. Исследователей интересовали по сути дела знания о реакциях различных биологических организмов, в том числе различающихся по популяционным характеристикам, на те или иные воздействия. С этой целью испытуемых заражали бактериями определенных заболеваний. При этом создавалась ситуация, когда удавалось снять моральные барьеры, которые в обычных, не «экспериментальных» условиях препятствуют получению знаний о том, как ведёт себя человеческий организм, если он поражается бактериями, какие количества бактерий и каким образом вводить в организм для того, чтобы вызвать наиболее тяжелые поражения и разрушения.

В использовании всех до сих пор названных критериев для различения между «мы» и «они» (сюда же можно добавить и приписывание к категории «они» пленных, преступников и т.д.) нет ничего специфического. Подлинно уникальным и заслуживающим оценки в качестве важного социально-психологического изобретения является применение для обозначения испытуемых уже упоминавшейся категории «марута». Здесь мы имеем поразительный пример социального конструирования. Благодаря этому изобретению возникли новые существа, новые объекты. Они обладали некоторыми общими свойствами с людьми, но не воспринимались как люди в подлинном смысле слова, они были *не-совсем-людьми*.

По свидетельству одного из подсудимых на Хабаровском процессе, генерал-майора медицинской службы Кавасима Киоси, подопытные назывались «бревнами» «в целях конспирации»¹¹.

Представляется, впрочем, что конспирация была отнюдь не единственной причиной. С.Моримура отмечает, что один из офицеров, работавших в «Отряде 731», сказал ему: «Мы не сомневались, что ведем эту войну для того, чтобы бедная Япония стала богатой, чтобы способствовать миру в Азии... Мы считали, что “бревна” не люди, что они даже ниже скотов. Среди работавших в отряде ученых и исследователей не было никого, кто хотя бы сколько-нибудь сочувствовал “бревнам”. Все: и военнослужащие, и вольнонаемные отряда – считали, что истребление “бревен” – дело совершенно естественное»¹².

Здесь, как мы видим, акцентируется «нечеловеческая» природа испытуемых – они воспринимаются как не более чем неодушевленный материал для исследований. Вполне можно согласиться с тем, что использование термина «марута» обеспечивает психологическую защиту исследователей и персонала. Х.Акияма, который служил солдатом в «Отряде 731», вспоминал впоследствии, что только по прошествии определенного времени и вследствие эмоционального привыкания он стал индифферентным по отношению к страданиям тех, кого он привык воспринимать в качестве «бревен»¹³.

Но наряду с психоэмоциональным эта «марута-технология» имела и социальный смысл. В каком-то отдельном случае было бы весьма затруднительно воспринимать человеческое существо в качестве бревна. Если, однако, кого-то и тех, кто его окружает будут снова и снова побуждать согласиться с такой идентификацией, в какой-то момент он начнет соглашаться с тем, что это действительно так.

Применение «марута-технологии» давало двусторонний эффект. Во-первых, зло, в данном случае – жестокие эксперименты на людях, когда оно совершается систематически, принимает вид обычной, рутинной практики, чего-то заурядного, что не может вызвать такие глубокие чувства, как отвращение. Говоря словами Х.Арендт, зло становится банальностью¹⁴. Во-вторых, «марута-технология» оказалась эффективной в качестве технологии *дегуманизации*. Выяснилось, что *некоторые биомедицинские эксперименты на людях можно проводить только тогда, когда исследователи перестают видеть в них людей.*

Моримура проводит такое весьма значимое сопоставление: «В жандармерии, до отправки в отряд, каким бы жестоким допросам их ни подвергали, они (пленники – Б.Ю) все же были людьми, у которых был язык и которые должны были говорить. Но с того времени, как эти люди попадали в отряд, они становились всего лишь подопытным материалом – “бревнами”...»¹⁵.

Среди документов, представленных на Хабаровском процессе, были выдержки из руководства по проведению допросов военнопленных. В руководстве описываются крайне жестокие методы пыток для того, чтобы получить достоверные признания¹⁶. Однако при проведении допросов, при всей их жестокости, было необходимо относиться к пленному, пусть и врагу, как к личности, которая обладает некоторыми знаниями, может понимать вопросы и давать ответы и т.д.

Эти специфически человеческие свойства, впрочем, оказывались излишними, когда людей превращали в испытательные «бревна». Становилось совершенно несущественным, являются ли они врагами или нет. Отныне главным, если не единственным качеством, имеющим реальное значение, становилось состояние здоровья этих существ. Персонал «Отряда 731» предпринимал все усилия для того, чтобы те, кто выжил в ходе эксперимента, получали самое лучшее лечение и питание, чтобы их здоровье было восстановлено. Таким образом, возникает парадоксальная ситуация: действия, которые в нашей повседневной жизни мы склонны интерпретировать как выражение подлинной гуманности, – дать заботу и пищу нуждающемуся – оборачиваются своей противоположностью, злодейством, приготовлением к новым жестоким экспериментам. Как отмечает Моримура, для исследований «нужны были здоровые “бревна”. От подопытных требовалось только здоровье. Больше ничто человеческое за ними не признавалось»¹⁷. Здоровье и питание принадлежат к числу фундаментальных человеческих потребностей; однако сомнительно, чтобы испытуемые, будь они должным образом проинформированы и спрошены, дали бы информированное согласие на такое лечение с перспективой последующих страданий. Мы, таким образом, имеем здесь дело с двойной антигуманностью: фундаментальные потребности удовлетворяются только для того, чтобы еще раз превратить людей в «бревна».

Вообще говоря, для того типа антропологии биомедицинских исследований, о котором идет речь, естественно представление об идеально чистом эксперименте, когда, в частности, сняты все препятствия и помехи морального характера. Такая точка зрения достаточно широко распространена и сегодня. В этой связи будет уместно процитировать в высшей степени авторитетного философа Р.Харре: «Исследовательская этика возводит всякого рода барьеры для процедур выявления предрасположенностей и способностей у человека и во все возрастающей степени у животных»¹⁸.

Таким образом, основополагающим для такого типа антропологии биомедицинского исследования является представление о том, что человек-как-испытуемый – это не более чем биологический организм. Если пойти немного глубже в историю, то интересные рассуждения на этот счет можно найти у М.Фуко в «Рождении клиники». Фуко говорит о том, как формировалась практика биомедицинских исследований: в конце XVIII – начале XIX вв., во времена Великой французской революции, возникают клиники, в которых содержатся пациенты-бедняки, не имеющие средств, чтобы оплачивать медицинскую помощь.

Бесплатная помощь в клинике, таким образом, выступает как своего рода благодеяние со стороны общества: общество как бы берёт их на своё содержание, но в обмен на это они должны безропотно соглашаться на роль испытуемых: «Наиболее важной этической проблемой, которую породила идея клиники, была следующая: на каком основании можно превратить в объект клинического изучения больного, принужденного бедностью просить помощи в больнице? ...Теперь его просят стать объектом осмотра, и объектом относительным, ибо его изучение предназначено для того, чтобы лучше узнать других»¹⁹. Итак, эти бедняки, с одной стороны, имеют обязательства перед обществом, с другой стороны, они безответны, а с третьей стороны, – и это очень существенный момент – в клинике их много, а это важно с точки зрения возможности получать статистически достоверные результаты.

Таким образом формируется антропология биомедицинских исследований, которую можно было бы назвать антропологией типа I. А затем, после Второй мировой войны, по мере того, как человечество осмысливало исследования, проводившиеся прежде всего в нацистской Германии, начинает меняться само понимание

биомедицинских исследований, их возможных и допустимых целей, практики их проведения. Начинает формироваться антропология медицинских исследований типа 2.

В рамках этой антропологии предполагается, что испытуемый – это не просто биологический организм, а это ещё и человек. Такая процедура современного биомедицинского исследования, как получение информированного согласия со стороны испытуемого, часто воспринимается как своего рода «довесок», который только затрудняет проведение исследования. Если, однако, попробовать осмыслить процедуру информированного согласия более широко, то *информирование* испытуемого в то же время выступает и как *формирование* субъекта, который будет участвовать в исследовании: подчеркнем еще раз, не просто информирование, но и формирование.

Субъект-испытуемый так или иначе осознаёт, для чего проводится данное исследование, какова его цель и связанные с ним риски и т.п., и когда он даёт свое согласие, то в некотором смысле становится со-участником исследования, берёт на себя часть ответственности за него. Таким образом, понимание человека как объекта биомедицинского исследования не есть что-то данное нам раз и навсегда, оно тоже исторически развивается.

Восприятие всего того, что относится к этическому сопровождению биомедицинского исследования, как каких-то помех и препятствий, вовсе не является единственно возможным. Да и само понимание этического сопровождения как вещи необходимой, но не более того, также не является истиной в последней инстанции. Этику применительно к биомедицинскому исследованию можно помыслить и совершенно иначе, попытаться увидеть в ней не столько препятствие, сколько возможность рассчитывать на получение *более объемного знания о человеке*, который выступает в качестве испытуемого в биомедицинском исследовании. В конце концов, никто не может обязать нас понимать человека как только биологический организм или прежде всего биологический организм. Быть может, всё обстоит намного сложнее, и те знания, которые позволяет получить в этическом отношении корректно задуманное и проведенное биомедицинское исследование, не просто не беднее, но в определенном смысле и богаче тех, которых в состоянии достичь антропология типа 1?

* * *

Наш другой пример относится к явлению, с которым тоже приходится иметь дело при проведении биомедицинских исследований, хотя явление это широко распространено и в рутинной медицинской практике. Речь пойдет о так называемом плацебо-эффекте. Под плацебо в данном контексте понимается безвредная, но и не предназначенная приносить пользу субстанция, которую по внешнему виду нельзя отличить от действительного лекарственного препарата. Суть плацебо-эффекта в том, что терапевтически значимый результат, скажем, такой, как улучшение самочувствия, у пациента может быть связан не с самим по себе биохимическим воздействием на организм принимаемого препарата, а психосоциальным влиянием контакта с врачом, с тем, что пациенту сообщено о неоднократно подтвержденной эффективности препарата, и т.п.

По некоторым сведениям, эффект плацебо может проявляться в каждом третьем случае. Поэтому при проведении биомедицинских исследований предпринимаются специальные усилия для того, чтобы компенсировать возможный плацебо-эффект (так называемый двойной слепой метод). Участников исследования разбивают на две группы, основную и контрольную, так что проверяемый препарат получают только те, кто попал в основную группу, члены же контрольной группы получают плацебо. При этом ни сами участники, ни исследователи не знают, какая из групп является основной, а какая – контрольной. Если по результатам исследования обнаруживаются статистически значимые различия между двумя группами, то можно считать, что плацебо-эффект в данном случае удалось преодолеть.

Иногда говорят также о ноцебо-эффекте, который противоположен плацебо-эффекту: в этом случае безвредная инертная субстанция оказывает, напротив, неблагоприятное воздействие на состояние пациента. По словам исследователя У.Кеннеди, который впервые предложил этот термин, действие ноцебо – это «то, что присуще пациенту, а не лекарству»²⁰. Очевидно, то же самое справедливо и применительно к эффекту плацебо. В обоих случаях мы имеем дело с последствиями того, что лекарство или плацебо принимает не сам по себе биологический организм, а пациент как целостная личность.

Эффект плацебо воспринимается, в частности, при проведении биомедицинских исследований как досадная помеха, для противоборства с которой приходится прибегать к специальным ухищрениям. Дело осложняется еще и тем, что эффект плацебо носит индивидуальный характер и не поддается стандартизации. Но и в этом случае мы можем задуматься о том, что коль скоро эффект плацебо есть проявление человеческой природы, то и в научном познании человека можно не только бороться с ним, но и пытаться использовать его как еще один источник вполне содержательных знаний о человеке.

Примечания

- ¹ Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996. С. 16.
- ² См.: Юдин Б.Г. Биологическое познание как элемент культуры // Методологический анализ как направление изучения науки. М., 1986. С. 162–168.
- ³ Там же. С. 164.
- ⁴ Цит. по: Bull J. The Historical Development of Clinical Therapeutic Trials // Journal of Chronic Diseases. P., 1959. 10(3). 218–248.
- ⁵ Вообще говоря, в современном биомедицинском исследовании таких сторон оказывается не две, а много больше. См. в этой связи: Юдин Б.Г. Этическое регулирование биомедицинских исследований в документах Совета Европы // Философия биомедицинских исследований: этос науки начала третьего тысячелетия. М., 2004. С. 108–119.
- ⁶ Т.е. обусловленный не какими-либо специфическими особенностями личности данного исследователя, а самой структурой той регулярно воспроизводящейся ситуации, в которой находится как он, так и другие исследователи.
- ⁷ См.: Моримура С. Кухня дьявола. М., 1983; Yudin B. A Case of Human Experimentation: The Khabarovsk War Crime Trial // 8th World Congress of Bioethics. Book of Abstracts. August 2006, Beijing, China. P. 33.
- ⁸ Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950.
- ⁹ Dower, John W. War Without Mercy: Race and Power in the Pacific War. N. Y., 1986. P. 8.
- ¹⁰ Цит. по: Рогинский М.Ю. Милитаристы на скамье подсудимых: По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С. 167.
- ¹¹ Материалы... С. 15.
- ¹² Моримура С. Кухня дьявола. С. 13.
- ¹³ Акияма Х. Особый отряд 731. М., 1958. С. 67.
- ¹⁴ Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М., 2008.

-
- ¹⁵ Моримура С. Кухня дьявола. С. 5.
¹⁶ Материалы... С. 231–233.
¹⁷ Моримура С. Кухня дьявола. С. 6.
¹⁸ Харре Р. Конструкционизм и основания знания // Вопр. философии. 2006. № 11. С. 98.
¹⁹ Фуко М. Рождение клиники. М., 1998. С. 135.
²⁰ Kennedy W.P. The nocebo reaction. Int. J. Exp. Med. 1961; 95:203–5.

Ф.Г. Майленова

В изменчивом мире современных нравственных ценностей и убеждений

Человек как существо, осознающее свое существование, живет в совершенно особом, отличном от всего животного царства мире. Можно сказать, что он живет одновременно в двух мирах:

в мире предметном, реальном, некоем *сущем*, и в мире воображаемом, представляемом, так называемом *должном* – в мире идей, представлений, нравственных ценностей и убеждений. Этот второй мир, а точнее тот его фрагмент, который мы называем миром ценностей и убеждений, и является предметом нашего внимания.

Абстрактные и, казалось бы, совершенно нематериальные вещи, такие как любовь, свобода, долг, совесть, честь и т.д., влияют на все поступки человека в «реальном» мире. Эти воображаемые, неосязаемые, невидимые ценности нередко оказываются для человека гораздо более значимыми, чем ценности «реальные»: материальные, осязаемые, в наличии или отсутствии которых можно достоверно убедиться с помощью наших органов чувств. Ведь когда говорят о вечных ценностях, имеется в виду, что как раз все материальное тленно, но есть нечто подлинное, нетленное, и оно-то и представляет собой самую суть бытия.

Исходя из того, насколько тесно переплетены в человеке реальное и вымышленное, материальное и идеальное, сущее и должное, можно утверждать, что, по большому счету, все наше общение проходит в пространстве *представлений* об этом реальном мире и о людях, а другие люди, соответственно, репрезентируют нам свои представления, которые могут в той или иной степени отражать окружающую

действительность, но они именно лишь отражают, нередко с искажениями. Считать, что реальность такова, как мы думаем, – на самом деле лишь принятая всеми удобная гипотеза, помогающая нам жить, не задаваясь ежедневно вопросами об истинности наших знаний.

Возможно ли познание этой реальности, ведь содержательное ее многообразие бесконечно? Видимо, можно постичь ее, лишь изучив и описав структуру. Узнав структуру явления, можно не только успешно в нем взаимодействовать, но и при необходимости моделировать его. Последние исследования модели НЛП в области ценностей и убеждений показывают, что эта сложная и деликатная область действительности поддается рациональному изучению и описанию. Правда, вместе с новыми знаниями встают и новые этические проблемы: насколько допустимо произвольное вмешательство в мир ценностей? Традиционная идентификация «Я» со своими ценностями и убеждениями для личности была привычна и давала какую-то опору. А что можно сказать о потенциальной свободе личности в выборе своих ценностей и убеждений, какова этическая оценка этих новых возможностей?

Целостные состояния сознания, охватывающие тело и разум, включают в себя как физиологию, так и внутренние репрезентации, такие как верования, ценности, решения, убеждения и т.д. С одной стороны, физиология и первичные эмоции, такие как страх, гнев, радость, печаль, удовольствие и т.д., представляются нам чем-то неизменным, что невозможно контролировать и изменять, зато можно в полной мере почувствовать и измерить. Однако, говоря о «реальных» эмоциях или «действительном» состоянии тела, необходимо помнить о том, что сам процесс суждения, осмысления и высказывания уже изменяет эти «реалии».

Следовательно, способ суждения и осмысления не менее важен, нежели сами эти реалии. Внутренний мир человека – его чувства, мысли, идеи – является не просто отображением внешнего мира или ответом на него, он включает в себя также некие добавочные мысли-и-чувства по поводу всего сущего, в том числе пережитых чувств, мыслей, состояний. Ценностное отношение распространяется не только на внешний мир и на других людей, но и на самого себя, на содержание собственного нравственного сознания. Можно испытывать боль или чувство вины по поводу своего переживания ревности, страха, удовольствие и удовлетворенность

в связи с преодолением тревоги, гордость собой или, наоборот, ненависть к себе за чувство любви и привязанности к кому-то. Нередко случается даже такое: человек испытывает чувство долга, которое предписывает ему кого-то любить (например, отношение матери к своему ребенку), но при этом добавляется чувство вины за то, что истинные чувства далеки от идеала. В итоге человек дополнительно страдает по поводу своих «неправильных» чувств, своего страдания или неполноты счастья.

Для нас важно найти ответ на вопрос: может ли субъект оценивать с нравственной точки зрения не только внешний мир, поступки и события, но само содержание нравственного сознания? В каком соотношении находятся индивидуальные миры отдельных людей и общечеловеческая реальность мира общезначимых ценностей, смыслов?

История развития морали и нравственности показывает, что системы морали постоянно меняются, но в одном они всегда неизменны – в требовании неукоснительного соблюдения тех норм, которые на данный момент приняты. Хотя мы уже убедились в том, что эти нормы могут варьироваться и меняться не только в масштабах тысячелетий, но даже в течение жизни одного поколения. Какова динамика этих изменений, что происходит с субъектом морали, когда он сталкивается с противоречивыми нравственными ценностями? Что же представляет собой мир современных ценностей? Новая реальность с новыми правилами? Или же правила все же остались прежними, и изменилось лишь содержание? Размышление над этими вопросами имеет не только теоретический, но и практический смысл.

Любовь – сверхценность или помеха свободе?

Невозможно не упомянуть о такой вечной ценности, как любовь, которую испокон веков воспевали, проклинали; из-за нее умирали и возрождались к жизни. Изменилось ли сегодня отношение к этому чувству? Какое место любовь занимает в жизни современного человека, для которого ценности карьерного роста, автономии и личной свободы, кажется, стоят на первом месте?

Две величайших ценности в нашей жизни – любовь и свобода – постоянно приходят в противоречие. Кажется, невозможно любить, не жертвуя всей полнотой личной свободы. Чем более

близкими становятся отношения между людьми, тем больше они начинают зависеть друг от друга. Радость, тепло, комфорт, наслаждение близостью и взаимопониманием – словом, все, что мы получаем от близкого человека и в чем так сильно нуждаемся, ставит нас в положение зависимости от источника радости – того, кто может нам ее дать, а может и лишить ее. Зависимость эта почти прямо пропорциональна силе и пылкости чувств, и, следовательно, удовольствию от общения с любимым существом и власти того, кто является объектом наших чувств. Эта ситуация достаточно полно и ярко обрисована в мировой поэзии, но все эти бесчисленные примеры, из жизни ли, из литературы или кино, наводят на вопрос: а насколько это неизбежно? Обязательны ли в любви боль, борьба, страдание, муки ревности? Неизбежна ли расплата за любовь в форме зависимости и отказа от свободы?

Ж.-П.Сартр полагает, что свобода одного неизбежно оборачивается несвободой другого, поглощая ее. При этом, как только это поглощение осуществляется и одна из сторон утрачивает свою свободу, тут же отпадает необходимость самих отношений, так как объект, лишенный свободы и растворившийся в другом, утрачивает свою ценность, ибо вместе со своей самоценностью он утрачивает то, что в нем было тогда, когда он еще был отделен от другого. «Конфликт – это изначальный смысл бытия-для-другого»¹, – утверждает Сартр. Постоянное стремление к обладанию близким человеком происходит одновременно с сопротивлением подобному стремлению со стороны Другого. Другой мне необходим, потому что без него я не в состоянии даже приблизиться к обладанию тайной того, чем я являюсь. Таким образом, мое бытие, согласно позиции Сартра, находится у кого-то другого, кто им обладает. Я же стремлюсь к Другому, владеющему моим бытием и моей свободой, пытаюсь овладеть своим бытием, которое неотделимо от того Другого и от его свободы. Следовательно, его свобода является ценой моего обладания моим бытием. «Выходит, мой проект отвоевания самого себя есть по существу проект поглощения другого»², – пишет Сартр. Но при этом другой не должен утрачивать свою природу, ибо тогда с его особостью я утрачиваю свое бытие-для-другого. Раз он стал частью меня, мне уже негде отражаться, и с достижением желаемого – полного обладания свободой другого, – я начинаю утрачивать самого себя, свою собственную свободу.

Мы хотим, чтобы нас любили, чтобы ради нас жертвовали свободой, но в случае действительной утраты свободы нашего партнера, когда другой теряет свою волю, свою индивидуальность, он постепенно перестает быть нам необходим, перестав быть тем Сверхзначимым для нас существом, каковым был до того, пока не был нами завоеван полностью.

Стремление контролировать другого можно наблюдать даже у самых неагрессивных, мягких, интеллигентных людей. Видимо, описанную Ницше «волю к власти» можно обнаружить в сознании любого, даже робкого и отнюдь не властолюбивого в обычной жизни человека, и сферой, выявляющей ее, является именно любовь, близкие межличностные отношения. Стремление контролировать близкого человека, обладать властью над его личностью, его духовной жизнью, его мыслями, чувствами сочетается с боязнью, что подобной властью начнет обладать другой. «Любовь дает нам огромную власть над любящим нас человеком, и эта безмерная власть может тешить наше тщеславие, делая другого рабом, всегда готовым выполнить любую нашу прихоть, любое желание»³, – пишет Альберони. Однако сближение двух людей – двусторонний процесс, каждый чем-то поступает, в чем-то уступает ради сохранения и углубления отношений, и боязнь оказаться уязвимым и потерять свою свободу нередко порождает отношение к любви как к чему-то нежелательному, чего следует избегать, от чего надо себя оберегать. Существуют различные формы избегания близости, и ниже мы остановимся на некоторых из них.

Спасаемся от близости во имя свободы?

Избегание близких отношений возможно как в форме *открытого неприятия*, когда человек старается вовсе не вступать ни в какие отношения, которые могут стать для него слишком значимыми и важными, так и в форме изобретения различных способов *удерживания дистанции* с близким человеком. В последнем случае взаимоотношения существуют, но строятся они таким образом, чтобы не захватывать всю личность целиком. Феномен *эмоционального расщепления*, наблюдаемый у большинства людей, боящихся чрезмерной близости, может быть замаскирован и тщательно скрыт от осознания так, что распознать его можно, лишь зная механизм этого явления. Обычно

люди находят массу причин, объясняющих их одиночество или неудачи в любви. Все эти причины, кажущиеся на первый взгляд объективными или случайными, такие, как сверхзагруженность на работе, географическая удаленность, выбор партнера, заведомо не подходящего по возрасту, общественному положению, культурному уровню и т.п., не дают существующим или возникающим отношениям стать более близкими. На самом деле все эти обстоятельства далеко не случайны. Тот, кто стремится к близости не на словах, а на уровне глубинных потребностей, находит ее. Не бывает так, чтобы рядом с ним постоянно, из года в год, не оказывалось никого достойного любви в своем городе, своего возраста, из более подходящей среды... Видимо, немаловажной стороной привлекательности «неподходящих» для более близких и серьезных, доверительных отношений партнеров является как раз то, что с ними не может быть чрезмерной близости, а стало быть, можно не так опасаться боли, разочарования, а также неизбежной зависимости и несвободы.

На причинах же субъективных, зависящих непосредственно от позиции, поведения самого человека, стоит остановиться особо. Способ соблюдения дистанции путем эмоционального расщепления состоит в том, что с разными партнерами устанавливаются различные по уровню отношения: с кем-то дружеские, с кем-то сугубо деловые, а любовные, эротические – совсем с другими, причем нередко любовные и сексуальные отношения тоже существуют отдельно, с разными людьми. При этом эти своеобразные границы тщательно оберегаются, их стараются не размывать. Друг противоположного пола никогда не станет возлюбленной, с женой не делятся планами на будущее, касающимися работы или духовной жизни, любовница чаще всего тоже отнюдь не является другом, духовно близким человеком, у нее «своя роль», и т.д. Меняющиеся моральные нормы в сочетании с широкой пропагандой свободы секса не то чтобы не очень осуждают подобную «многогранность», а даже, пожалуй, оправдывают ее тем, что природа человека сложна и неисчерпаема. Действительно, со стороны все может выглядеть стройно и логично, однако не учитывается один момент: в этих взаимоотношениях участвуют другие люди, которые нередко глубоко страдают из-за недостатка доверия и близости. «Эмоциональное расщепление» как способ соблюдать необходимую дистанцию (кстати, зачастую она необходима лишь одной из сторон)

трудно однозначно оценить с точки зрения нравственности. Психологические причины, от самого субъекта не вполне зависящие: его темперамент, тип характера, наследственность, особенности воспитания и т.п. – также играют немаловажную роль. В этом аспекте сложно возлагать на личность полную ответственность.

Однако другой способ – *дистанцирование посредством измены*, порождающей обиду и недоверие, – является самым нечестным и жестоким из всех прочих. Бегство от верности для множества людей очень часто имеет отношение к тому, что ими понимается под «свободой». Все чаще и чаще приходится сталкиваться с точкой зрения, что верность одному партнеру – это скорее исключение, чем правило, и такое возможно лишь ценой преодоления человеческой природы, которая-де в основе своей полигамна, хотя главная причина всех этих психологических сложностей – страх оказаться зависимым и уязвимым. Именно страх и боязнь эмоциональной боли толкает людей на жестокие поступки по отношению к своим близким, что в свою очередь приводит к разрушению отношений, и в конечном итоге избежать боли так и не удается.

Во власти стереотипов

Упрощенное знание о человеческой природе в силу своей простоты и доступности пользуется большим успехом в виде советов на все случаи жизни, которыми сейчас полна наша периодика. В основе таких рассуждений лежат жесткие стереотипы, какой должна быть «настоящая женщина», а каким полагается быть «настоящему мужчине», хотя психологи давно уже показали, что в живой жизни идеальных мужчин и женщин не бывает, и в обычном человеке сочетаются качества как, считающиеся традиционно «мужскими», так и «женскими». Устойчивость таких представлений объясняется тем, что прежний образ мира, который на них построен, привычен, понятен и не требует для своего осмысления особых усилий. В современном мире все меньше и меньше традиционно «мужских» или «женских» профессий и занятий, и социальные роли внутри семейных пар изменились настолько, что сочетание мужчина-кормилец и женщина-домохозяйка скорее исключение, нежели правило. Однако в *представлениях о том, как должно быть*, все еще преобладают стереотипы.

Похоже, в этом вопросе имеет место разрыв между должным и сущим, а именно, некоторое отставание некогда сформировавшихся представлений, ценностных установок от меняющейся реальности, которая сегодня уже во многом не соответствует прежним (когда-то верным, а теперь фактически устаревшим) нормам и установкам.

В частности, этот разрыв проявляется в весьма сложных и запутанных системах ценностей современных женщин. С одной стороны, они хотят вести активную жизнь, реализоваться в социуме, а с другой – испытывают сложное чувство вины и страха за то, что они ведут себя «не по-женски», боятся, что наказанием за их успешность будет одиночество и неудачи в личной жизни. Многие работающие женщины корят себя за то, что не могут быть идеальными матерями своим детям, точнее, не могут соответствовать тому образу идеальной матери, который существует в их сознании. За то, что они не в состоянии целыми днями заботиться о своих детях физически и не в силах постоянно испытывать чувство любви и восторга относительно своих детей, они мучают себя морально, требуя от самих себя невероятного, небывалого совершенства и страдая от отсутствия такового.

Стереотип «настоящего мужчины» столь же разрушителен, как и стереотип «настоящей женщины». Необходимость во всех случаях жизни быть сильным, уверенным, негибким и знающим заставляет мужчин отказываться от проявления вполне понятных человеческих «слабостей»: эмоциональной ранимости, чуткости, неуверенности в своей правоте, умения задавать вопросы и прислушиваться к мнению других людей. Такой «мачо» чрезвычайно сложен в общении из-за своей негибкости и неспособности к компромиссам.

Эти стереотипы порождают своеобразную несвободу – внутреннюю, несвободу от образа, каким человек хочет видеть себя, и образа другого, который тоже отягощается непомерными ожиданиями. В конечном итоге люди оказываются несвободными быть самими собой в общении друг с другом.

Любые отношения, даже самые гармоничные, крайне непостоянны, так как люди все время меняются сами, меняется жизнь, окружающие, меняются взгляды и убеждения – невозможно даже перечислить все факторы, которые могут влиять и влияют на разви-

тие, изменение отношений. Особенность человеческих отношений состоит в том, что все активные попытки добиться соответствия идеалу и гарантии любви приводят к тому, что отношения могут расстроиться уже сегодня. К тому же, постоянно беспокоясь, страдая, ревнуя, человек перестает получать удовольствие от отношений, которые на самом деле призваны приносить радость и счастье.

За качество и уровень отношений, за то, каковы они, как складываются и развиваются, в ответе обе стороны. Сказанное справедливо даже для тех ситуаций, когда один любит, а другой лишь позволяет любить, одному достается больше страданий и боли, чем другому, так как он больше нуждается в партнере, более уязвим и зависим. Ответственность за несправедливые отношения все равно лежит на двоих, в том числе в случаях явного неравноправия или даже угнетения, эксплуатации одного другим: ведь человека унижают лишь тогда, когда он позволяет, чтобы его унижали. Всегда существует хотя бы один, самый радикальный, выход из трудной и болезненной ситуации общения – это уйти, не длить унижения и муки, хотя именно такие отношения бывает очень трудно разорвать. В ситуации “раба” и “господина” несвободны оба, и оба зависят друг от друга в гораздо большей степени, чем если бы отношения строились на принципах равенства и уважения. Тем не менее человеку доступно и другое, более трудное, но и более достойное проявление любовных, родственных и дружеских чувств, когда ему не требуется постоянного подтверждения извне его собственной значимости, и он способен любить и принимать себя независимо от того, соответствует ли он идеалу мужчины или женщины и устремлены ли на него в данный момент влюбленные взоры.

Постигая мир нравственных ценностей

Мир ценностей, убеждений, этических норм, представлений – совершенно особый мир. Он является полностью, с начала до конца созданным людьми, это та «вторая природа», которая отличает человека от животных. Тем не менее, будучи сотворенной и постоянно творимой, эта «вторая реальность» отнюдь не является произвольной – в ней существуют свои законы, и, вступая в нее и взаимодействуя с ней, их нельзя не учитывать.

Собственно, весь процесс воспитания и обучения можно свести к познанию законов этой особой реальности. Для того, чтобы быть успешным в ней, необходимо научиться одновременно удерживать в поле зрения сразу множество реальностей, правильно ориентируясь в каждой из них. Первое, что необходимо понять и усвоить, – это собственно законы нравственности, принятые в обществе. Второе – познание собственного внутреннего мира, максимально полное осознание его, со всеми его особенностями и проекцией существующих в обществе ценностей. Затем следует самое сложное – научиться видеть, распознавать особенности каждого участника коммуникации, проекцию общепринятых законов нравственности на его внутренний мир. На деле оказывается наиболее трудным удерживать в активном внимании одновременно разные карты – свою собственную и других людей, не смешивая их и не перенося на других свою личную карту⁴. Имея точки соприкосновения, карты различных людей тем не менее настолько уникальны, что можно лишь удивляться, как людям вообще удается как-то общаться и понимать друг друга.

Так как количество единиц информации, которую человеческий мозг может одновременно удерживать в поле внимания, ограничено, большая часть ее переносится на бессознательный уровень. В коммуникации важна именно такая вот бессознательная компетентность, которая помогает мгновенно найти максимально правильный выход из любой ситуации, ведь особенностью законов этой реальности является их жесткость наряду с изменчивостью и неопределенностью, невозможностью постижения их только лишь силой разума, знаний. Сознание человека не ограничивается только лишь рациональной его частью. Стремление современного человека обращать внимание лишь на логические выкладки, игнорируя те «неясные», неопределенные знаки и символы, которые посылает бессознательное, сослужило ему не самую лучшую службу. Игнорирование возможности доступа к такому знанию, которое можно еще, пожалуй, назвать интуитивным, или глубинной, скрытой мудростью, не исключает того факта, что бессознательное тем не менее работает всегда. Обычно оно занято переработкой информации (мыслительной или эмоциональной), полученной извне: это могут быть какие-то переживания, неотвязные мысли, идеи и т.п. Эта работа может осуществляться как с негативным результатом,

если человек постоянно углубляется в негативные чувства, переживания, как бывает при неврозах или навязчивых состояниях, так и с позитивным – все великие открытия, мгновения вдохновения, озарения происходят именно благодаря скрытой работе бессознательного. В данном случае под «бессознательным» подразумевается часть личности, которая не контролируется сознанием. Это понятие является объединяющим рациональное и интуитивное как некая глубинная основа личности.

В.Франкл вводит даже понятие «подсознательной духовности», которая «содержит источники и корни всего сознаваемого». Так что, согласно Франклу, «Я» не находится во власти «Оно», но дух покоится на бессознательном⁵. Он полагает также, что основы совести надо искать в области иррационального, или бессознательного, так как «большие и подлинно экзистенциальные решения в жизни человека всегда неререфлексируемы и тем самым неосознанны; истоки совести восходят к бессознательному»⁶. Отличие сознания в том, что ему открыто сущее, которое доступно рациональному познанию. Совесть же апеллирует не к сущему, а к должному, к тому, что может и должно быть осуществлено, проявляя необходимость более высокого порядка. Собственно, знание о том, каким должен быть человеческий выбор, – это не только рациональный подсчет всех «плюсов» и «минусов», а еще и интуитивное постижение нравственной основы выбираемого варианта, что возможно лишь при глубоком понимании человеческой личности.

«Только совесть может как бы согласовать “вечный”, всеобщий моральный закон с конкретной ситуацией конкретного человека. Жизнь по совести – это всегда абсолютно индивидуально-личная жизнь в соответствии с абсолютно конкретной ситуацией, со всем тем, что может определять наше уникальное и неповторимое бытие. Совесть всегда учитывает конкретность моего личного бытия»⁷, – пишет В.Франкл. Можно утверждать поэтому, что именно совесть как нравственный механизм может при принятии важных решений помочь избежать роковых ошибок, за которые стало бы впоследствии «мучительно стыдно», помочь сохранить целостность личности.

С помощью рассудка, рациональной части личности можно знать и оценивать то, что уже было когда-то пережито в реальном опыте. Также может быть эффективным интеллектуальное осмысление как некое предвидение, «мысленная подготовка» к пред-

стоящему событию. Когда же речь идет о выборе в совершенно неизведанной области и человек как бы делает шаг в полную неизвестность, нравственными ориентирами для него могут служить лишь общечеловеческие ценности. Правда, тут может возникнуть (и нередко возникает) проблема выбора между различными ценностями, каждая из которых требует абсолютного соблюдения.

Не секрет, что многие делают выбор отнюдь не в пользу нравственных ценностей, так как реальные, «осязаемые» земные ценности кажутся им ближе. Но не стоит резко отграничивать ценности духовные и материальные, тем более давать однозначную оценку, считая духовные мотивы правильными, достойными высокой оценки, а материальные – наоборот. Тут важно еще уметь учитывать не только то, что человек выбирает, но и как он совершает выбор. Бывает, руководствуясь высшими нравственными принципами, искренне желая добра, калечат чью-то судьбу лишь потому, что ситуация не «вписывается» в готовые моральные нормы. А бывает наоборот – откровенно эгоистичные мотивы, например, стремление заработать много денег, приводят к тому, что добившийся своей цели может спокойно содержать престарелых родителей, дать хорошее образование детям, и в итоге результаты выбора оказываются прекрасными как для самого человека, так и для его близких.

Нравственная оценка того или иного поступка не должна быть однозначной еще и потому, что все человеческие поступки порождаются не одним-единственным, а сразу несколькими, порой противоположными мотивами. Вопрос состоит в том, какой из множества мотивов является доминирующим или считается за «истинный» самим автором поступка. Способы интерпретации поступков, в зависимости от степени осведомленности о душевной жизни человека, бывают самыми различными: приписываются либо стандартные, примитивные, порой просто обидные и принижающие человека мотивы, либо возвышенные, высоконравственные, либо же «разоблачающе-психологические», представляющие собой попытки «докопаться» до глубинных, подсознательных влечений и устремлений... Выбор того или иного способа интерпретации своих и чужих поступков зависит также и от нравственного уровня того, кто взялся интерпретировать. Поскольку о других обычно судят, ориентируясь на знание себя, другому с большей вероятностью будут приписаны те мотивы, которые знакомы по

личному опыту. Правда, существует разница в способах интерпретации чужих и своих поступков: из всего веера возможностей интерпретаций большинство склонно выбирать более нравственные мотивы, говоря о себе, и гораздо более «низменные» приписываются другим, особенно если этот другой лично неприятен. При совершении благородных поступков сам человек склонен считать, что он совершил его совершенно бескорыстно, если же то же самое сделал другой, все объясняется либо удачными обстоятельствами, либо скрытыми эгоистическими интересами, желанием выделиться, порисоваться и т.д. При интерпретации какого-либо не очень нравственного поступка другой подвергается осуждению по всей строгости морали, себя же люди склонны прощать (хотя бы со временем), объясняя произошедшее опять же неудачными обстоятельствами, плохим самочувствием и, наконец, тем, что те, с кем так нехорошо обошлись, на самом деле не очень нравственны сами. Последнее может трансформироваться в сознании до такой степени, что со временем вместо угрызений совести может появиться нечто похожее на удовлетворение, так как содеянное в свете последних размышлений о недостатках и пороках «потерпевшего» начинает казаться чуть ли не справедливым возмездием. Даже догадываясь об истинных причинах своих поступков, человек все равно будет стремиться объяснять их благовидным образом.

Можно сказать, что потребность если не быть, то хотя бы выглядеть нравственным (в том числе перед самим собой) лежит в глубинах человеческой психики и является причиной множества несоответствий и несовпадений между оценкой своих и чужих поступков. Как уже говорилось, человек склонен «прощать» себе и малодушие, и трусость, даже подлость и предательство, понемногу смягчая отрицательную самооценку по поводу случившегося, и постепенно может начисто забыть о неприятном событии. Тот же, кого обидели, даже в том случае, если обида в основном придумана или же сильно преувеличена, напротив, не может забыть того, что причинило ему боль, оставаясь опять-таки гораздо менее чувствительным к своим словам и поступкам, которые могли ранить и обидеть близкого человека. Эта неравномерность в интерпретации своих и чужих поступков не является фатальной. Помнить об этой разнице – значит стремиться более терпимо относиться к другим людям и более строго к самому себе, хотя это пожелание является предельно общим и в каждом конкретном случае расклад сил может быть различным.

Элементы творчества в морали

Каждая конкретная жизненная ситуация может быть настолько индивидуальной, что от личности требуется не столько послушное следование каким-то, пусть даже самым высоким нравственным нормам, сколько умение творчески постичь существующие нормы. Для того чтобы достойно справиться с такой нелегкой задачей, необходима смелость, а также способность самостоятельно разобраться и сделать правильный выбор не только между добром и злом, но порой и между добром и добром (между разными ценностями), или злом и злом, выбрав наименьшее.

Полноценная, разносторонне развитая личность прорабатывает свою жизнь на всех уровнях: начиная от бытового и поведенческого и заканчивая уровнем ценностей и собственной миссии. Очень важно, чтобы поступки, из которых соткана реальная ткань жизни человека, соответствовали тем жизненным ценностям и убеждениям, которыми он живет, которые считает «своими», – в противном случае внутренний разлад рано или поздно скажется на душевном, а также физическом здоровье, на всем жизнеощущении.

Во всех сказках, фантастических романах герой попадает в ситуацию, в которой он никогда раньше не бывал, следовательно, не может действовать согласно известным ему схемам. Необходимо творчество, мгновенная оценка ситуации и умение охватить ее как разумом, так и всеми чувствами, и удача сопутствует тому, кто не боится рисковать и в то же время каким-то особым чувством знает, как правильно действовать.

В реальной жизни человеку также нередко приходится действовать на свой страх и риск, на ходу познавая правила игры. Мудрость современного человека – это баланс между знанием и риском, соблюдением правил и творчеством. Даже в той области действительности, которая прежде казалась неизменной, – в области морали и нравственности ныне все больше неопределенности. Бессмысленно сетовать на то, что мораль умирает и нравственные ценности нынче не в цене. Полностью исчезнуть мир ценностей не может, так как он является частью человеческого мира, он необходим как обществу в целом, так и каждому отдельному его представителю. Однако надо признать, что он видоизменяется и приобретает новые очертания, предъявляет новые требования и диктует

новые законы, которые необходимо познавать. Каждая ситуация требует к себе особого подхода, учета тысячи факторов и необходимости самостоятельного, творческого принятия решения.

Что такое творчество в области ценностей – безнравственность или полет к новым высотам? В книге «Так говорил Заратустра» Ницше вводит для определения этого явления слово «имморализм», обозначая им, в противоположность аморализму, который все равно остается в пределах той системы морали, которая существует, нечто совершенно новое, стоящее над моральным и неморальным. Возможно, Ницше говорит как раз о сегодняшнем человеке, каким ему надлежит стать – мудрым и мужественным, принимающим ответственность не только за свои поступки, но и за их нравственное содержание.

Философы говорят о необходимости рождения нового человека, но как им стать, как вобрать в себя всю ту мудрость, которая необходима для такого существования, приходится решать каждому самостоятельно. Для того чтобы познать сложный, многообразный, постоянно изменяющийся мир ценностей и внести свою лепту в его усовершенствование, нужно прежде всего постичь его, научиться в нем ориентироваться. Здесь мы разделяем гуманистическую веру Сократа в разум человека, в то, что лишь наиболее полное знание приведет к полноценной, осознанной, истинно человеческой нравственности.

Примечания

- ¹ *Сартр Ж.-П.* Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 207.
- ² Там же. С. 208.
- ³ *Альберони Ф.* Дружба и любовь. М., 1991. С. 242.
- ⁴ Определение «карта реальности», принятое в НЛП (нейро-лингвистического программирования), обозначает именно ту субъективную, уникальную для каждого человека, а также для различных субкультур, сумму смыслов, значений, представлений, через призму которых воспринимается окружающий мир.
- ⁵ *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 96.
- ⁶ Там же. С. 97.
- ⁷ Там же. С. 98.

П.Д. Тищенко

Врачевание как власть (абрис проблемы)

Вопрос о власти в структурах врачевания ставится не в политической плоскости, но с точки зрения философской антропологии. Власть – это феномен, позволяющий выявить некоторые фундаментальные основания присутствия человека в мире как страдающего и деятельно отвечающего на страдание другого. Подступиться к смыслу феномена власти поможет русский язык, пытающийся уловить его в пересекающейся семантике оппозиции слов: устрашение – защита, принуждение – сопротивление, заставление – раскрытость, подчинение – бесчинство, могущество – беспомощность.

Устрашение подводит к наиболее фундаментальным антропологическим структурам. В каком смысле власть присутствует «у», т.е. около страха? И о каком страхе речь идет у власти как врачевании? Думаю, что прежде всего о страхе смерти. Перед лицом смерти, понятой как телесное событие, о котором достоверно может судить лишь врач, человек новоевропейской эпохи «собирает себя» во вполне специфическую антропологическую индивидуальность и набрасывает вектор опространствления – самоотчуждения в иное, рассеивания в исторически специфической «нецельности» или «множественности» страдания. Тем самым собрание в «целое», к которому устремляет себя страдающий в надежде на исцеление, ближайшим образом вводится путем установления в существо человека онтологической разницы – демаркационной линии, отделяющей свое (целостное=здоровое) от чужого (рассеива

ющего=патологического). Эта демаркация задает как одну из характернейших координат общественной и личной жизнедеятельности человека новоевропейской эпохи, так и многообразие его маргинальных отклонений.

Схематизируя ситуацию, можно сказать, что основа власти врачевания – в том привилегированном положении, которое занимает врач между человеком и смертью. В концепте «болезнь» происходит своеобразное «одомашнивание» смерти, преобразование безликого, вышибающего из-под ног почву ужаса в более спокойное настроение страха перед чем-то наблюдаемым, в некотором смысле «осязаемым». Как выразительно отмечает Фуко: «Медицина предлагает новому человеку настойчивый и утешительный лик конечности; в ней смерть подтверждается, но, в тоже самое время, предотвращается; если она без конца объявляет человеку предел, заключенный в нем самом, то она говорит и о том техническом мире, что является вооруженной позитивной защитой и заполненной формой его конечности»¹.

В этом высказывании Фуко следует не упустить несколько принципиальнейших моментов. Во-первых (не по порядку, а по сути), медицина объявляет человеку его предел «в нем самом», т.е. заключенный в его собственном существе источник предельной (подводящей к пределу) опасности смерти. Врач – единственный достоверный свидетель этого предела. Констатируя смерть, он не просто свидетельствует о событии, но и совершает социальную властную операцию по переводу некоторого человеческого существа из класса живых в класс умерших. Только после получения «Свидетельства о смерти» как акта изменившегося гражданского состояния возможны похороны. О привилегированном положении врача перед лицом смерти мы получаем дополнительную весть от движения в пользу легализации эвтаназии. Гильотина действует надежней и доставляет меньше дискомфорта «пациенту», чем любой применяемый для эвтаназии препарат. Профессиональный киллер и палач более опытни, чем врач, которого никто не учил убивать людей. Но именно к нему, как единственному свидетелю истины смерти, обращаются с просьбой об эвтаназии.

Во-вторых, за этим «пределом» прячется от глаз профана первый враг человека, для борьбы (не на жизнь, а на смерть) с которым врач может предложить некоторое «вооружение». Бо-

лезнь – источник смерти (конечности), «позитивна», поскольку до последнего момента человек, глядя на ситуацию глазами врача, видит своего «врага» и имеет какие-то средства с ним сражаться. Им владеет достаточно рациональное (прагматичное) настроение страха. Достаточно вспомнить, что герой повести Льва Толстого Иван Ильич пытался удерживать оптимизм, размышляя о своем страдании с позиции врача как об отношении между неправильно работающими органами, и моментально терял его, как только из-за завесы врачебных слов перед ним вновь возникала смерть.

Магическая способность преобразовать безликий, парализующий ужас в прагматику страха – борьбу с опасностью – и является основой врачебной власти. Страх – это воспринимаемый и одомашненный след безликого ужаса. Поэтому власть врачевания, создающая в болезни «страхо-убежище» для пациентов и общества, всегда будет социально и индивидуально востребована вне зависимости от того, насколько конкретный врач реально эффективен в той или иной ситуации. Аналогичные «страхо-убежища» укореняют властные структуры армии, милиции и других «силовых структур» прежде всего своим существованием, а затем уж и своей эффективностью. Если врач заслоняет человека от ужаса, источник которого локализован в его собственном теле, то силовые структуры прячут человека от источника предельной угрозы в своем ближнем (соплеменнике) или чужом человеке (иноплеменнике).

В заключение данного рассуждения следует отметить, что когда мы говорим о враче как активном субъекте власти, то, вероятно, говорим несколько опрометчиво. Например, утверждаем, что он заслоняет человека от смерти, трансформируя ужас в позитивное настроение страха. Это верно, если забыть, что врач сам, как человек, смертен. Поэтому в его собственном существе присутствует и позитивно просветленная надеждой на помощь, страшась ипостась пациента, и легко просматриваемая в беспомощности врачевателя бездна тьмы смерти. Казус врача Донцовой (героини повести Александра Солженицына «Раковый корпус») дает тому наглядное свидетельство.

Повторюсь, одновременно набрасывая абрис последующего рассуждения: утрашая, врачевание раскрывает в существе человека основополагающее различие между своим и чужим. Обладая

могуществом различать чужое в свете своего знания и бороться с ним, оно принуждает, заставляет и подчиняет людей, вовлеченных в ситуацию телесного страдания.

Принуждение предполагает, что власть присутствует лишь при определенной нужде человека. Тогда, когда некая нужда есть для человека. Трансформация ужаса в страх – первейшая экзистенциальная нужда. Она, локализуясь на аффективном уровне, участвует в формировании силы, принуждающей людей перед лицом телесного страдания к определенного рода сотрудничеству, которое (сотрудничество) мы и называем врачеванием. Остальные нужды, которые плодятся вместе с дроблением медицинских наук, с экзистенциальной точки зрения могут считаться вторичными. Даже нужда в совершенствовании телесных качеств и деятельном долголетии имеет своим фоном первичный страх смерти. Как и любая форма деятельности, отвечая на стихийно формирующуюся нужду в борьбе с болезнями, врачевание превращает ее в культурно сформированную потребность, которая не просто удовлетворяется, но и расширенно воспроизводится. Прогресс современной медицины, в которой здоровый человек исчезает, становясь по сути «недодиагностированным», превращает нужду во врача, а следовательно, и власть врача в тотальную. Иными словами, естественно возникающая, но культурно преобразованная и гипертрофированная нужда в медицинской помощи движет побуждениями людей и встраивает их в структуры врачебной власти. Человек ускользает из аппаратов медиализованной власти лишь постольку, поскольку в нем в какой-то момент может исчезнуть базисная нужда в страхоубежище. Так случилось с упомянутым выше Иваном Ильичем. Приятие смерти как милосердного избавления от мук радикально изменило его отношения к врачу и процедурам врачевания. Послушание инвертируется в умиротворенную горькую усмешку над тщетностью врачебных усилий.

Но куда человек нуждается в страхоубежище, его нужда остается крепежным узлом медиализованных аппаратов власти. Методом инсталляции аппаратов власти в существо человека является практика **заставления**. Что здесь заставляет для создания поля власти? Заставляется удовлетворение нужды. То есть между нуждой, ставшей для человека актуальной, и ее удовлетворением возникает не просто разрыв, но некоторое пре-

пятствие, одновременно выступающее в качестве посредника в удовлетворении нужды. Нужда в сохранении жизни, ставшая актуальной в результате обнаружения направленного тебе в грудь пистолета, может быть удовлетворена, если угрожающий человек уберет оружие. Но уберет он лишь тогда, когда ты отдашь разбойнику свой кошелек. То есть обменяешь кошелек на жизнь, как ценность более важную. Аналогично поступает тоталитарное государство, искусственно создавая дефициты жизненно важных продуктов и обменивая лояльность жителей на предоставление скудных возможностей для удовлетворения самых элементарных человеческих нужд.

Базисная нужда человека с улицы обеспечена его «послушанием» врачу, который только и способен «видеть» угрозу и подсказать путь к спасению – «здоровью». Подобного рода отношение между врачом, играющим роль опытного (знающего) наставника («отца»), и пациентом, исполняющим роль «больного» как несмышленного, не способного отвечать за себя «отрока», называется «патернализмом». Причем, говоря о «патернализме», не следует иметь в виду лишь отмеченный выше момент «личной зависимости». Скорее здесь предстает парадигма отношения власти, которая структурирует не только макро- или микросоциальные отношения государства к населению или отношение врача к больному, но и психосоматику индивида. Властное отношение «активного» сознания к «пассивному» телу предстает в той же самой «патерналистской» конфигурации (укажу только на знаменитую идею «воспитания чувств»). И опять же, если вернемся к процитированному выше фрагменту М.Фуко, заставление ближайшим образом подкрепляется экзистенциальной нуждой в заслонении человеческого существа от ужаса смерти.

Кооперативное действие устрашения, принуждения и заставления формирует эффекты *подчинения*. Эффекты иерархии. Существования под чином. Причем в двух дополнительных смыслах, принадлежащих русскому слову «чин». Чин в первом смысле обозначает некоторый иерархический порядок, связанный целостный образ вещи, включая человеческую общность. Неподчинение наносит урон не только конкретному человеку (некоторому начальнику – чину), но и порядку как таковому. Когда подобное случается, то говорят о бес-чинстве. Другой смысл слова чин указывает

на место человека в иерархии доминирования и подчинения – его чин, к примеру, профессора, майора или черпака. Причем это место не только социальное, т.е. не только указывает на отношения между людьми, но и антропологическое. Любой эмпирический человек (Иванов или Сидоров).ю чтобы стать собой в структуре иерархии, должен соответствовать своему «чину» – месту в несимметричных социальных структурах. И врач, и пациент исполняются в своем предназначении и достигают эффективного сотрудничества (как небольшой «оркестр»), лишь воспроизводя адекватно иерархию подчинения. То обстоятельство, что эта иерархия может быть усложнена за счет дополнения патерналистской структуры структурой автономного выбора, не меняет сути дела и не отменяет иерархичность власти. Система врачевания из простой (монополярной) превращается в сложную (мультиполярную). В целом же подчинение располагает индивидов на пороге определенных ритуалов взаимодействия (в нашем случае – ритуалов врачевания), образует для них основополагающую структуру. Структуру, призванную обеспечить *могущество* как способность и возможность взаимодействующих субъектов (индивидов, социальных институтов) адекватно отвечать на вызов, обращенный к ним из плоти страдающего тела.

Внутри этого взаимодействия власть может быть как связана с человеком или институтом в роли субъекта, навязывающего волю другому или иному, так и выступать в роли специфичной для данного общества анонимной силы, структурирующей (определяющей или ограничивающей) пространство выбора целей и средств субъектов, вступающих в социальное взаимодействие, дифференцирующей их в качестве неравных в отношении прав и обязанностей, господства и подчинения. В этом смысле власть может быть рассмотрена и с перспективы индивида, использующего структуры подчинения для реализации своих целей, и с перспективы самих структур, которые функционируют и эволюционируют вне зависимости от того, какие индивиды какие ячейки этих структур занимают. Имея в виду сказанное, следует понимать, что слово *могу-щество* должно быть отнесено и к человеческим субъектам: индивидам, институтам и сообществам, и к самим иерархическим структурам социальной интеракции. Поэтому, когда ниже (ввиду ограниченности жанра статьи) речь

будет просто идти об отношениях «врач – пациент», то следует понимать это в духе Э.В.Ильенкова в качестве элементарной клеточки теоретического рассуждения, выражающей системообразующее противоречие.

Подступом к пониманию власти врачевания как формы могущества может служить знаменитая гегелевская идея хитрости разума. «Разум столь же *хитер*, сколь *могущественен*. Хитрость состоит вообще в опосредующей деятельности, которая, позволив объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом воздействии, не вмешиваясь вместе с тем в этот процесс, все же осуществляет лишь *свою* собственную цель»².

Обращу внимание: возможность осуществить свою цель налична для разума лишь в том случае, если он удерживает само осуществление всеобщих определений природы в статусе *возможности предоставления*³. Если они не просто *есть*, но лишь могут сбыться в зависимости от того, предоставит такую возможность разум или нет, и в какой форме он ее предоставит. К примеру, законы Ома или Ампера всеобщи. Они *есть* вне зависимости от наличия или отсутствия представляющего субъекта. Однако разум может предоставить возможность природе реализовать себя в соответствии с ними так, что получится в одном случае лампочка, в другом – рефлектор для обогрева жилища. Почти по Аристотелю, знания в форме законов природы определяют не форму того, что есть, а лишь материю и потенцию – область возможных производящих актуализаций, неопределенную в отношении цели производительную мощь природы. Относительно изобретений культуры это рассуждение должно быть понятно. Но и неклассическая наука (в смысле В.С.Степина), обнаружив зависимость *того, что* наблюдается, от «прибора» и «языка», осуществила радикальный сдвиг, осмыслив бытие как бытие в возможности.

В медицине мы имеем ситуацию, при которой цель разума на первый взгляд совпадает с целью природы. Врач, казалось бы, ничего не изобретает нового – просто возвращает жизнь тела в ее естественное русло протекания. Однако его вмешательство оправдано лишь в том случае, когда сама природа тела в силу естественно разворачивающихся событий вернуться к своей истинной форме не может. Здесь-то и возникает нужда в помощи. Причем осо-

знается она путем сравнения наличного страдательного состояния с некоторым эталоном нормальности. В одной из своих работ я попытался показать, что базисный для медицины анатомический эталон нормального человеческого тела был в буквальном смысле сконструирован художниками эпохи Возрождения на основе пифагорейских пропорций⁴. Господствующее в современных разделах медицины представление о норме как среднестатистическом значении является также относительно недавним изобретением, имеющим под собой вполне конкретные метафизические предпосылки. В свою очередь то обстоятельство, что статистика, являющаяся источником современного типа нормативности, еще очень плохо преподается в медицинских вузах, свидетельствует о переходном этапе становления идеи нормы в клинической медицине. «Клиническое мышление» качественно отличается от современного технологически ориентированного мышления, стандарты которого представлены в движении «доказательной медицины». Ниже об этом вопросе будет сказано больше.

В любом случае мне важно было подчеркнуть, что хотя медицина и ставит задачу восстановления утраченной естественной целостности тела, но саму идею целого она в каждый исторический период изобретает заново. Именно поэтому врачевание как род деятельности не выпадает из остальных родов деятельности и к нему вполне возможно применить идею хитрости разума в качестве основы его (врачевания) власти как могущества. Транслируя эталоны нормальности в общество, она формирует соответствующую сеть потребностей (крепёжных узлов власти), в которую попадает практически каждый современный человек. Это с одной стороны, и об этом сказано достаточно. С другой – она проясняет в некотором знании необходимую для хитрости разума онтологическую дистанцию между *есть* и *может быть*, между сущим и должным. Именно этот онтологический зазор и раскрывает саму возможность опосредования (заставления), лежащую в основе человеческого *могу*-щества и подчиняющего принуждения конкретного действия. В действии бытие человека выступает не просто как *бытие возможностей*, но прежде всего как *производительная мощь* самого бытия.

Человек знающий обладает онтологической привилегией предоставлять производительной мощи бытия реализоваться в той или иной форме. Поэтому в зависимости от типа знания сам

характер могущества может быть различным. Схематично выделим три типа знания, определяющих характер врачевания, соотнося их с тремя типами доминирования по Максус Веберу. Знание может существовать как миф, традиция и как собственно рациональное знание.

Миф – это запечатлённая в формах исторически специфических языков культуры непосредственная, неосознаваемая, жизненно-практическая способность людей узнавать, именовать и преобразовывать предметы окружающего мира и собственные жизненные ситуации. Миф представляет собой род знания, обеспечивающий самоочевидность всего непосредственно данного, того, что Гуссерль включил в понятие жизненного мира. Он придаёт первичную, базисную культурную оформленность всем проявлениям человеческой жизни, в том числе и тому, как человек субъективно переживает факт заболевания и какие поведенческие стереотипы им неосознаваемо при этом воспроизводятся. Человек приобретает мифологическое знание незаметно для себя с первых до последних дней жизни через общение и совместную деятельность с другими. Оно задает фундаментальные антропологические различия: свое – чужое; угрожающее – защищающее; больное – здоровое; запретное – разрешенное; плохое – хорошее; злое – доброе; публичное как открытое (для зрения и обсуждения) и частное (прячущееся и умалчиваемое).

На уровне мифа закладывается фундаментальное антропологическое различие между «сделал» и «сделалось» – произвольным движением и непроизвольным, между телом и душой⁵. Именно данное различие формирует предмет медицинского вмешательства – телесное страдание. Медицина изучает человека в качестве «тела», т.е. такой реальности, в которой события детерминированы естественными природными причинами. Разные культуры имеют различную эмпирическую границу между душой и телом. Культурная обусловленность этого различия во всей своей очевидности проявляется в психосоматических феноменах. Однако в любом случае мифологическое знание является общим основанием взаимодействия врачей и пациентов. Создает их общий жизненный мир. Проясняет некоторые архетипические формы взаимодействия в качестве неосознаваемых и поэтому естественных *ритуалов* взаимодействия.

Традиционное знание, многое впитывая из сферы мифа, характеризуется своей осознанностью. Но осознание это радикально иного типа, чем то, которое непосредственно воплощает в себе идеалы научной объективности. Оно традиционно (если учесть латинскую этимологию слова традиция) передается из рук в руки – от учителя к ученику, от профессора к студенту или ассистенту. В сфере искусства этот тип трансляции знания не как информации, а как практического умения неслучайно именуется «мастер-класс». В философии Хайдеггера он обозначен как *подручное* знание. Прагматизм именует его *знанием-умением*. Майкл Полани назвал его *личностным знанием*. В медицине традиционное знание образует фундамент профессионального врачебного знания.

В процессе обучения студенты-медики приобретают навыки узнавать симптомы болезней, оценивать степень тяжести состояния больного, выбирать и проводить врачебные манипуляции под руководством учителей так же, как дети приобретают навыки распознавать кошек и собак, ездить на велосипеде, играть в футбол, писать и читать и т.д. под руководством взрослых. Приобрести подобного рода знание можно только через соучастие в диагностических и лечебных процедурах, подражая действию опытного учителя-медика. Подобного рода знание принципиально не может быть превращено в последовательность знаков (к примеру, слов), поскольку сферой его объективации является не овнешненная в знаках речь, а знающая и могущая действовать тренированная плоть профессионала-медика. Как писал один из ведущих нейрофизиологов Карл Прибрам о специфике *клинического мышления* и принятия решения профессионалами, «решения принимаются не в результате пошагового анализа информации, а голографически (т.е. в виде целостного образа), схватывая корреляцию и констелляцию множества аспектов ситуации»⁶.

Поскольку традиционное знание-умение неотделимо от личности врача, в буквальном смысле *воплощено* в нем, то его действие (врачевание) носит личный характер *оказания помощи* страдающему человеку. Более того, он узнает в качестве предмета своего действия не просто тело, подчиняющееся природным законам, но плоть другого человека, в которой этот другой в свой черед воплощен как личность. Патернализм составляет основу традиционного типа взаимодействия врачей и пациентов не потому, что он *был*

когда-то доминирующей формой знания, а потому что *есть* и еще долго *будет*, вырастая на почве особого опыта личного приобщения к мастерству врачевания и личностного отношения к пациенту.

Третья форма знания соответствует стандартам научной объективности. Объективное знание не зависит от личности того, кто его получил. Оно опирается на идеалы статистической достоверности и в принципе может свободно транслироваться от одного профессионала к другому. Благодаря научному отношению к реальности врач видит в пациенте прежде всего объект манипуляций, некий сломавшийся биологический механизм. Целью врачевания оказывается исправление подобного рода поломки. Знание законов физиологии, биохимии, патологии, социальной гигиены и истин других медицинских наук образует основание врачебного могущества. Если первые две формы знание обосновывали врачевание как *ритуал* и *помощь*, то третий удобней всего назвать *процедурой*, т.е. квазитехнической манипуляцией с обезличенным телом.

С данной точки зрения современное врачевание представляет собой сложное сочетание *ритуала*, *помощи* и *процедуры*. Соответствующим образом структурируются и отношения власти. Они, во-первых, оказываются всегда уже данными как неосознаваемые, ритуально воспроизводимые предпосылки, а человек обнаруживает себя всегда уже вписанным в них. Во-вторых, традиционно (со ссылкой на авторитет мастера) осознаваемые и устанавливаемые за счет понимания необходимости отношения подчинения и доминирования. И, в-третьих, врачевание разворачивается в систему рационального администрирования – дисциплинарной власти (или биовласти) по Фуко.

Выделенные типы власти как могущества вполне соответствуют трем типам доминирования в известной схеме Макса Вебера.

Харизматическая власть – власть, основанная на вере в сверхъестественные свойства или качества субъекта (обычно индивида), которые непосредственно эмоционально, т.е. без осознания, принуждают других субъектов к подчинению и исполнению его воли. Примеры: вождь – толпа, гипнотизёр – гипнотизируемый. Любое действительное врачевание суггестивно, если обращается как к началу к неосознаваемой (на поверхности – само собой разумеющейся) стихийной продуктивности индивидуальной и коллективной жизни.

Традиционная власть – власть, основанная на исторически сложившихся, осознаваемых обычаях господства и подчинения, руководства и исполнения чужой воли. Патерналистские структуры врачевания – самый характерный пример.

Рациональная власть – власть, основывающаяся на законах или иных нормативах, являющихся результатом соглашения между рационально действующими субъектами, преследующими свои частные или групповые интересы. Рациональная власть осуществляется в структурах административного управления, элементами которого являются стандартизированные, рационально обоснованные методы диагностики, профилактики и лечения, в нашей стране утверждаемые специальными приказами Министерства здравоохранения...

Рассмотрев архитектуру врачебной власти как *могу*-щества, основанного на неоднородном каркасе знаний, можно перейти к врачеванию как особому рода действию, в котором все выше описанные аспекты власти находят свою реализацию.

Внешний, выходящий за рамки осознания каркас врачебного действия создает ***мифологический архетип инициации – путешествия в мир смерти в поисках истины для обретения власти***. Смерть заставляет истинной. Небытие при этом предстает как особого рода мир, к которому причастен врачующий.

Культовое таинство инициации, сопровождающее переход человека из одной социальной группы (например, больных) в другую социальную группу (например, здоровых) было повсеместно распространено среди древних народов. Особенностью обрядов инициации является их жестко воспроизводящаяся трехчленная структура: «все они состоят из выделения индивида из общества (т.е. переход должен происходить за пределами устоявшегося мира), пограничного периода, длящегося от нескольких дней до нескольких лет, и возвращения, реинкорпорации в новом статусе... При этом инициация осмысливается как смерть и новое рождение. В результате путешествия в мир смерти герой получает доступ к сокровенному знанию **истины**, приобретает духов-помощников и власть над стихиями.. Наделенный силой (властью) шаман, к примеру, становится способным врачевать человеческие недуги, разрешать социальные конфликты, вызывать дождь во время засухи и т.д.

Казалось бы, подобного рода сказочные сюжеты не имеют ничего общего с практикой и идеологией науки. Но вот любопытная историческая деталь: одним из первых завоеваний естествознания было **право** искать истину жизни в анатомировании трупов. В современной науке эта установка реализуется в настойчивых попытках познать жизнь, анализируя взаимодействия на уровне неодушевленных молекул или даже атомов. Причем познание истины жизни на уровне действия физических или химических субстанций дает вполне реальную, осязаемую власть над ней. Истинно, с точки зрения научной идеологии, существуют только атомы и пустота. И эта **истина** приковывает к себе, завораживает современного человека. На ее **очевидности**, как фундаментальной скрепе, держится онтологическая стабильность современных сообществ. Как бы ни различались люди, как бы ни отталкивались друг от друга в недоверии и эгоизме, все они сжаты, стиснуты в ничтожно малый комок тел безбрежной действительностью физического мира, мира мертвой материи, в которой только смерть истинна и только то мнение, которое обоснованно взглядом через призму смерти, пользуется общепризнанным доверием.

Физическая интерпретация феноменов жизни через определенную закономерность отношений в мире неодушевленных тел является путем, через который человек приобретает власть над живым телом. Найти «дефект в мире мертвых» (например, недостаточность фермента), исправить его – значит подготовить нормализацию в мире процессов жизнедеятельности. Объективные инструментальные методы биохимических, физических и прочих анализов дают **истинную** картину болезни. Медикаментозная терапия действует на причины болезни на физико-химическом уровне. Таков **естественный** путь «нормализации» жизни, или врачевания, для большинства современных людей.

Терапевтическое действие, основанное на знании истины, строится как алгоритмизированная последовательность манипуляций с телом пациента. То обстоятельство, что в ряде случаев терапевтический эффект достигается при замене лекарственного агента на плацебо, свидетельствует о существенной важности **ритуала** в практике научного врачевания. Человек может вызывать события не только тогда, когда он овладевает бытием, навязывая свою волю

извне этому бытию, но и тогда, когда, обманув свою навязчивую идею власти (например, с помощью плацебо), дает бытийным силам реализоваться самим.

Шаман для достижения эмпирической убедительности своих действий включает в ритуал заведомую фальсификацию, например, в виде комочка пуха, символизирующего болезнетворное начало... и это помогает пациенту. Я не хочу поставить эффективность современной медицины под вопрос, она многое может в руках мастера. Дело в статусе медицинской теории, которая, вероятно, не только и не столько описывает внешнюю реальность, сколько представляет собой своеобразный шифр (криптограмму – запись для посвященных) специфических для каждой культуры ритуалов соучастия в глубинных ритмах бытия.

На принципиально иных интуициях истины и смерти строятся теоретические криптограммы современного психоанализа. Истинные причины болезни лежат для психоаналитиков также в мире смерти, но уже иной – смерти как памяти, как индивидуальной истории. История – это мир событий, которых уже нет, которые стали памятью – археологической реальностью сознания и бессознательного. Объяснить возникновение симптома, его истинный смысл означает открыть **историю** его возникновения и через это открытие получить **власть** над телесными проявлениями и, следовательно, возможность врачевать. Как писал Зигмунд Фрейд, «для уничтожения симптомов необходимо вернуться к их возникновению, оживить конфликт, из которого они произошли, и по-другому разрешить его с помощью таких движущих сил, которыми больной в свое время не располагал». Оживить можно лишь то, что умерло, то, что покоится в мире смерти.

Психоаналитик не просто проясняет историю пациента, он вместе с пациентом путешествует в мир прошлого, становясь со-участником переживания патогенных конфликтов. Прежде чем стать врачевателем, аналитик должен сам пройти анализ, т.е. открыть в себе начала психотравм и удостовериться в действительной мощи бессознательного. Не трудно предположить, что сама мотивация человека стать аналитиком связана с тем, что, соучаствуя в изживании патогенетических историй другого, он каждый раз заново переигрывает конфликт, коренящийся в событиях личной жизни. Причем психоанализ так же, как и био-

логически ориентированная медицина или шаманизм, иногда использует терапевтически полезные фикции типа «неосознаваемых фантазий».

Занимаясь исследованием истерии, Фрейд обратил внимание, что нередко пациент припоминает в качестве травмирующей ситуации события, которых в реальности не было. Вместе с тем аналитическая работа с этими псевдовоспоминаниями не менее эффективна. Здесь так же, как и в случае «плацебо-эффекта», вероятно, следует говорить о терапевтической эффективности самого соучастия клиентов и аналитиков в эмоционально насыщенных ритуалах врачевания. Теории дают лишь язык, который обеспечивает эффективную коммуникацию врачей и пациентов, психоаналитиков и клиентов, шаманов и страдающих соплеменников. Следовательно, и шаманизм, и биологически ориентированная медицина, и психоанализ как терапевтические практики строятся согласно одному и тому же архетипу, в котором власть над телесными проявлениями болезни неразрывно связана с мистерией смерти и интуицией истины, через причастность к которым, как и в древних мистериях, осуществляется оздоравливающее соучастие в бытии.

Существенным элементом ритуалов врачевания является локализация пациента в особом выделенном из социума пространстве. В шаманизме это выделенное состояние непосредственно рассматривается как ритуальный эквивалент смерти. Психоанализ и традиционная медицина рассматривают в качестве естественного места для пациента (клиента) койку, а в качестве естественного положения – максимальный покой и обездвиженность, то есть опять же квазиодедушевленное состояние. Пара «койка – сон» является универсальной метафорой для другой пары – «гроб – смерть». Идеология больничного пространства строится на представлении о необходимости максимальной депривации жизненных функций больных. Вряд ли всегда полезна для больного сексуальная депривация или ограничение двигательной активности. Однако, с точки зрения идеальной нормы современного врачевания, сексуальная активность или занятия спортом, свободные уход (например, для посещения музея или кинотеатра) и возвращение в больницу недопустимы. Как отметил в свое время Мишель Фуко, больничные технологии включают как необхо-

димый элемент социальной изоляции и депривации жизненных функций, то есть локализации в особом «переходном» топосе социального пространства.

Жесткое воспроизведение ритуальных путешествий в мир смерти в поисках истины и для обретения власти открывает шаманам, врачам и психоаналитикам доступ к власти над телом человека. Поскольку архетип врачевания воспроизводится в исторически вариативных формах, то каждая из них отсылает к своим специфическим первичным разбиениям человеческого существа на душу и плоть, сознание и тело, и т.д.⁷. Точнее говоря, акт установления властного отношения и есть процедура, разрывающая исходно недифференцированное существование на то, что властвует (метафизический центр субъективности), и то, над чем властвуют (физическое существо телесности).

Примечания

- ¹ Фуко М. Рождение клиники / Пер. с фр. А.Ш.Тхостова. М., 1998. С. 295.
- ² Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Наука логики. Т. 1. М., 1974. С. 397.
- ³ Тищенко П.Д. Причинность, интенциональность и божественное «Да будет (Fiat!)» // Границы познания. Философия, наука и культура в XXI в. Кн. 1. М., 2007. С. 237–258; Онтология времени и божественное «Да будет! (Fiat!)» // Синергетическая идея времени. М., 2007. С. 48–65.
- ⁴ Тищенко П.Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. М., 2001. С. 104–124.
- ⁵ См.: Тищенко П.Д. О технологиях разбиения человеческого существа на душу и тело // Логос живого и герменевтика телесности. М., 2005. С. 269–289.
- ⁶ Coleman D. Holographic Memory: An Interview with Karl Pribram // Psychology Today. 1979. Vol. 12. № 9. P. 80.
- ⁷ См.: Тищенко П.Д. О технологиях разбиения человеческого существа на душу и тело. С. 269–289.

Ф.Г. Майленова

Нравственно-психологические основания типичных проблем с авторитетом власти

Власть и насилие

Властью называется возможность заставить или убедить кого-то действовать определенным образом – так, как нужно тем, кто этой властью обладает. Почти каждый человек обладает определенной степенью власти по отношению к другим людям и, соответственно, для каждого есть определенное количество людей, которые обладают властью над ним, т.е. могут заставить или убедить совершать те или иные поступки. Причем в разных жизненных контекстах мы можем выступать то в роли подчиненных, то в роли лидера: например, руководитель отдела, авторитарно решающий множество вопросов на производстве, может полностью делегировать решение каких-то важных домашних вопросов супруге, оставляя себе лишь право совещательного голоса. Или, независимо от статуса, любой человек будет хотя бы на короткое время практически абсолютно подвластен охраннику на входе в режимное учреждение или сотрудникам службы таможни и паспортного контроля при переезде через границу.

В зависимости от занимаемого положения в обществе у каждого человека может оказаться либо больше тех, кому он подчиняется, либо тех, кто подчиняется ему. Кажется логичным предположить, что наибольшей властью обладают те, кто находится ближе к вершине этой пирамиды. С формальной точки зрения так именно и есть. Однако кроме внешнего проявления власти существуют другие аспекты ее восприятия. Власть, исходящая сверху, может ощущаться отдельным индивидом гораздо слабее,

нежели власть тех, у кого он находится в прямом подчинении, пусть первая и распространяется на большее количество людей. Таким образом, властные отношения как бы рассредоточены по всему обществу, и для нас особый интерес представляет их субъективное восприятие. Каким образом формируется и действует готовность людей принимать одну власть, подчиняться одним людям и правилам и в то же время решительно отвергать другую? Каковы изменения в восприятии власти в зависимости от социальных и психологических условий? Отчего люди соглашались на самые порой чудовищные проявления деспотизма и тем самым его поддерживают?

Любая – власть это насилие, ограничение свободы отдельно взятой личности. Отношение к этому факту – неизбежности сочетания власти и насилия – может быть различным: от спокойного принятия и одобрения до предельного негодования, стремления отказаться от любой власти вообще, даже если она разумна и необходима. Известно, что полное отсутствие власти, а также некоторого насилия, которое неизбежно ей сопутствует, приводит к хаосу, о чем большинство людей знает или догадывается. Однако отношение к насилию, особенно к злоупотреблениям, не может быть однозначным. На это отношение влияют, кроме всего прочего, господствующие в обществе представления о природе человека. Если человек рассматривается как существо разумное, способное договариваться с себе подобными, склонное подчиняться законам и правилам, понимая их разумность и целесообразность, насилие будет скорее исключением, нежели правилом. Обратная же точка зрения – представление о человеке как о существе агрессивном, не способном добровольно ограничивать свои эгоистические импульсы, нуждающемся в принуждении к порядку, – приводит к тому, что общественные институты строятся таким образом, что власть носит характер подавления. Причем влияет это не только на политическую жизнь, но и на общепринятый стиль взаимоотношений между руководством и подчиненными на предприятиях, в школах, а также (что особенно важно) на отношение к детям. Последнее наравне с принятым стилем воспитания отражается на взаимоотношениях между взрослыми и детьми в семье, в детских учреждениях.

Как это ни парадоксально, к увеличению насилия приводит также ориентация на некий идеальный мир, построение или достижение которого переносится в день завтрашний. Наиболее жестокое воспитание свойственно тем педагогическим системам, которые основываются на убеждении, что задача ребенка – максимально хорошо подготовиться к взрослой жизни, независимо от того, получает он удовольствие от жизни и учебы сегодня или нет. Сегодняшний день – лишь переходный этап на пути к достижению дня завтрашнего, он средство, а не самоцель. Перенос внимания с текущего момента жизни на неопределенное будущее обезценивает момент настоящий и тем самым саму жизнь индивида, которая протекает здесь и сейчас.

В жизни политической можно видеть, как ради достижения прекрасного будущего (победы над врагом – реальным или вымышленным, достижения мира и демократии на всей земле и т.п.) становятся приемлемыми любые формы насилия. Отсюда несложно сделать и следующий шаг: человек сам по себе, его здоровье и даже сама его жизнь тоже не являются самоцелью, а представляют собой лишь средство для достижения высшей цели. Поиск врага и мобилизация всех сил на борьбу с ним – верный способ сплотить людей и одновременно усыпить их бдительность, подчинив их идейно. Элемент добровольности в подчинении необходим даже для самой авторитарной власти. Согласие с целями, которых стремится достичь власть, означает если не полную гармонию, то хотя бы частичную идентификацию с самой властью: это наша власть, борется за наши интересы. Когда есть такое чувство общности с властью, ее легитимность значительно повышается.

Цели, которые могут сплотить власть и народные массы, подчиняющиеся ей, могут быть различными. Самая популярная и часто используемая – борьба с общим врагом. Ощущение угрозы привычному порядку вещей – начиная от угрозы снижения качества жизни до угрозы самой жизни – предполагает наличие какого-то конкретного источника опасности. Возможность экологической катастрофы, истощение ресурсов страны или земли в целом, враждебные религии, классовые враги, люди другой национальности – всего не перечислить... Грамотное использование этого ресурса обеспечивает власти гарантированный успех.

Популярным является и выдвижение неясных, неопределенных, но эмоционально весьма насыщенных целей. Людям внушается, и они с готовностью в это верят, что их народу или стране предначертано выполнить определенную миссию: обеспечить распространение ислама или христианства, дать миру особую духовность, так или иначе привести человечество к светлому будущему. Согласие с такими высокими и ориентированными на будущее целями делает неизбежным инструментальный подход к сегодняшней жизни, так как сегодня – это лишь трамплин для пути в завтра, и ценность сегодняшнего дня, следовательно, и самого человека, живущего в этом сегодняшнем дне, определяется тем, насколько он приближает день завтрашний. При таком идейном единогласии требования, выдвигаемые властью частному лицу, добровольно и с готовностью выполняются, даже если это означает отказ от каких-то личных прав и свобод.

Люди хотят жить в спокойном и уютном мире, в котором им ничего не грозит. Один из способов создать такой мир – не замечать несоответствия желаемого и действительного, жить так, как будто бы все в порядке. Известно, что заядлые курильщики не воспринимают всерьез данных о вреде курения, так же, как большинство людей не желает надолго задумываться о неблагоприятной экологии или о том, что с ними отвратительно обращаются их близкие, – проще успокоить себя рассуждениями о том, что все обойдется. Этот же механизм самообмана и самоуспокоения срабатывает в ситуациях несправедливости, особенно когда она длится долго и становится неким фоновым явлением жизни. Злоупотребления властью подпитываются и поддерживаются именно этой особенностью человеческой натуры. Люди, живущие при диктатуре (будь то диктатура политическая или диктатура начальника в отдельно взятом коллективе), будучи не в силах повлиять на ситуацию, строят для себя иллюзорный мир, в котором диктатору приписываются благородные мотивы и скрытые достоинства. Более того, как ни странно, основным чувством, которое испытывают подданные к своему диктатору, являются не ненависть, а...любовь! Именно любовь позволяет вытеснить страх и ужас в подсознание и продолжать не просто жить в невыносимых (казалось бы!) условиях, но даже радоваться жизни. Конечно, невротическая любовь к источнику насилия – отнюдь не оптимальная,

но, возможно, самая распространенная реакция людей на обстоятельства, в которых они чувствуют себя бессильными. Сказанное справедливо не только по отношению к суровым правителям, но и к непредсказуемым и жестоким родителям – дети (и маленькие, и большие) не перестают любить своих мучителей, не просто прощая и забывая боль и страдания, которые им причиняют, но иногда попросту их не замечая...

Миф о детстве, которое является счастливейшей порой для человека, развенчивается в книге известного швейцарского психотерапевта Плиса Миллера «Драма одаренного ребенка»¹. Шокирует не только масштабность выявленных детских психических травм, полученных в ходе калечащих воздействий воспитывающих взрослых, которые отражаются на личной жизни и социальных успехах взрослого человека и порождают тяжелые психические заболевания. Изумляет и заставляет всерьез задуматься другое: все эти травмы по большей части не просто забыты и вытеснены в подсознание, а нередко трансформируются в воспоминания счастливого безоблачного детства, окруженного любовью и заботой. Принять ужасающий факт, что самые близкие люди – родители – не просто обижали своего ребенка по ошибке или глупости, а действительно наслаждались тотальной властью над беспомощным малышом, готов далеко не каждый взрослый (а в душе каждый остается маленьким ребенком, нуждающимся в любви, внимании и заботе). Искушение безграничной властью над детьми выдерживает далеко не каждый, и неизмерима глубина страданий маленького ребенка, так же как и глубина его любви и потребности в любви, которая заставляет его прощать и забывать. К сожалению, такое вот «обучение» покорности и безропотному послушанию оказывает потом свое влияние во взрослой жизни людей: многие испытывают необъяснимую робость или даже ужас перед теми, кто как-то напоминает им властные фигуры из детства.

Синдром «острого подчинения»

Продолжая исследование человеческой природы, проявляющейся в сложных и неоднозначных столкновениях с властью, коснемся такого аспекта внутренних механизмов восприятия личностью власти, как «синдром острого подчинения». Этот синдром проявляется в том, что многие при конфронтации с людьми, наделенны-

ми властью, начинают им подчиняться как бы помимо собственной воли, теряя себя и чувство своей идентичности. В чем состоят особенности и причины этого феномена?

Хотя *острое подчинение*, к нашему большому сожалению, весьма широко распространенное явление, оно не является всеобщим. Существуют люди, которые с ним не знакомы. Таких немного, но они существуют, что дает повод предположить, что реакция покорности – социальный навык, он благоприобретенный, а не заложен в природе человека генетически. Впрочем, в пользу последнего говорит тот факт, что даже беглое сопоставление с животным миром показывает, что такие понятия, как статус и социальная власть, знакомы не только человеку. Волки и собаки поджимают свой хвост, слоны отступают, в стаях обезьян существуют сложные иерархические статусные взаимоотношения, выражающиеся в жестах и позах покорности и подчинения. При общении с более властным или статусным собратом человек, весь его облик тоже меняется: у него появляется сутулость, он вжимает голову в плечи, садится очень «компактно», сжав колени и сложив руки ближе к телу, как бы стараясь выглядеть пониже ростом и занимать поменьше места в пространстве. Если же происходит непосредственный контакт, можно наблюдать другие интересные метаморфозы в поведении: подчиненный невольно копирует жесты, мимику, интонации авторитетного лица. Такое «отзеркаливание» является явным признаком того, что человек находится во 2-й позиции восприятия, полностью вживаясь в состояние другого. Итак, эта реакция покорности, наступающая иногда столь внезапно и меняющая человека до неузнаваемости, – можно ли изменять ее? Можно ли обучиться не поддаваться ей или хотя бы ослабить ее?

Прежде всего остановимся на некоторых личностных особенностях тех, кто не может не подчиняться власти авторитетов, и тех, кто к ним нечувствителен. Человек, способный начать повиноваться против собственных намерений, теряющий самоопределение и чувство своего «Я», обладает повышенной чувствительностью по отношению к другим. Кроме того, состояние острого подчинения, как правило, вызывается страхом.

Обычно этому феномену подвержены люди робкие, застенчивые, склонные низко оценивать себя, чувствующие недостаток личной силы. Они склонны преувеличивать значимость других

людей (за счет самих себя), очень внимательны к чувствам и настроениям других людей, соглашаться и уступать и, как следствие, могут начать повиноваться против собственных намерений, забыв о своих интересах. Ощущение «Я» у них размыто, т.к. они склонны смотреть на себя так, как им кажется, их видит авторитетное лицо.

В обычном состоянии образ себя выполняет специфическую задачу сообщать человеку о том, чем он или она является среди других, позволяет человеку сравнивать себя с другими и делать выводы о роли и положении в социальной жизни. Страх, парализующий нервную активность, может вызвать кратковременный «синдром острого подчинения» – это объяснимо и с антропологической, и с психофизиологической точки зрения. Существуют лишь две вариации реагирования на стресс: борьба или бегство. Люди со слабой нервной системой поневоле «выберут» бегство, т.е. уход от борьбы.

Если внутренний стержень человека, позволяющий ему чувствовать себя уникальным, заслуживающим уважения, истончен, он становится подвержен влиянию лиц с более выраженной личностной силой. Возникает искушение вывести центр силы, а вместе с этим центр принятия решений и, соответственно, ответственности за принятые решения вовне. В итоге мы можем наблюдать, как человек не просто *теряет себя*, а напротив (как ему самому кажется), *обретает себя в другом*, полностью, некритично и самозабвенно усваивая убеждения, ценности и даже эмоции авторитетного лица. В результате он начинает играть роль, которую, по его мнению, он должен играть, так как этого хочет авторитет.

Позитивная сторона этого качества личности – такие люди являются прекрасными коммуникаторами, способными понять другого, буквально «поставить себя на место другого». Эти качества необходимы во многих помогающих профессиях: врача, психолога, социального работника, адвоката. Талант артиста также предполагает умение вживаться в другого человека, думать и чувствовать, ходить и дышать не так, как привык, а как бы это делал играемый персонаж. Эта способность может быть благословением и проклятием в одно и то же время. Как уже говорилось выше, такие люди становятся прекрасными консультантами, которые знают, что вы чувствуете, лучше вас самих.

В идеале можно научиться входить во вторую позицию восприятия и уметь при этом не только сохранять собственную идентичность, но и целостное видение ситуации. Эта способность отличает хорошего профессионала и просто талантливого коммуникатора. Возможно, в процессе такой коммуникации происходят быстрые переходы туда-обратно от собственной персонификации к восприятию другого как самого себя и к позиции наблюдателя, или же нам придется допустить, что человек способен одновременно находиться во всех позициях восприятия.

Полное отсутствие этого качества – абсолютная неспособность воспринимать других людей – это уже аутизм, тяжелое психическое отклонение, не позволяющее человеку, даже если он хорошо развит интеллектуально и физически, нормально существовать в социуме. Однако именно небольшая степень аутизма является необходимым компонентом лидерства, так как лидер – это тот человек, который сможет руководить и вести за собой, оставаясь уверенным в собственной правоте несмотря на то, что далеко не все с ним согласны, а некоторые и вовсе осуждают его. Чувствительный человек не выносит бремени власти еще и по той причине, что на лидера обрушивается нелегкое испытание в виде сильных, противоречивых и порой просто полярных мнений и чувств тех, кто ему подчиняется. Способность отвлекаться от чувств других людей, не позволять им манипулировать собой – не менее важное качество, нежели способность эти чувства воспринимать и понимать.

В целом люди могут быть «аутичными», т.е. невосприимчивыми к чувствам другого, в разной степени. Большинство людей, страдающих от этого затруднения, – мужчины. Впрочем, они, как правило, страдают меньше, чем их окружение. Так как образ сильного, сурового мужчины предполагает именно способность быстро принимать решения, оставаться независимым от социального статуса других и быть сильным, а значит, не особенно чувствительным к переживаниям других людей, такие люди нередко воспринимаются как уверенные в себе лидеры и пользуются уважением.

Женщины же нередко страдают от избыточной способности входить во вторую позицию восприятия, некоторым едва удается оставаться в первой позиции восприятия: настолько они привыкли слушать других и тут же вживаться в их чувства. Возможно, именно поэтому в структурах власти значительно меньше женщин, не-

жели мужчин. Кроме разницы в особенностях психики мужчин и женщин, на которых мы не будем здесь останавливаться, это объясняется различными социальными ролями мужчин и женщин, складывавшимися в течение многих веков существования человечества.

Психологические причины проблем с властью

При ближайшем рассмотрении история взаимоотношения личности с властными фигурами в социуме оказывается отражением ее глубинной истории, ведущей начало с раннего детства.

Первое знакомство с тем, что такое власть, человек получает в семье. Фигуры родителей – это одновременно и закон, и власть, причем власть, ничем не ограниченная.

Маленький ребенок не имеет никаких возможностей противостоять этой власти, она абсолютна и тоталитарна. Рассчитывать в этой ситуации приходится только на то, что властные фигуры добровольно сделают то, чего хочет ребенок, и для этого ему придется добиваться их расположения хорошим поведением и соблюдением всех неписаных правил, которые он постепенно усваивает. Он подчиняется часто из страха наказания или – если с ним разговаривают и все объясняют – за то, чтобы похвалили и чтобы получить хорошую оценку своих человеческих (моральных качеств.) Ведь хороший ребенок – это прежде всего послушный ребенок, уважающий старших, понимающий других, выполняющий правила. Он учится ставить свои личные интересы на второе место, отказываться от своих желаний, чувств, а постепенно, взрослея, – от мыслей и убеждений, если они не соответствуют тому, что должно.

Осознание того, что такое власть как таковая, на уровне ощущений и впоследствии глубинных убеждений, приходит именно в раннем детстве и очень сильно зависит как от психологической конституции (степени восприимчивости, ранимости, психической устойчивости) ребенка, так и особенностей воспитания и стиля взаимоотношений в семье. О злоупотреблениях властью, с которыми сталкиваются маленькие дети в семье и в детских учреждениях, пишет уже упоминавшийся выше П.Миллер². Драма ребенка состоит в том, что его поведение, его переживания и сама его жизнь могут оказаться и, как правило, реально оказываются всего лишь средствами, обслуживающими те или иные потребности его

родителей. Родители сами нуждаются в эмоциональной подпитке и нередко, не умея получать ее от других взрослых в силу своих психологических особенностей, получают ее от ребенка. Таким образом, собственная жизнь ребенка становится «жизнью для...», он учится отказываться от своих желаний, интересов, становясь все более послушным и благовоспитанным. В обмен на отказ от себя, своего «Я» ребенок получает то, без чего он не может существовать: любовь, похвалу, одобрение, внимание родителей.

Приспособление к родительским потребностям зачастую, хоть и не всегда, приводит к превращению ребенка в «псевдоличность», развитию *мнимого Я*. Человек ведет себя так, как от него хотят, и постепенно этот тип поведения начинает определять все его поступки и помыслы. Его подлинное «Я» остается в зачаточном состоянии, так как отсутствуют какие-либо возможности для его становления.

Неудивительно, что в итоге, став взрослым, человек поневоле становится либо предельно послушным, как маленький беспомощный ребенок, и такого человека очень легко подчинить, запугать, либо, наоборот, начинает играть противоположную роль – роль тирана, как бы отыгрываясь за свое бесправное детство. Возможно, все жестокие и бесчувственные люди испытали в детстве подобное обращение с собой, только они вынесли не покорность, а наоборот, стремление покорять и получать удовольствие от безграничной власти над другими. В одной из глав своей книги «Вначале было воспитание» (на английском языке эта книга была издана под названием «*For your own good*» – «Для вашего собственного блага») А.Миллер предлагает анализ психологических условий становления личности Адольфа Гитлера – человека, *полностью* лишенного раннего детского опыта принятия со стороны значимых близких людей и в первую очередь – отца и матери.

Ответом на детскую травму становится так называемое «стремление к повторению», и существует два варианта. В активной позиции, как уже говорилось выше, это повторение проявляется в стремлении человека поступать с другими так, как поступили когда-то с ним. В пассивной – в склонности повторять травматический опыт без смены ролей, и такой вариант чаще встречается у женщин, нежели у мужчин. Такой человек может всю жизнь попадать в одни и те же, похожие ситуации: ему попадают агрессивные и жестокие сексуальные партнеры, или же постоянно под-

вергают гонениям на работе, увольняют без видимых причин и т.п. Повторяемость неприятностей – первый признак того, что их причина не в случайном совпадении внешних обстоятельств, а в глубинных психологических проблемах самого пострадавшего.

Следует понимать, что ни один из вариантов не является лучше другого. И тот, и другой являются разрушительными и для самой личности, и для ее окружения. Если довести этот принцип до логического завершения, можно выразиться так, как сказал Алон Грэтч: «Тот, кто убивает других, в конечном итоге убьет или другим способом уничтожит себя, а тот, кто убивает себя, в результате разрушает жизни других людей – семьи, друзей или тех, кто “дурно поступал с ним»⁴.

Взаимоотношения с фигурами власти не ограничиваются родителями. Разумеется, эмоциональный фон отношения к власти как таковой всегда будет определяться полученным в детстве опытом, который, как выясняется, всегда является в той или иной степени травматичным. Постепенно ребенок начинает понимать, что, помимо его родителей, существуют и другие властные фигуры, которые могут (о ужас!) к чему-то принудить не только его, но и самих родителей, казавшихся ему всемогущими. Столкновение с органами власти, ситуации, когда кто-то может повлиять на волю родителей, будь то милиционер или школьный учитель, являются началом политической социализации ребенка. Попадая в сообщества вне семьи (детский садик, затем школа и институт), ребенок оказывается в принципиально новых для себя условиях. По сравнению с домашней ситуацией, где, с одной стороны, была тотальная власть родителей, с другой – особое положение ребенка, где он мог претендовать на внимание и любовь носителей власти, в детских коллективах как бы все равны. Однако это равенство кажущееся. Внутри этих коллективов довольно быстро начинают выстраиваться свои структуры: выявляются лидеры и аутсайдеры, подчиненные и непокорные, идет своя непростая социальная жизнь. Уже в этом возрасте начинают разыгрываться те «драмы с повторением», о которых говорилось выше: у проблемных детей развиваются либо сверхпокорность и готовность сносить любое дурное обращение, либо стремление доминировать любой ценой. Невероятная порой жестокость, встречаемая в детских коллективах, объясняется тем, что дети живут в основном эмоциями и еще

не научены контролировать и сдерживать себя. Далее те же тенденции будут проявляться мягче либо, если воспитатели вовремя обратят внимание и сумеют правильно воздействовать на динамику развития детского коллектива, видоизменятся до вполне приемлемых цивилизованных форм.

В то же время у каждого ребенка формируется свое отношение к так называемой центральной власти – воспитателю или учителю. Первоначальное отношение детей к носителям власти, как правило, положительное, и тем лучше, чем меньше возраст ребенка, так как действует механизм переноса отношения к родителям, к которым ребенок пока еще относится с доверием. С возрастом ребенок начинает относиться более критично как к конкретным фигурам власти, так и к общим для всех законам и правилам, которые он постепенно осваивает. Однако это отношение обусловлено множеством факторов: социальным положением семьи, политическими взглядами родителей и их стилем отношения к ребенку – с одной стороны, и отношения к властным структурам общества – с другой. Как правило, ребенок перенимает политические установки, принятые в его семье. Однако характер взаимоотношений в детском коллективе: степени свободы, предоставляемые ребенку, возможность защиты своих прав, понимание законов и правил, стоящих выше и ученика, и учителя, – не в меньшей степени формирует установки, впоследствии способные повлиять на всю его взрослую жизнь. Влияние взрослых, вовлеченных в жизнь детского коллектива, сложно переоценить: можно в достаточно большой степени выправить те проблемы, которые дети принесли с собой из своих семей, выявляя и выращивая в них стремление к добру и сотрудничеству.

Следующая ступень социализации – понимание того, что власть это не просто определенные фигуры, облеченные властью, а прежде всего особые правила, нормы, принятые в обществе. Для того чтобы достичь этой ступени, понять, в чем состоит суть общественных институтов, индивиду необходимо пройти длительный и непростой путь личностного развития. Даже многие взрослые люди не вполне понимают, что власть отдельного судьи и власть закона – это не одно и то же. Разумеется, то и дело встречаясь с беззаконием и злоупотреблениями в общественных институтах, можно разувериться в силе и даже самом факте наличия законов, однако человечество стоит (все еще) именно благодаря тому, что

существуют законы и стремление их выполнять. Фаталистическое отношение к внешнему миру вообще и к власти в частности весьма свойственно российскому менталитету. Часто можно слышать, как нас всех лишают права судить и решать. Однако у любой медали есть обратная сторона. Если оставить все как есть и не менять ничего ни в своем окружении, ни в мировоззрении, то означает: следует принять факт, что тем самым мы просто стремимся избавиться от ответственности, от труда судить и решать.

Даже изучив причины наших проблем с властью и осознав всю глубину психических травм, полученных когда-то, наивно ожидать, что все образуется само собой, без каких-то серьезных усилий по осознанию того факта, что человек постоянно вносит свой собственный вклад в создание структур власти в обществе. Помещая другого в высокое и центральное место в нашей социальной панораме, мы сами подготавливаем себя к тому, чтобы подчиниться и тем самым лишиться себя даже тех прав, которые у нас никто не собирался отнимать. Обычно сила и мощь власти зависит не только от носителя авторитета, но и от глубины чувства покорности и готовности подчиниться и противоположной стороны.

Человек является жертвой только своих собственных социальных структур, в то время как эти структуры легко изменить и эти изменения в его власти. Не случайно общества, находящиеся в состоянии войны, осуждают интеллектуальный анализ врага: размышление является по сути некой подрывной деятельностью, так как подвергает сомнению не только объект исследования, но и все наше восприятие действительности. А понять не только причины, но и саму суть наших проблем с властью, осознать, как мы продолжаем создавать эти проблемы сами, – значит сделать первый шаг к преодолению их.

Примечания

- ¹ *Миллер А.* Драма одаренного ребенка и поиск собственного Я / Пер. с нем. М., 2001.
- ² Там же.
- ³ *Miller A.* For Your Own Good: Hidden Cruelty in Child-Rearing and the Roots of Violence / Translated by Hildegard and Hunter Hannum Farrar – Straus – Giroux. N. Y., 2002.
- ⁴ *Грэтч А.* Как правильно читать слова и мысли мужчин. М., 2004. С. 278.

ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Г.Л. Белкина, С.Н. Корсаков

И.Т.Фролов о философских основаниях гуманитарной экспертизы

Институт гуманитарной экспертизы пока ещё не стал привычным в нашей стране. Однако всё больше усиливается осознание того, что реализация любого крупного производственно-экономического или социального проекта не должна вестись без учёта «человеческого фактора». Осознание того, что, вмешиваясь в природу или «перестраивая» человека, следует иметь в виду не только прямые и ближайшие, но и косвенные и отдалённые последствия. Сказываются эти последствия всегда в конечном счёте на человеке. Можно вспомнить примеры, когда апелляция к гуманитарному аспекту помогла остановить развёртывание вредных производств. Параллельно этой практике складывается теория и методика гуманитарной экспертизы.

Осмысление теоретических вопросов гуманитарной экспертизы – одна из задач Сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики, созданного в 2005 г. в Институте философии РАН. Сектор работает в рамках Отдела комплексных проблем изучения человека, то есть бывшего Института человека РАН, созданного в 1991 г. академиком И.Т.Фроловым и просуществовавшего до 2004 г.¹. Само представление о гуманитарной экспертизе как одном из обязательных измерений социальной практики вводилось именно в работах И.Т.Фролова. Поэтому для дальнейшего развития процедур гуманитарной экспертизы полезным будет обратиться к её истокам и проследить, как складывалась её теория и практика в работах И.Т.Фролова.

Человек как объект науки

Начало систематического исследования И.Т.Фроловым гуманитарных аспектов научно-технического прогресса можно датировать 1970 г. И до этого вопросы науки и её воздействия на человека интересовали И.Т.Фролова, но он в большей степени был сосредоточен на философских и методологических проблемах биологии и генетики. И именно осмысление проблем генетики вывело И.Т.Фролова на проблему адаптации человека к им же создаваемому миру и, более того, к себе самому, преобразованному воздействием научно-технического прогресса.

В 1970 г. И.Т.Фролов выступал на научной конференции в Чехословакии, посвящённой научно-технической революции и её социальным аспектам. В его архиве сохранились наброски тезисов этого выступления, где он сформулировал ряд положений, из которых потом выросло несколько направлений научных исследований в нашей стране: глобалистика, биоэтика, гуманитарная экспертиза. Прочитируем некоторые фрагменты этой записи.

«Человек становится *объектом* НТР, которая обслуживает его, но он не может быть *никогда* объектом *манипулирования*: социального, биологического – генетического (неоэвгеника, эксперименты на человеке, фабрикация элиты). Человек *уникален* как личность. Решающее здесь – социальные факторы. “Социологизация” науки – всё большее утверждение её как *социального института* общества, а не чистого, изолированного инструмента познания... Наука и учёные всё больше вынуждены сегодня видеть *общественные последствия* результатов своей деятельности, остро осознавать свою *социальную ответственность*, не считая, что их дело – производить знания, а то, как они будут использованы, – безразлично... Существенное назначение науки – служить человеку, его всестороннему и свободному развитию. Наука всё больше обращается к человеку, и её результаты имеют влияние на его жизнь. Генетическая (генная) инженерия (лечение наследственных заболеваний) – как и до каких пределов возможно вмешательство...».

Цитированные фрагменты позволяют высветить философские истоки позиции И.Т.Фролова. Они восходят к категорическому императиву Канта, к идее о том, что в человеческой деятельности

всякий человек никогда не может быть рассматриваем как средство, но всегда как самоцель. Кант вообще был тем философом, кто был наиболее близок духовному строю И.Т.Фролова и к мыслям которого он неоднократно возвращался. В наибольшей степени это влияние сказалось при осмыслении И.Т.Фроловым природы познания и в формулировании идеи социально-этических регулятивов познания.

Естествоиспытатель в отличие от философа не всегда может определить качественную грань между иными объектами своих исследований и человеком, поскольку ведёт познавательный поиск под специфически определённым углом зрения, для которого вопросами общего порядка, казалось бы, можно пренебречь. Далеко ещё не решён вопрос, что вообще такое человек, но при этом человек считает себя вправе осуществлять направленное воздействие на свою человеческую природу. Осознание опасностей, которые могут отсюда проистекать, должно приводить к поиску инструментов защиты человека от себя самого.

Впервые для широкой аудитории И.Т.Фролов изложил эти идеи в докладе на XV **Всемирном философском конгрессе**, состоявшемся в сентябре 1973 г. в Варне (Болгария). Основные положения доклада были сформулированы И.Т.Фроловым в статье «Современная наука и гуманизм», опубликованной в журнале «Вопросы философии»². И.Т.Фролов считал необходимым осмысливать научно-технический прогресс в контексте его человеческого предназначения. Он обращал внимание на то, что современная стадия научно-технического прогресса, на которой лидером стала биология, преобразует не только природу, но и самого человека, воздействует на его образ жизни и на его физиологию. Возрастает взаимозависимость человека и преобразуемой им природы, складывается комплекс, названный В.И.Вернадским ноосферой. Всё более усиливаются и возможности человека по направленному изменению не только внешней, но и своей собственной природы, и сопряжённые с этим опасности для человека и человечества.

Поэтому в дотоле невиданном масштабе встаёт проблема человека, связанная с насущной необходимостью овладения им своими развившимися возможностями, гармонизации научно-технического и социального прогресса, преодоления отчуждения.

«Перейдёт ли “век биологии” в “век антропологии”? – ставит вопрос Иван Тимофеевич. – Что необходимо сделать, чтобы это стало возможным?».

И.Т.Фролов вычленяет совпадение гуманистических целей науки и общественного развития в качестве мировоззренческого и методологического принципа, реализация которого зависит, однако, от конкретных социально-исторических условий. В числе их он выдвигает новаторскую для того времени идею «гуманитарной экспертизы», ещё, правда, не вводя прямо этот термин.

После Чернобыля и Арала, проектов «поворота рек» и тому подобных социантропогенных бедствий такая постановка вопроса начала казаться само собой разумеющейся. Но в начале 1970-х гг., когда ещё были сильны традиции «строить любой ценой», помыслить не о технической или, так сказать, политической, а о какой-то там гуманитарной экспертизе народнохозяйственных проектов – для этого надо было обладать интеллектуальным мужеством и гуманистически направленной волей к будущему.

И.Т.Фролов писал: «Сегодня все меры по развитию народного хозяйства, развёртыванию строительства, подъёму культуры, организации общественной жизни должны так или иначе включать в себя в качестве органического элемента проблемы человека, его возможностей и запросов, его развития в условиях, когда становится возможным раскрытие подлинного богатства человеческой природы»³. Не развитие производства, как то было как при капитализме, так и при советской исторической форме социализма, а развитие человека должно быть социальным приоритетом.

Считая необходимым синтез науки и гуманизма, И.Т.Фролов определял и задачи философского познания человека. Он выдвигал идею «общей антропологии», которая преодолела бы существующий дуализм философской антропологии и изучения человека конкретными науками. Философия формулирует мировоззренческие и методологические принципы изучения человека. Но эти принципы, подчёркивал он, не смогут работать, если «не будут рассматриваться (как это зачастую и делается во многих философских работах, опирающихся лишь на историко-философский материал) с учётом особенностей их действия в отдельных науках и в решении специфических проблем гуманизма: соотношения

социальных и биологических факторов развития человека в “век биологии”, возможностей и пределов медицинской и генетической инженерии, экологии человека и т.п.»⁴.

Всякое серьёзное продвижение науки сегодня прямо затрагивает существование человека и его будущее. Возникающие здесь эффекты и влияния в поле зрения естествоиспытателей не входят. Но эти гуманитарные последствия естественнонаучных открытий и проектов необходимо изучать, причём изучение должно носить действенный характер. Необходима работающая система, сочетающая естественнонаучное познание, гуманитарные исследования и политические решения, нужны и организационные формы, обеспечивающие координацию.

Такое совершенно нетрадиционное понимание антропологии и находило у И.Т.Фролова своё выражение в виде идеи о человековедении (общей антропологии), предполагающей последовательное продвижение по пути синтеза философии, науки и практики, целью которого является человек. Оно легло в основу программы работы основанного им Института человека РАН. «Философия и социология человека только тогда чего-нибудь стоят, – утверждает И.Т.Фролов, – когда они развиваются в связи со специальными исследованиями (медицинскими, генетическими, психофизиологическими, демографическими, этическими и другими), как часть общей науки о человеке»⁵.

К первой половине 1970-х гг. относится один из характерных набросков И.Т.Фролова, обнаруженный в его архиве: «Социальные проблемы науки: “детская забава” → атомные исследования. После “века биологии” → “век антропологии”. Необходимость единой науки о человеке (интеграция не сводится лишь к философской антропологии). Институт человека (А.М.Горький). Усилия журналов – на это. Долг философов – развивать эти аспекты, поставить эти проблемы».

Гуманистические регулятивы познания

И.Т.Фроловым была выдвинута идея о важнейшей роли гуманистических, социально-этических принципов-регулятивов в отношении научных исследований. Гуманистические регулятивы представляют собой реализацию координирующей и направляющей

шей роли философии в научном исследовании человека и очеловеченной природы. В общей форме эти идеи были высказаны им уже в первой половине 1970-х гг. Он рассматривал гуманистические регулятивы как опосредующие звенья между философией и науками, изучающими человека, то есть теперь, по существу, со всеми науками. Тем самым постепенно складывается комплекс – единая наука о человеке, соединяющая естественнонаучное и гуманитарное познание.

Сознательное осуществление непосредственной научной деятельности на основе гуманистических приоритетов, выдвинутое И.Т.Фроловым в качестве нового идеала научной деятельности, очевидно расходилось с традиционным пониманием науки как служения «чистому познанию». И.Т.Фролов стремился показать органичность гуманистической направленности для самого существа научно-познавательной деятельности. Он обращал внимание своих потенциальных оппонентов из лагеря сторонников «чистой, ценностно-нейтральной науки» на то, что их идеал является односторонним представлением, весьма тощей абстракцией, отвлекающейся от многих компонентов функционирования современной науки, которые тем не менее неотъемлемы от её сущности. Сама наука, отмечал И.Т.Фролов, является одной из важнейших ценностей культуры. Будучи сущностной силой человека, наука призвана служить его благу, и «в этой своей функции она и определяется в ценностном смысле»⁶.

Верно это не только в отношении науки вообще, но и в непосредственной практике научной деятельности. Выбор объекта познания, принятие учёным решения о том, для чего следует познавать то или иное, в действительности является выражением ценностной ориентации, органически встроенной в сам процесс научного исследования. Постановка задачи в научном познании оказывается результирующей целого ряда факторов, традиционно понимаемых как вненаучные, таких, как социально-историческая готовность общества к решению очередной научной задачи и потребности социальной практики. Тем более очевидным это становится по мере развития науки как социального института и превращения её в непосредственную производительную силу общества. Если же в центре внимания науки оказывается человек, воздействие на такой объект заведомо не может не затра-

гивать социально-этическую сторону дела, а стало быть, тут по определению не может быть «чистого» познания. Комплексное понимание развития науки позволяет, полагал И.Т.Фролов, увидеть историчность и изменчивость целей научного познания, определяющую роль по отношению к которым играют социальные и даже политические факторы. Необходимо не отвлекаться от факта этого влияния, прячась за имманентную моральность поисков истины, а напротив, сознательно контролировать его, осуществляя социально-этическое регулирование науки. Не располагая встроенными в сам процесс научной деятельности этико-гуманистическими регулятивами, наука может стать лёгкой добычей политиканов, использующих полученные ею результаты в узкокорыстных целях. Особенно дорого это может обойтись человечеству в «век биологии».

В развёрнутом виде идея регулятивов была изложена И.Т.Фроловым в докладе на III Всесоюзном совещании по философским вопросам современного естествознания в 1981 г. Он рассматривал соотношение принципа объективности научного познания и ценностных аспектов истины. Он показал, что сциентистский подход фактически оборачивается иррационализмом, поскольку не способен усмотреть социокультурный контекст собственных гносеологических установок, но уж во всяком случае от ценностных суждений не свободен и свободным быть не может. С другой стороны, «ценностная ориентация научного познания, если она мотивирована объективно, то есть и сама оказывается результатом научного познания, уже не выступает по отношению к нему как нечто чуждое, а потому внешнее, способное лишь исказить истину»⁷.

И.Т.Фролов, таким образом, распространяет критерий объективной истинности и на ценностные суждения в науке. Практика, человеческая предметно-преобразующая деятельность требует объективности познания для верной ориентировки в действительности ради дальнейшего развёртывания человеческих сущностных сил. Сама человеческая деятельность есть основание объективной значимости ценностей. Сопряжение научного познания человека с нравственной оценкой хода и результатов этого познания оправдано, поскольку человек как развивающее себя общественное существо выходит за рамки своего биологического существования.

По мысли И.Т.Фролова, объективные ценности выступают в форме регулятивов современного научного познания. Они представляют собой универсальные (общечеловеческие) ценности, наполненные конкретно-историческим содержанием, отражающим настоящее и перспективное состояние предметно-преобразующей деятельности человечества на данном этапе его развития. Эти регулятивы предстают в качестве целей социального развития человечества, которые применительно к науке означают поиск истины и ориентацию в преобразующей деятельности человека на реализацию его сущностных сил. Если такие регулятивы заработают в познании и на практике, человек не будет производить и использовать научное знание во вред самому себе.

Но для того, чтобы развитие науки как сущностной силы человека шло не в ущерб человеку, а под контролем человека, человек сам должен быть в состоянии контролировать себя. В этом смысле И.Т.Фролов и говорил о *социально-этических регулятивах*. Ценностное регулирование познания не исчерпывается одной лишь этикой науки. Решающую роль здесь будет играть состояние социальных отношений. Отчуждённое, социально разделённое в себе общество не будет в состоянии совладать с собственным научно-техническим развитием, не способно к целостному видению человека. Этическая сторона регулятивов научной деятельности обусловлена, таким образом, социальной стороной, и регулятивы эти отражают состояние общества в целом, а не только научного сообщества.

Сформулировав общие принципы гуманистической этики науки, И.Т.Фролов применял их к разработке философских оснований гуманитарной экспертизы. В своём выступлении, текст которого сохранился в архиве И.Т.Фролова, на 8-м Кюлунгсборнском коллоквиуме по философским и этическим проблемам биологии в 1980 г. И.Т.Фролов в качестве острого философского вопроса, который возникает в сфере этики науки, обозначил вопрос о критериях научной эффективности вообще и, соответственно, об оценке этой эффективности с гуманистической точки зрения. Превращение науки в непосредственную производительную силу, преобразование жизни людей на основе научно-технического прогресса – это свидетельство высокой эффективности науки. Но на

этом пути существует опасность технократического рассмотрения науки, которое всегда сопряжено с узко-политическими целями и ослабляет гуманистическую значимость науки как культурного фактора общественного развития. И.Т.Фролов выдвигал в своём докладе принцип гуманистического измерения эффективности применения достижений науки, в частности, гуманистической экспертизы экономических решений. Сегодня, говорил он, сильная зависимость науки от идеологии и политики способствует не возрастанию социально-этической ответственности учёных как некоторого внутреннего чувства, а скорее возрастанию чувства вины, которое стрессовым образом сказывается на учёных. В этих условиях для этики науки наиболее актуальным становится вопрос о гуманистическом предназначении науки, и он должен решаться адекватно современному уровню развития науки. Бесконтрольное развитие науки, наносящее ущерб человечеству, – на совести прежде всего политиков. Поэтому развитие науки как сущностной силы человека требует от общества овладения этим процессом, демократического контроля со стороны общественности за принятием принципиальных политических решений в сфере науки и научного производства.

Экспертная деятельность в области экологии

В свете данного И.Т.Фроловым понимания этики науки для учёного вполне естественным является функционирование и в качестве прогрессивного общественного деятеля, стремящегося к гуманизации социальных условий применения результатов научного познания. Если условия позволяют участвовать в практической политике, нужно использовать эти условия, если же подобные возможности ограничены или закрыты, нужно сосредоточиться на практической работе по просвещению возможно более широких кругов общественности. Сам И.Т.Фролов как учёный и организатор науки может служить хорошим примером такого сочетания гуманистически ориентированных научной и общественной деятельности. Он добивался того, чтобы факты угрожающего человеку и человечеству применения достижений современной науки «стали достоянием широкой общественности»⁸.

И.Т.Фролов участвовал в работе ряда правительственных комиссий и стремился противодействовать технократическим перекосам в развитии страны, добивался учёта человеческого фактора при осуществлении народнохозяйственных, научно-технических и инженерно-технологических проектов.

В 1982–1984 гг. И.Т.Фролов входил в состав Экспертной комиссии Госплана РСФСР по рассмотрению технико-экономического обоснования проекта переброски части стока северных рек в бассейн Волги и Каспийского моря, разработанного НИИ «Союзгипроводхоз» в 1982 г. Комиссия была организована после того, как одиннадцать академиков и членов-корреспондентов обратились в Политбюро ЦК КПСС. Они выразили обеспокоенность тем, что в принятой на майском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС Продовольственной программе СССР содержалось положение о начале переброски части стока северных рек в бассейн реки Волги. Учёные обратили внимание руководителей страны на многочисленные негативные последствия данного решения, его неподготовленность и попросили образовать Экспертную комиссию по этому вопросу и не утверждать проект переброски рек без согласия Комиссии.

Комиссия была образована. Выдающуюся роль в её работе сыграл академик А.Л.Яншин. В составе Комиссии было выделено несколько подкомиссий. И.Т.Фролов работал в подкомиссии «Экология и охрана природы». Члены подкомиссии подготовили экспертное заключение, которое было утверждено на заседании подкомиссии 14 июня 1983 г. Подкомиссия рекомендовала отказаться от проекта переброски рек в связи с ожидаемым значительным нарушением многих экосистем и прекратить все проектные и строительные работы. Среди аргументов назывались высокая затратность проекта, явно заниженная его разработчиками, устарелость данных о понижении уровня Каспийского моря, опасность заболачивания значительных территорий Севера страны, несоответствие качества северной воды потребностям Юга (солёность), отрицательные последствия переброски рек для экологии, возможное обострение эпидемической ситуации, экономический ущерб для судоходства, рыбного и лесного хозяйства, животноводства в бассейнах отъёма вод, необходимость эвакуации сотен тысяч людей и связанные с этим социально-культурные проблемы.

На принятии Комиссией отрицательного решения по проекту «поворота рек» оказали влияние и выводы другой подкомиссии – «Охрана памятников истории и культуры» (руководитель – профессор С.Н.Чернышёв), осуществившей собственно гуманитарную экспертизу проекта. На И.Т.Фролова выводы С.Н.Чернышева и его подкомиссии произвели сильнейшее впечатление, в связи с чем оба учёных неоднократно обменивались письмами. В документе подкомиссии С.Н.Чернышева содержались поистине страшные данные о неминуемой гибели сотен памятников истории и культуры в случае реализации проекта. Учёные установили, что «Союзгипроводхоз» не спроектировал защитных мероприятий по памятникам, а многие существующие памятники просто не были выявлены и учтены при подготовке проекта переброски рек. В частности, академик Д.С.Лихачёв показал катастрофические последствия переброски для сохранности памятников истории и культуры Севера страны (Кижский, Соловецкий и Кирилло-Белозерский монастыри и др.).

В 1984 г. в Госплане РСФСР прошло заседание Экспертной комиссии. Выступающие отметили, что проект переброски рек не содержит необходимого экологического и социально-экономического обоснования, не учитывает возможных изменений биосферы. И.Т.Фролов представил своё экспертное заключение. В нём он констатировал серьёзные изменения в общественном сознании, наступившее понимание того, что экономический эффект не может достигаться любой ценой. Сама практика экспертизы данного проекта подтвердила необходимость учёта не только естественных и технических, но и социальных и гуманитарных параметров. Совершенно очевидно, сказал И.Т.Фролов, что в технико-экономическом обосновании проекта переброски рек заглушёваны, завуалированы принципиальные моменты: изменения гидрологических условий и климата повлекут за собой изменения биосферы и условий жизни и хозяйственной деятельности людей. Эти изменения будут носить крупнорегиональный и глобальный характер и иметь международное значение. Технико-экономическое обоснование выполнено не системно, как единый социально-экологический прогноз, а как сводка заявок субподрядных организаций. Система переброски рассматривается по отдельным этапам и очередям, без всякой связи друг с другом и с развитием народного хозяйства, с естественным процессом изменения природной среды. Всю систему надо

рассматривать как единое целое. Замораживание многомиллиардных средств на десятки лет без гарантии успеха не поможет выполнению Продовольственной программы. «Наше невежество столь велико, а наши экологические знания столь ничтожны, что трудно предсказать и предвидеть все последствия переброски северных рек на Юг для экологической среды Европейской части СССР и для биосферы Северного полушария», – подвёл итог И.Т.Фролов. Он предложил передать этот вопрос из правительственных структур в Академию наук. Так и было сделано.

Общее собрание АН СССР поручило 26 декабря 1984 г. ряду Научных советов под руководством А.Л.Яншина выполнить комплексное исследование состояния, эффективности и перспектив развития мелиорации почв. И.Т.Фролов участвовал в этой работе как член Научного совета АН СССР по проблемам биосферы. Учёные обнаружили серьёзные перекосы в мелиоративном деле, систематическое нарушение комплексного подхода к мелиорации почв. Доля земель сельскохозяйственного назначения, охваченных в стране мелиоративными работами, была значительно ниже доли средств, отпускаемых на мелиорацию в бюджете сельского хозяйства. Капитальные вложения в охрану и рациональное использование земель не шли с этими средствами ни в какое сравнение. Была констатирована убыточность мелиоративных работ, так как предпочтение постоянно отдавалось самому дорогостоящему виду мелиоративных работ – водному. Отсталая технология орошения в этом случае закладывалась на перспективу. Сдерживалось повышение продуктивности неполивного земледелия – чернозёмов. Переход к интенсивным методам хозяйствования требовал прекратить экологически опасные работы по переброске северных рек – гласил вывод учёных. Была разработана программа мер, которые необходимо принять АН СССР и ВАСХНИЛ для сбалансированного и экологически равновесного развития сельского хозяйства страны на базе прогрессивных методов повышения плодородия почв. И.Т.Фролов добавил в проект этой программы мер положение о необходимости организации Института комплексных проблем экологии.

В 1985 г. Президиум АН СССР сформировал Экспертную научно-техническую комиссию под руководством А.Л.Яншина для принятия окончательного решения по вопросам эффективности

почвенных мелиораций. И.Т.Фролов вошёл в состав рабочей группы этой Комиссии, занимавшейся оценкой эффективности работ по орошению и осушению земель в СССР. Рабочая группа составила заключение, в котором говорилось, что импорт зерна страной напрямую связан с убыточностью водных мелиораций, а заявленные Минводхозом СССР планируемые затраты значительно ниже реально возможных, поэтому разработанные с позиций ведомственного интереса проекты переброски северных рек не имеют социально-экономического обоснования. Был сделан вывод, что осуществление данного проекта не имеет никакого отношения к реализации Продовольственной программы СССР и противоречит курсу на интенсификацию экономики. В проект заключения И.Т.Фролов предлагал добавить положение о культурных издержках проекта «поворота рек». Заключение было подписано членами Комиссии, в том числе И.Т.Фроловым.

9 декабря 1985 г. вопрос обсуждался на заседании Президиума АН СССР. А.Л.Яншин докладывал результаты работы Комиссии. Директор Института водных проблем АН СССР Г.В.Воропаев настаивал на продолжении работ по переброске рек. В своём выступлении на этом заседании И.Т.Фролов рассмотрел вопрос о «повороте рек» с социально-экономической и культурно-исторической точек зрения. Он подчеркнул необходимость комплексного, системного подхода при разработке подобных проектов (прогнозы изменения экологической ситуации, социально-экономическое положение населения, сохранность памятников истории и культуры). Он также указал на необходимость приоритета интересов человека при выдвигании подобных проектов. Завершил своё выступление И.Т.Фролов мыслью о том, что учёные, как и врачи, должны руководствоваться прежде всего принципом «Не навреди». АН СССР высказалась против проекта переброски северных рек. После этого Политбюро ЦК КПСС приняло политическое решение по данному вопросу, отменявшее этот проект.

В борьбе против «поворота рек» сложилось тесное взаимодействие учёных, философов и деятелей культуры. В частности, И.Т.Фролов активно сотрудничал с С.П.Залыгиным. Поскольку инициаторы проекта «поворота рек» не унимались, И.Т.Фролов, будучи тогда помощником Генерального секретаря ЦК КПСС, передал 30 мая 1987 г. М.С.Горбачёву письмо С.П.Залыгина, в котором тот

показывал, что постановление Политбюро ЦК КПСС о прекращении работ по проектам переброски части стока северных и сибирских рек на юг фактически саботируется. В конце концов от этого антиэкологического и антигуманитарного проекта отказались.

Во второй половине 1980-х гг. И.Т.Фролов активно способствовал природоохранным мероприятиям в стране. Он часто говорил о том, что руководители нашего народного хозяйства ведут себя по отношению к природе как завоеватель в чужой стране, что необходимо экологическое воспитание и обучение населения, изменение экономического мышления, преодоление представлений о затратности экологических мероприятий⁹.

Идея государственной научной экспертизы

И.Т.Фролов ясно видел, что реализация проектов, подобных «повороту рек», была вызвана низким уровнем участия учёных в механизме принятия политических решений, полным отсутствием гуманитарной экспертизы. Он стремился поэтому дать научное обеспечение процессу принятия политических решений, ввести в стране на государственном уровне институт научной экспертизы. По его предложению 6 сентября 1989 г. была создана группа политического анализа при ЦК КПСС. В экспертный совет при группе были включены видные учёные, члены АН СССР. Кадровые предложения подготовил И.Т.Фролов. Им же был составлен набросок плана работы группы, включавший анализ общественного мнения и ведущихся в стране дискуссий, писем в ЦК КПСС, прогнозов «советологов», разработку рекомендаций для теоретической и идеологической работы, связи с общественностью, с народными депутатами, представляющими разные общественные силы.

И.Т.Фролов предполагал преобразовать данную группу в Информационно-аналитическую службу ЦК КПСС. Он обосновывал это необходимостью научного обеспечения развернувшейся в 1989 г. реформы политической системы. И.Т.Фролов чётко понимал, что при демократизации политической системы идёт диверсификация процесса принятия политических решений, а потому возрастает опасность ошибок, которые могут гипертрофироваться и в условиях обострённого социального восприятия возбудить недо-

вольство политическим курсом в целом, породить антидемократические настроения. И.Т.Фролов считал политически необходимым новое качество взаимодействия власти и науки: не пренебрежение или непомерные ожидания, а привлечение научного сообщества к самому процессу принятия политических решений. В этом он видел важный фактор стабилизации политических процессов в стране, повышения общественного статуса научной интеллигенции и демократического воспитания народа, который может знакомиться с результатами экспертизы через СМИ, наконец, воспитания и самого руководства страны в духе постоянного рабочего диалога с общественным мнением.

Были подготовлены проекты соответствующих документов: примерного положения об Информационно-аналитической службе, предложений о научно-организационном обеспечении реформы политической системы, программы сравнительного исследования опыта различных стран в использовании научной экспертизы при принятии важнейших решений (в том числе опыта работы Исследовательской службы Конгресса США). И.Т.Фролов провёл консультации об усилении участия деятелей науки в принятии политических решений с В.И.Гольданским, Н.Н.Моисеевым и другими видными учёными. В 1988 и 1989 гг. Он предлагал создать Консультативный научный совет при ЦК КПСС и Совете Министров СССР, а в 1990 г. – Научно-консультативный совет при Президенте СССР с тем, чтобы обеспечить эффективные и регулярные формы совета с наукой высшего руководства страны. Был подготовлен и проект положения о Консультативном совете учёных. Но все эти предложения не были реализованы. Если бы проекты И.Т.Фролова были приняты, то впервые в истории нашей страны в механизм принятия политических решений встраивалась бы процедура совета с учёными, независимой экспертизы вносимых на рассмотрение правительства предложений. Нет этого и сегодня.

Гуманитарная экспертиза в комплексных научных программах

Вопросы научной и гуманитарной экспертизы И.Т.Фролов включал в принятые при его участии государственные программы развития передовых направлений современной науки.

В мае 1988 г. при участии И.Т.Фролова была образована рабочая группа ЦК КПСС по подготовке предложений по перестройке фундаментальной науки в стране. Был разработан проект концепции перестройки фундаментальной науки, направленный на преодоление монополизма и бюрократизма в науке. Проект предполагал придать динамичность структуре науки, перевести на хозрасчёт многие НИИ и КБ, создавать межотраслевые НПО вне непосредственного ведомственного подчинения, временные исследовательские коллективы на конкурсной основе для работы над конкретными научными проблемами, разнообразить формы финансирования науки, увеличить расходы на фундаментальные исследования в три – четыре раза, расширять международные научные связи.

В 1988 г. была подготовлена Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1991–2010 гг. В Программу входил раздел «Фундаментальная наука: состояние, проблемы и пути перестройки», большое внимание подготовке которого уделял И.Т.Фролов. В ходе подготовки этого раздела философ стремился дорабатывать его с учётом принципа приоритета человека, чтобы Программа не приняла технократического характера. В записке на имя М.С.Горбачёва он писал: «В разделе о науке и НТП нет ничего: 1) о комплексных исследованиях человека в его взаимодействии с техникой (эргономика), механизмов физиологической и психологической адаптации в процессе труда и жизнедеятельности в условиях изменения среды обитания; 2) не говорится об экологических и социологических обстоятельствах развития науки и техники; 3) о механизме включения научной экспертизы и вообще науки в управление развитием страны»¹⁰.

В соответствии с рекомендациями Всесоюзной конференции «Социальные и методологические проблемы научно-технического прогресса» (1984) И.Т.Фролов стал готовить Комплексную программу «Философские и социальные проблемы науки и техники». В проекте Программы было намечено развивать методологию междисциплинарных и системных исследований, осуществлять комплексный анализ новейших технологических направлений, предусматривались меры по стимулированию исследований по философским и социальным проблемам науки и техники. 12 января 1988 г. И.Т.Фролов выступил на заседании Президиума АН СССР с докладом «Философские и социальные проблемы науки и техники». Он сообщил,

что возглавляемый им Научный совет АН СССР по философским и социальным проблемам науки и техники подготовил прогнозный доклад и Комплексную программу исследований «Философские и социальные проблемы научно-технического прогресса», которая охватывала методологические, мировоззренческие и социокультурные аспекты научно-технического прогресса и глобальных проблем. По предложению И.Т.Фролова Президиум АН СССР принял решение включить Программу «Философия – наука – техника» в число Государственных (общакадемических) программ и возложить координацию работ по её выполнению на Научный совет, руководимый И.Т.Фроловым. В Программе в качестве важной задачи называлось развитие социального контроля за научно-техническими проектами. Одним из разделов значились «социально-философские проблемы комплексного подхода к изучению человека».

В декабре 1988 г. на Общем собрании АН СССР обсуждалась общеакадемическая Комплексная программа биосферных и экологических исследований, которая готовилась с июня 1987 г. И.Т.Фролов отвечал за социально-философский и правовой блок Программы. В своём докладе «Социально-философское осмысление экологических проблем» на Общем собрании АН СССР И.Т.Фролов говорил о необходимости комплексного подхода в этих исследованиях, сочетающего научные, технологические, социально-экономические, политические, международно-правовые аспекты. Он обратил внимание на недостаточность изучения только технологических аспектов взаимодействия общества и природы, поскольку экологические проблемы – это прежде всего социальные. В связи с этим И.Т.Фролов поставил вопрос о необходимости социальной экспертизы экологических решений и развитии комплексного подхода к экологическим проблемам, сотрудничества специалистов естественных, технических и общественных наук. Серьёзное внимание он предложил уделить соотношению экологических требований и рыночных отношений в экономике, а также вопросам экологического воспитания и обучения населения. И.Т.Фролов информировал М.С.Горбачёва о работе по этой Комплексной программе.

В мае 1989 г. было решено преобразовать Программу биосферных и экологических исследований в Программу «Экология». К июлю 1989 г. под руководством И.Т.Фролова был разработан гуманитарный блок Программы, который включал различные аспекты,

в частности, вопросы разработки основ социально-экологической и гуманитарной экспертизы внедрения научно-исследовательских разработок, экологизации общественного сознания.

Одновременно с государственной деятельностью в области становления институтов гуманитарной экспертизы И.Т.Фролов активно занимался разъяснением важности нового гуманитарного и экологического мышления среди широкой общественности.

В 1987 г. на VII **Всесоюзных философских чтениях молодых учёных** И.Т.Фролов выступил с докладом «Проблема человека как комплексная и глобальная проблема современности». В качестве наиболее важной тематики он назвал нравственно-философские, аксиологические вопросы, которые ранее игнорировались марксистами. «Мы всё время считали, – говорил он, – что наука в таком идеологическом государстве, как наше, по природе своей не может иметь технократических отклонений. Мы не просто гордились, а кичились тем, что раз советские учёные занимают правильные мировоззренческие позиции, у нас этого не может быть. Между тем это произошло. И это в частности стало результатом существенных перекосов в образовании и воспитании, игнорирования гуманитарной проблематики. Я сам лично отчётливо это почувствовал во время участия во всякого рода экспертизах, связанных с переброской рек и пр. К сожалению, людей чему-то учат только трагические события, подобные аварии на Чернобыльской АЭС. Пусть и опосредованная, но здесь есть связь с попытками игнорировать гуманистическое измерение. Оказалось, что правильные мировоззренческие позиции служили учёным только для сдачи зачётов, а потом обо всём этом начисто забывали и занимали сугубо технократические позиции. Поскольку здесь много молодёжи, я хотел бы ваши молодые умы в большей степени “возбудить”, чтобы вы с большей остротой реагировали на эту проблематику, почувствовали важность её не только для философской теории, но и для практических решений. Мы, философы, должны совместно с учёными работать по социально-нравственной экспертизе технических проектов. Вот какая перспектива, вот какая задача перед нами сейчас стоит». Суть технократизма, по мнению И.Т.Фролова, в том, что он извращает соотношение целей и средств социального развития, когда человек – высшая цель и абсолютная ценность – низводится

до роли средства, орудия технического прогресса, его механизма. Необходимо перевернуть «пирамиду наук», чтобы в основе её были науки о человеке.

В 1991 г. И.Т.Фролову была присуждена международная премия ЮНЕП «Глобал-500». В связи с этим он опубликовал статью «Гуманитарные проблемы экологии», в которой основное внимание уделил политико-правовому аспекту проблем глобалистики¹¹. И.Т.Фролов ставил в статье вопрос о необходимости социально-экологической и гуманитарной экспертизы любых крупных частных, государственных и международных проектов и сформулировал принцип: должны соблюдаться права человека на доступ к информации, на судебную защиту от действий или бездействия органов власти и т.п. как основа экологической безопасности.

Институт человека как центр гуманитарной экспертизы

Вплотную вопросы гуманитарной экспертизы начали изучаться в нашей стране после основания И.Т.Фроловым Института человека, процесс создания которого занял несколько лет. В 1989 г. такой Институт был создан как подразделение Всесоюзного межведомственного центра наук о человеке, в 1991 г. принято решение о создании самостоятельного Института в рамках АН СССР, а в 1992 г. он был образован. И.Т.Фролов мыслил Институт человека как институт нового типа, который наряду с научными исследованиями призван осуществлять координацию усилий различных научных и иных структур, занятых теми или иными комплексными проблемами развития человека. Соответственно, Институт человека мыслился также и как экспертная организация по гуманитарной проблематике. Эту ориентацию можно проследить по шагам, предпринимавшимся И.Т.Фроловым для открытия Института человека.

В 1988 г. состоялась Вторая всесоюзная конференция по комплексному изучению человека, на которой было признано необходимым создать Центр по изучению человека. После конференции И.Т.Фролов направил в ЦК КПСС положение о создании Всесоюзного межведомственного центра наук о человеке. Центр был образован в 1989 г. В Положении о Центре, состав-

ленном И.Т.Фроловым предусматривалось включение в состав Центра: Института человека, Экспертного совета и Научно-экспериментального комплекса. Центр мог организовывать на базе научно-исследовательских учреждений, работу которых он координировал, временные коллективы для проведения комплексных исследований человека. Центр должен был включать в свой состав на штатной основе следующие группы: по координации и программированию исследований, информационную, международных связей, редакционно-издательскую. На нештатной основе в рамках Центра должны были работать возглавляемые ведущими учёными страны секции методологии комплексного изучения человека, происхождения человека, социокультурного развития человека, человеческого мозга и психики, сознания, экологии человека, здоровья человека и некоторые другие. В качестве задачи Экспертного совета определялась гуманитарная экспертиза социальных и научно-технических проектов, проведение конкурсов проектов по отдельным проблемам и направлениям комплексного изучения человека на предмет включения их в общегосударственные и академические программы и целевого их финансирования. Научно-экспериментальный комплекс должен был быть собственной исследовательской базой Центра.

В журнале «Новое время» И.Т.Фролов писал, что Центр должен взять на себя функции координации и интеграции исследований человека, организации и проведения комплексных исследований; в рамках Центра в целях проведения гуманитарной экспертизы масштабных социальных, технологических, энергетических проектов в различных сферах жизни, в том числе в промышленности и образовании, должен был быть создан Экспертный совет и Научно-экспериментальный комплекс¹². Сходным образом И.Т.Фролов обозначил задачи Центра наук о человеке и Института человека в интервью газете «Правда»: «Не надо рассматривать Центр как некую замкнутую научную корпорацию, – писал он. – Это рабочий орган, “мозговой центр”, главная задача которого – определение стратегии развития наук о человеке, координация исследований, международное сотрудничество. Институт же занимается, главным образом, организационной работой по привлечению представителей самых различных областей знания к решению исследовательских, экспертных, практических задач»¹³.

Центр наук о человеке и Институт человека стали головной организацией по Программе «Человек, наука, общество: комплексные исследования», принятой по инициативе И.Т.Фролова. В 1989 г. Президиум АН СССР утвердил её. В Программе было выделено шесть направлений исследований, которые были объединены в четыре крупных блока – подпрограммы, в том числе «Гуманистические идеалы в труде и развитии духовной культуры», «Человеческая ориентация научно-технического прогресса» и другие¹⁴. Программа «Человек, наука, общество» формировалась на конкурсной основе; при отборе проектов принимался во внимание именно комплексный характер предполагаемого исследования. Главной целью Программы была заявлена разработка путей гуманизации общественных отношений. Руководителем был утверждён И.Т.Фролов. Выдающееся значение данной Программы в истории отечественной науки обусловлено тем, что это была, по сути, первая масштабная общегосударственная Программа с целевым финансированием, нацеленная на гуманитарную и гуманистическую проблематику во всей её широте. В качестве приоритетной общеакадемической данная Программа финансировалась из бюджета Академии наук, что позволяло включить в работу по её реализации более 20 академических институтов. На финансирование исследований по программе выделялись значительные средства. В архиве И.Т.Фролова сохранились документы, в которых приводится роспись ассигнований на работу научных учреждений по Программе, включающая суммы в десятки и сотни тысяч рублей по каждой из позиций.

Всесоюзный межведомственный центр наук о человеке развернул работу по реализации Программы «Человек, наука, общество: комплексные исследования», отбору исследовательских проектов и координации деятельности научных коллективов. В 1989 г. на конкурс было подано 373 проекта, в первом квартале 1991 г. – 180, из них в программу включено 148. Центр принимал участие в экспертизе ряда социально-экономических проектов и оказании консультативной помощи людям в условиях экстремальных природных ситуаций.

26 марта 1991 г. Президиум АН СССР принял постановление об организации Института человека АН СССР в рамках реализации общеакадемической программы «Человек, наука, общество:

комплексные исследования». К числу основных направлений научной деятельности института были отнесены философские и методологические основания комплексных исследований человека, проблемы детерминации развития человека, сознание как предмет междисциплинарных исследований, будущее человечества и перспективы развития личности, междисциплинарное изучение человека в труде, в экстремальных ситуациях. Наряду с проведением фундаментальных исследований Институт должен был осуществлять гуманитарную экспертизу масштабных социально-экономических проектов, развивать комплексные службы помощи человеку, проводить подготовку и переподготовку кадров в целях гуманизации науки и производства.

После преобразования АН СССР в Российскую академию наук в её составе был образован Институт человека РАН, который 10 января 1992 г. получил государственную регистрацию. В Институте человека одновременно велись общеметодологические исследования, изучались человекомерные аспекты конкретно-научных проблем и осуществлялся выход на практическое консультирование государственных и иных структур, экспертную оценку различных проектов, затрагивающих природу и возможности человека. Учёными Института была проведена экспертиза проекта Доклада ООН о человеческом потенциале РФ, отечественных законопроектов и международных нормативных документов Совета Европы в области здравоохранения и биомедицинских исследований.

После ликвидации в 2004–2005 гг. Института человека РАН вопросы гуманитарной экспертизы были сосредоточены в Секторе гуманитарных экспертиз и биоэтики Отдела комплексных проблем изучения человека Института философии РАН.

Примечания

- ¹ См.: Юдин Б.Г. Институт человека сегодня // Человек. 2001. № 6. С. 17–18.
- ² Фролов И.Т. Современная наука и гуманизм // Вопр. философии. 1973. № 3.
- ³ Там же. С. 5.
- ⁴ Там же. С. 14–15.
- ⁵ Там же. С. 11.
- ⁶ Там же. С. 13.

- ⁷ *Фролов И.Т.* Социально-этические и гуманистические проблемы современной науки // *Диалектика в науках о природе и человеке. Человек, общество и природа в век НТР.* М., 1983. С. 149.
- ⁸ Там же. С. 155–156.
- ⁹ *Фролов И.Т.* Социально-философские проблемы экологии // *Информ. бюл. центра общественной информации Межведом. совета по информации и связям с общественностью в области атомной энергетики.* М., 1989. № 17. С. 4–8. Из архива И.Т.Фролова.
- ¹⁰ *Фролов И.Т.* Гуманитарные проблемы экологии // *Правда.* 05.06.1991.
- ¹¹ *Фролов И.Т.* Новый гуманизм. Статья вторая // *Новое время.* 1989. № 2. С. 30.
- ¹² *Фролов И.Т.* Приоритет человека // *Правда.* 30.04.1989.
- ¹³ См.: О подготовке общесоюзной программы фундаментальных исследований «Человек, наука, общество: комплексные исследования» // *Вестн. АН СССР.* 1989. № 3. С. 27–31; *Тюков А.А., Филиппова Е.В.* Человек. Наука. Общество // *Психол. журн.* 1990. № 1. С. 3–15.

Р.Р. Беляетдинов

Биоэтическая экспертиза биотехнологий: оценка рисков и пользы

Последнее десятилетие люди живут в ожидании значительных успехов в области биотехнологий, которые, как предполагается, поднимут науку, медицину и спорт на новый уровень. Результатом этого прорыва видят неизбежность трансформации общепринятых представлений о границах самоопределения личности и формирование нового понимания этических принципов, которые будут учитывать открывающиеся перед человеком горизонты самоопределения. В этих обстоятельствах персональное, сугубо личностное измерение человека становится ключевым аргументом в разгорающемся споре между сторонниками и противниками внедрения биотехнологий в повседневную жизнь миллионов людей. Недавно опубликованная инструкция Папы Римского Бенедикта XVI, определяющая биоэтические принципы католической церкви, – «*Dignitas Personae*»¹ – апеллирует к человеческой личности как ценностной мере и границе, которая должна стать преградой для исследований в области стволовых клеток, нередко требующих гибели эмбрионов человека. С другой стороны, сторонники либерального подхода к биомедицинским технологиям обращаются к человеческой личности, аргументируя свободу развития биотехнологий как путь более полного раскрытия природы человека.

Существенным вопросом остается понимание того, как проводить биоэтическую экспертизу биотехнологий, учитывая то обстоятельство, что они имеют множество форм, отличающихся по

степени и качеству влияния на человека. Например, использование генетической модификации генов человека, применение высокотехнологических имплантатов или нанотехнологий для лечения и совершенствования человека являются самостоятельными направлениями, каждое из которых имеет свою специфику. Кроме того, хотя существует много этических подходов к проблемам биотехнологий, достаточно эффективных для того, чтобы принимать конкретные решения, особенности новых биотехнологий могут служить основанием для пересмотра этических принципов (например, принципа различия лечения и совершенствования в медицине) и даже для создания новых профильных направлений этики, которые будут отвечать за новые технологии.

Среди биотехнологий можно выделить наиболее заметные на сегодняшний день направления, где остро стоит проблема быстрого развития и практического применения в сочетании с высокими рисками влияния на человека: использование генетических технологий в спорте, применение биотехнологий для создания имплантатов и использование нанотехнологий в медицине. Каждое из этих направлений имеет свою особенность, требующую пристального внимания. Например, использование биотехнологий в спорте связано с трудностями идентификации генетических модификаций, использование высокотехнологических имплантатов ставит под угрозу целостность тела человека, использование же нанотехнологий столь непредсказуемо, что приводит многих исследователей к мысли о необходимости развивать новое направление этики – наноэтику², которое будет вырабатывать методы этической оценки нанотехнологий.

Влияние этих технологий на человека является одним из основных факторов, формирующих общую этическую рамку их оценки. Прежде всего, это соблюдение наиболее общих принципов биоэтики – *автономии, справедливости и безопасности*.

Нанотехнологии

Возможности нанотехнологий можно продемонстрировать на примере медицины. Например, использование наночастиц для доставки лекарств в организм должно значительно повысить эффективность лечения. Специальным образом сконструированные

и заряженные лекарственным препаратом наночастицы способны проходить сквозь биологические преграды, перенося необходимые молекулы точно к назначенной цели. От таких лекарств нового поколения ожидают значительного снижения побочных эффектов и высокой эффективности, особенно в случае тех болезней, которые в настоящее время не поддаются лечению.

Использование наноустройств для диагностики многих заболеваний, в том числе онкологических, позволит делать заключение еще до появления симптомов болезни и проводить тесты как в лабораторных условиях, так и непосредственно на пациенте (*in vivo*). При этом результаты будут точнее тех, которые получают современными методами. Наноустройству достаточно минимального количества крови – капли от укола булавкой, чтобы в течение одной минуты провести сканирование раковых маркеров и выдать результат.

Образцы подобных устройств уже созданы, и они способны выполнять работу целой медицинской лаборатории. Разработаны чипы, способные выполнять *in vivo* мониторинг многих жизненно важных параметров организма – пульса, температуры тела, содержания глюкозы в крови и пр.

Нанотехнологии могут способствовать пониманию и воспроизведению структурных и биохимических путей, которые приведут к естественному лечению, помогут поддерживать лечение даже в крайних случаях (например, после значительной потери мягких тканей или при необходимости полностью восстанавливать отдельные органы).

Перечисленные направления – лишь малая часть того, как использование наночастиц может улучшить различные направления медицины.

Но в применении нанотехнологий существует не только положительная сторона – наночастицы могут стать источником рисков. Для медицины ограничением нанотехнологий служит неизученность влияния наночастиц на человека, которые сами по себе способны проникать в организм человека. В более масштабной перспективе использование нанотехнологий чревато загрязнением окружающей среды. Футуристические сценарии идут еще дальше. В научно-фантастическом романе «Добыча»³ автор, Майкл Кричтон, рисует картину постчеловеческого будущего, где нанороботы, оснащенные памятью, источниками энергии, получаемой от солн-

ца, и мощным программным обеспечением, начинают охоту на людей и, стремительно размножаясь, уничтожают человеческую цивилизацию. Кричтон воспроизводит сценарий Э.Дрекслера⁴, согласно которому наномашин, выйдя из-под контроля, в считанные дни уничтожают всю биологическую структуру Земли.

Эта же мысль звучит в статье Б.Джоя⁵ «Почему мы не нужны будущему»⁶, который полагает, что объединение нанотехнологий, искусственного интеллекта и биотехнологий может стать причиной смертельной опасности для будущего человечества.

Имплантанты

Большинство электронных имплантантов – это устройства, получающие питание от независимого источника энергии и использующие программные алгоритмы, которые выполняются при помощи *не-биологических средств* – чипов, созданных на основе кремния. В медицинских целях имплантанты применяются для восстановления нарушенных функций тела (стимуляции) или для частичной или полной замены функций отдельных частей тела (протезирования).

Например, кардиостимуляторы обеспечивают стабильную работу сердца. Кохлеарные имплантанты трансформируют речь и другие звуки в электрические импульсы, стимулирующие слуховые нервные окончания во внутреннем ухе. При помощи этих электронных устройств глухим людям можно частично вернуть слух. Имплантируемые дозаторы инсулина автоматически поддерживают необходимый уровень инсулина в крови.

Нейростимулирующие имплантанты – устройства, воздействующие на электрические импульсы в нервах. Стимулятор спинного мозга облегчает хронические боли, стимулятор крестцового нерва используется для лечения недержания. Стимулятор блуждающего нерва применяют в случае эпилепсии и для контроля за состоянием психики при глубоких депрессиях. Имплантанты, оказывающие глубокую стимуляцию головного мозга, используются для лечения дрожания при болезни Паркинсона и для лечения эссенциального дрожания.

Кроме того, в медицинских целях используются имплантанты, *при помощи которых можно записывать, передавать и хранить информацию, а также определять местоположение человека*. К ним относятся подкожные имплантанты, использующие технологию радиочастотной идентификации (RFID). Как правило, их применяют для наблюдения за лабораторными животными. Но одно из таких устройств, известное также как VeriChip, в некоторых странах используют для ведения медицинской карты и хранения персональной информации.

Биоэтическая экспертиза применения медицинских имплантантов, проведенная Европейской группой по этике науки и новых технологий⁷

Авторы рекомендации указывают на необходимость справедливого и сбалансированного распространения информационно-коммуникационных имплантантов (ИК имплантантов). В противном случае общество может столкнуться с феноменом *киберрасизма* – формы социального неравенства между людьми, являющейся следствием несправедливого распространения технологии ИК имплантантов. Следует избегать применения ИК имплантантов для изменения идентичности, памяти, самосознания или восприятия других людей, не использовать ИК имплантанты для доминирования над другими людьми, либо для принуждения, направленного против тех, кто по каким-либо причинам не пользуется ИК имплантантами.

Использование ИК имплантантов в лечебных целях

Имплантирование ИК имплантантов следует проводить только на основании информированного согласия. Главными причинами для лечебного применения этих устройств являются сохранение жизни больного, необходимость в ИК имплантанте для проведения лечения и отсутствие каких-либо альтернативных способов лечения.

Доступ к технологии ИК имплантантов должен обеспечиваться на основе системы здравоохранения, без учета финансовых возможностей и социального статуса больного.

Область нелечебного применения ИК имплантантов

Использование ИК имплантантов в нелечебных целях является потенциальной угрозой принципу достоинства человека и основам демократического общества, полагают авторы рекомендаций. Нелечебное применение ИК имплантантов следует допускать только на основе информированного согласия, и человек, желающий установить в своем теле ИК имплантант, должен быть поставлен в известность о возможных рисках для здоровья и о возможности несанкционированного доступа к информации, хранящейся в ИК имплантанте. Также необходим тщательный контроль за ИК имплантантами, которые предлагаются на коммерческой основе и предназначены для улучшения человека.

Исследования и разработка новых ИК имплантантов

Поскольку исследования – единственный способ развивать и совершенствовать технологию, проведение исследований с участием человека требует соблюдения ряда принципов. Помимо того, что необходимо получить информированное согласие от волонтеров, давших согласие на участие в исследовании, свобода исследования должна быть ограничена фундаментальными принципами демократического общества – уважением к личности и недопустимостью нанесения человеку физического, ментального или материального вреда как следствия участия в исследованиях.

ИК имплантанты и достоинство человека

ИК имплантанты сами по себе не представляют угрозы правам и свободе человека, но на практике возможно их использование для электронного слежения за человеком. Вместе с тем лечение людей с серьезными неврологическими заболеваниями не долж-

но создавать ситуацию выбора между соблюдением принципа незабываемости свободы человека и необходимостью сохранения здоровья. Однако даже в таких необходимо следить за тем, чтобы использование этих устройств не привело к дискриминации или ущемлению прав человека. Нельзя допускать использование ИК имплантантов для манипулирования умственными способностями или модификации личностной идентичности.

Генетическая модификация

В спорте ради достижения новых рекордов используются самые современные, часто не проверенные, научные разработки, в том числе и в области генетики. По прогнозам ученых, ожидается появление биотехнологий, которые позволят генетически модифицировать человека, т.е. совершенствовать организм при помощи искусственного добавления или замещения генов. Например, сегодня уже существует технология восстановления мышечной функции у больных дистрофией и людей пожилого возраста при помощи генетической модификации мышц⁸.

Генетические технологии, по мнению специалистов, невозможно удержать в рамках медицинской терапии. По словам профессора Ли Свини, принявшего участие в Симпозиуме по проблемам перспектив генетического допинга, эта технология обладает огромным потенциалом⁹.

Применение генетической модификации сегодня сдерживается только несовершенством биотехнологий. Дик Паунд (Dick Pound), директор ВАДА, перед Олимпиадой 2004 г. заявил, что в перспективе генетический допинг неизбежно получит широкое распространение среди спортсменов: «Не думаю, что мы столкнемся с генетическим допингом в Афинах – говорил Дик Паунд, – и очень сомневаюсь насчет Олимпиады в Пекине (в 2008 г.). Но в 2012 г. это будет вполне возможно»¹⁰.

Границы свободы

Автор книги «Генетически модифицированные атлеты»¹¹ Энди Миа полагает, что развитие техники и биологии не только расширяет возможности человека и увеличивает его силы, но и ставит во-

прос о сущности человечности (*humanness*), которая рассматривается как условие самоидентичности человека. Речь идет прежде всего о проблеме личности: каковы индивидуальные механизмы, определяющие моральность поступка, и в чем ценность того, чтобы быть человеком? Энди Миа рассматривает концепцию человечности через анализ принципов *человеческого достоинства* и *автономии* – независимости нравственных убеждений от внешних условий.

Наличие у человека *автономии*, *идентичности* и *личности* рассматривается в данной книге как условие, позволяющее формировать жесткие моральные критерии, мотивирующие деятельность человека, и интерпретируется автором как основной элемент концепции *человечности* – *уникальной особенности человека*. Если генетическая модификация согласуется с моральной аутентичностью спортсмена, полагает исследователь, то для нее не существует этических препятствий.

Основанием для того, чтобы спортсмены использовали генетический допинг, размышляет автор, может стать условность границы между болезнью и здоровьем в современной медицине. Хотя спортивная администрация занимает традиционную точку зрения, настаивая на том, что недопустимо применять лекарства в немедицинских целях, на практике сугубо принципиальный подход к этой проблеме недостаточен, по мнению Энди Миа, поскольку определения понятий *здоровье* и *болезнь* далеко не столь однозначны, как их применение в реальных ситуациях.

Генетическая модификация: *contra*

Проблемы генной инженерии так долго питала жанр антиутопии, что у многих людей любая ее форма а priori ассоциируется с наступлением эпохи дегуманизации. Энди Миа провел специальный анализ того, какие негативные последствия могут возникнуть в результате практического применения генной инженерии, причем не только в спорте, но и повседневной жизни миллионов людей. Учитывая исторический опыт, можно предположить, что доступ к биотехнологии ограниченного круга лиц неизбежно приведет к дискриминации евгенического характера, когда воспользовавшиеся возможностями биотехнологий будут считаться более ценными представителями человеческого рода, чем те, кто окажется лишен этой возможности.

Генетические тесты будут широко применяться для идентификации некоторых заболеваний, передающихся по наследству, среди которых, например, диабет. Однако результаты данных наблюдений повлекут за собой вред для человека, ведь доступ к этой информации может стать как источником наживы в случае, скажем, махинаций со страховками, так и причиной нарушения прав работников в том случае, если, предположим, работодатель получит доступ к генетической информации.

Каждое поколение имеет свое представление об идеальном человеке и стремится воплотить его в жизнь. Вполне возможно, что модификация генетических клеток будет использоваться для того, чтобы дети рождалось с уже предсказуемыми чертами характера. Следствием этого станет искусственное конструирование характерных черт и способностей людей будущего. Например, использование генетических технологий может привести к тому, что среднестатистический спортсмен будет обладать такими качествами как большая, чем у современных спортсменов, мышечная масса, выносливость и гибкость. Однако генетическое конструирование способностей и черт характера у людей будущего неэтично, поскольку оно подразумевает навязывание определенного ценностного ряда, тем самым ограничивая свободу выбора.

Генетическая модификация наследуемых клеток приведет к тому, что изменится отношение к жизни. Например, будущие способности еще не рожденного ребенка станут рассматриваться как качества, которые можно менять при помощи биотехнологий, позволяющих предопределить задатки будущего человека по воле родителей. В результате жизнь человека и любая другая форма жизни приобретут статус артефакта и потеряют свою самооценку.

Однако в случае легализации генетической модификации значительно более опасным станет коммерческое отношение к перспективной наследственности, когда будут создаваться банки спермы и яйцеклеток для последующей продажи. Эта практика может получить особенно широкое распространение в спорте.

Между риском и необходимостью

Риски, являющиеся основанием для ограничения быстрого развития биотехнологий, связаны с возможностью нарушения фундаментальных принципов биоэтики, прежде всего это ущемле-

ние автономии, нарушение принципа справедливости. Риск разрушения окружающей среды и даже «мрачный сценарий» возможной катастрофы также служат источником для поддержания опасений.

В то же время биотехнологии имеют огромный потенциал повысить эффективность лечения многих болезней. Немедицинское применение генетических технологий и позволит людям полнее реализовывать свой физический потенциал а применение имплантантов сделать человека более интегрированным с информационными технологиями.

Использование биоэтических принципов в качестве этических регулятивов, практически осуществляемое в этических рекомендациях по контролю за развитием биотехнологий, является хорошим методом гуманизации биотехнологий, который позволит дать относительно взвешенную оценку технологиям, влияние которых на человека не всегда очевидно.

Примечания

- ¹ Dignitas Personae. 12.12.2008 (<http://www.vatican.va/>)
- ² *Litton P.* 'Nanoethics'? What's New? // Hastings Center Report. 2007. 37. № 1. P. 22–25.
- ³ *Crichton M.* Prey. 2002.
- ⁴ *Ким Эрик Дрекслер* (род. 25 апреля 1955, Окленд, Калифорния) – американский инженер, известный популяризатор нанотехнологий.
- ⁵ Бил Джой – один из основателей и ведущий разработчик Sun Microsystems, сопредседатель Комиссии при президенте США, занимавшейся проблемой будущего исследований в области IT технологий.
- ⁶ *Joy B.* Why the future doesn't need us // Wired. Vol. 8. P. 238–262 (см.: http://www.wired.com/wired/archive/8.04/joy_pr.html).
- ⁷ Ethical aspects of ICT implants in the human body // Opinion of the European group on ethics in science and new technologies to the European Commission. Opinion № 20. (http://europa.eu.int/comm/european_group_ethics/docs/avis20en.pdf).
- ⁸ Работа в этом направлении активно велась в Пенсильванском университете под руководством профессора Ли Свини (Lee Sweeney) с середины 1990-х гг., где в опытах над животными достигли увеличения мышечной массы на 20–30% при помощи инъекций гена инсулиноподобного фактора роста 1 (IGF-1).
- ⁹ *Sweeney L.* Gene Doping // Scientific American. 21.06.2004.
- ¹⁰ Gene doping is new «frontier» for sports cheats // Times Online. 16.02.2004.
- ¹¹ *Miah A.* Genetically Modified Athletes. L.–N. Y., 2004.

П.Д. Тищенко

Биотехнологическая ре-де-кон-струкция человеческого в человеке: казус сексуальности

Человек – соучастник глобальных процессов эволюции Вселенной. Постоянное становление иным входит в его существо и как природная предпосылка, и как онтологическое основание дробящегося и ветвящегося в множющихся вариантах исторических и культурных траекторий антропогенеза. Эта стихия пропитывает все формы его деятельного присутствия в мире и находит в них специфические каналы для своей реализации. Одним из наиболее значимых в современной исторической ситуации каналов, через которые стихия становления иным, врывается в жизнь человека, являются биомедицинские технологии. Стремительно плодясь и захватывая все новые и новые социальные пространства, они радикально меняют не только формы человеческого существования, но и человеческую сущность – то, что человек узнавал в себе как собственно человеческое. Происходит спровоцированное прогрессом биотехнологий и оснащенное его ресурсами скольжение по ту сторону человеческого в человеке.

Человек, пытаясь обрести все больше и больше власти над жизнью, постоянно теряет себя. А в ответ на вызов исторической ситуации слишком часто склоняется к крайностям агрессивного антисциентизма или самодовольного технократизма. Эти антагонистические установки выражают глубоко укорененную в сознании современного человека апорию. Он продолжает уповать на науку и технологии как на средство решения многих острейших проблем. Как на источник качественного улучшения своей жизни,

расширения возможностей самореализации. Как на гарантию сохранения и актуализации своей сущности. Но чем больше власти он приобретает, тем опаснее становится эта власть для него самого. Причем опасность опознается и для его существования (экологические, демографические и медицинские проблемы), и для его сущности (биоэтические проблемы). Опасность вырастает именно из того источника, в котором новоевропейский человек черпал средства своего спасения.

Этот парадокс является специфическим, постоянно воспроизводимым началом острейших дискуссий относительно допустимости или недопустимости разработки тех или иных биотехнологических новаций. Можно ли его разрешить? Полагаю, что можно. Но не в смысле опровержения одной из противоположных установок или снятия обеих в некотором диалектическом синтезе на гегелевский манер. Решение заключается в прямо противоположном – в осмыслении парадоксального характера ситуации как необходимого. Но читатель волен спросить: а что с парадоксом можно делать? Не издевается ли автор, предлагая в качестве решения сохранение исходной неразрешимости? Сохранение спорности (проблемы) как таковой. Ведь ситуации, складывающиеся в сфере биотехнологий, чрезвычайно остры. Необходимо срочно найти выход не только теоретически (здесь, конечно, автор может и с парадоксами поработать), но и чисто практически, конкретно, не откладывая, ответить на встающие многочисленные вопросы. Определиться: про или contra. Однако позволю себе настаивать. Именно осмысление парадоксального характера ситуации как необходимого является основанием для конкретного, безотлагательного, содержательного, практически эффективного ответа на встающие сложнейшие проблемы. Дело в радикальном переосмыслении идеи ответственности в ситуации имманентно-го становления иным.

Для обоснования высказанного предположения сделаю несколько шагов. Первым шагом попробую очистить поле рассуждения от навязчивого давления желаний во что бы то ни стало сохранить бывшее или несмотря ни на что создать небывалое, показав их взаимодополнительный характер. Вторым шагом, взяв в качестве наихарактернейшего примера сексуальность, картирую пучок тенденций становления человека иным под влиянием биотехноло-

гического прогресса. Третьим – в самых общих чертах сформулирую, как возможна ответственная позиция в ситуации скольжения по ту сторону человеческого в человеке.

Взаимообоснование позиций pro и contra

Собственно человеческое в человеке – это не некая предсуществующая сущность, выражением которой являются традиционные запреты и моральные ограничения, но именно сама тенденция к пре-ступлению любой готовой формы жизни. Тенденция к само-преобразованию, творчеству новых и новых форм человеческой сущности и существования. То есть, собственно человеческое в человеке – это и есть сам порыв к новому, к открытию «мира впервые» (В.С.Библер). Эпоха Нового времени, еще дрящущаяся, несмотря на глубинные преобразования, сама себя и узнает только в «новом», еще небывалом. Герои этой эпохи – первооткрыватели, изобретали, новаторы, неважно в какой области: политике, художественном творчестве, науке, технике и т.п. «Каждое поступить, – свидетельствует Марина Цветаева, – есть преступить чей-то закон: человеческий, божеский или собственный». Из этой перспективы культурного видения становление человека иным под действием технологического прогресса является наиболее аутентичным выражением его творческой самости. Тот, кто выступает против новых, более совершенных технологий преобразования человеческой сущности и форм существования, движим предрассудками, от которых человечество должно освободиться, чем раньше и радикальнее, тем лучше.

Так обычно рассуждают сторонники научного и технологического прогресса. Однако нетрудно заметить, что априорным условием возможности преступления закона является законодательный акт, его утверждающий. Он должен быть кем-то изобретен. Богом. Человеком. Собой. В этой перспективе нарушение закона – акт мелкий, жульнический, весьма пошлый. Для творчества нужно поднять планку выше. Но и противоположная позиция, желающая консервативно защитить, закрепить именно то, что уже всегда было как наше общее традиционное основание, оказывается в сложном положении. Все, что учреждено «человеком» (конкретным сообществом, сувереном и т.п.), в момент своего учрежде-

ния с необходимостью было нарушением прежде учрежденного. Например, принятие христианства на Руси – это радикальнейший отказ от традиции, от завещанных предками форм веры и образа жизни. Акт фундаментального попрания всего, что связывало русских с землей. Ведь язычество (о чем недвусмысленно напомнил в начале XX в. Павел Флоренский в книге «Общечеловеческие корни идеализма») – это и есть интимнейшая связь с жизнью окружающего мира. Связь дословная и неотступующая. Связь живая, поскольку неопредмеченная в отчужденном в письме слове (в том числе и Слове). Передающаяся традицией из рук в руки и из уст в уста. Христианство эту связь уничтожило, установив радикально иную структуру отношений между человеком, природой и Богом. Историческая новация, которая попросту несопоставима с т.н. «октябрьской революцией», поскольку последняя лишь переименовала архаичные структуры крепостничества. Крещение преобразовало всю жизнь на новых основаниях.

«Божеские законы», утверждаемые вместе с творением мира, в подобных априорных условиях не нуждаются. Казалось бы, на них можно положиться в противостоянии скольжению по ту сторону человеческого в человеке, хотя и это лишь видимость. Достаточно попросту воздержаться от самомнения, путающего отсебятину с Откровением. А если этой путаницы нет, то все сказанное в Откровении в «моем» частном слове и понимании выступает как рискованный перевод с языка, на котором уже никто не говорит, сопровождаемый рискованным истолкованием этого перевода. «Вечные истины» каждой эпохой открываются заново. Изобретаются. Именно поэтому можно говорить об истории богословия. Параллельно происходит непрекращающийся перевод священных писаний на живой язык, неудержимо становящийся иным.

В своем простом противостоянии традиция и новация, исключая друг друга, опираются друг на друга. Являются друг для друга априорными условиями опыта само-узнавания.

Топика тенденций

Человек себя постоянно преобразует. Биотехнологии являются полем незаметных для научного и обывательского взгляда, но самых радикальных преобразований человеческого в чело-

веке. То, что они незаметны обывателю, – дело понятное. Но с учеными-биотехнологами ситуация сложнее. Кто как не они лучше других разбирается в сути происходящего? Что понимают, к примеру, в проблемах клонирования философы или совсем уж невесть откуда взявшиеся биоэтики, если они ни микроскопов, ни манипуляторов в глаза не видели. Научных статей не читают, а пользуются лишь пересказами в научно-популярной литературе. Если ты не знаешь и не понимаешь, никакого права что-либо утверждать или опровергать не имеешь. Подобное приходится постоянно слышать в спорах с врачами и биологами. Дело, однако, в том, что микроманипуляции на клеточном уровне имеют своей причиной не природные процессы, а нечто происходящее в головах ученых – то, что остается вне их поля профессионального знания. Ученый лучше других знает, что он делает, но совершенно не знает (именно как ученый), почему он это делает. Более того, зная последствия своих действий, которые можно отследить с помощью микроскопа или иного научного прибора или метода, он категорически некомпетентен относительно последствий, могущих возникнуть на уровне сознания человека или структуры человеческих сообществ.

События скольжения по ту сторону человеческого в человеке, разворачивающиеся в пространстве, находящемся в слепом пятне экспертов в области биотехнологий, меня и интересуют. Именно о них пойдет речь дальше... Правда, здесь возможно усомниться, в каком смысле сексуальность относится к человеческому в человеке, его сущности или идентичности. К примеру, она явно выпадает вместе с другими телесными феноменами из поля, очерченного тремя вопросами И.Канта. Согласно современным философским тенденциям сексуальность выступает для меня как форма воплощенной субъектности, как телесная форма укоренения человека в бытии. Биомедицинские технологии преобразуют ее объектные характеристики, создавая ресурс для появления качественно иных форм человеческого воплощенного субъекта.

Попытаюсь дать карту подобного рода событий, выделив в них четыре конкурирующие тенденции, проявляющие себя в соответствующих дискурсах легитимации – узнавания, признания и оправдания происходящего. Использованное мной в заголовке статьи сложное слово ре-де-кон-струкция является обозначение

нием этих тенденций. Конечно, было искушение найти общее имя и тем самым избавиться от тяжеловесной косноязычной сложности. Под рукой были такие слова, как «модификации», «трансформации», «преобразования» и другие. В некоторых случаях в тексте, когда не нужна строгость изложения, они появлялись. Однако, по возможности, я старался сопротивляться этому искушению и сохранить сложную и тяжеловесную косноязычность в имени темы именно постольку, поскольку она наиболее адекватна сложности и ускользающей от гладкости логического рассуждения структурной неоднородности рассматриваемых событий. Хайдеггер видел власть слова в его способности дать возможность вещи быть собой. Поэтому мне и пришлось подыскивать слово, которое бы оптимальным образом предоставляло возможность быть собой тому, что по своей сути всегда становится иным. Причем это изменение открывается нам не в одном каком-то проясняющем дискурсе, но сразу, как минимум, в четырех. Ре-де-кон-струкция связывает пучок тенденций, которые можно обозначить словами реконструкция, конструкция, деконструкция и деструкция. В отношении к последним это слово выступает в качестве конструктора. Из него они складываются как из деталей.

Реконструирование – это тенденция действия, направляющая его на восстановление утерянной формы. Восстановление утраченного здоровья – самый характерный, хотя и не единственный пример реконструирования. Уточняющим синонимом реконструирования может считаться идея реабилитации как деятельности, предполагающей не только медицинское, но и психологическое, социальное и даже духовное восстановление целостности человеческого существования. В любом случае та норма (идея целостности), ориентируясь на которую строится человеческое действие, предсуществует в отношении к ситуации действия. Она как бы локализована в прошлом, была нарушена, и теперь ее предстоит восстановить.

Конструирование представляет собой реализацию тенденции к созданию новой формы. В отличие от реконструирования, она предполагает в качестве определяющего специфику элемент новации, изобретения, создания новой формы человеческой сущности или человеческого существования. Его частным вариантом явля-

ются практики абилитации. Об абилитации говорят тогда, когда врачам, педагогам, психологам, социальным работникам и иным субъектам биомедицинской деятельности приходится не восстанавливать утраченную целостность, но создавать ее фактически заново. В любом случае для конструирования важен эффект новации, с одной стороны, а с другой (с тем, чтобы отличить от деконструирования) – эффект возникновения новой целостности. Конструирование преобразует некоторую исходную природу человека с тем, чтобы придать ей новую, более современную конкретную форму. В конструировании и продукт, и его нормативный образ появляются одновременно. Целостность не предсуществует производству, а рождается вместе с ним. Она локализована не в прошлом, но в настоящем. Она по сути своей современна.

Деконструированием я называю процесс преобразования природы человека, результатом которого является ее превращение в своеобразный конструктор, материю (в аристотелевском смысле). Этой материи в соответствии с индивидуальными или коллективными предпочтениями можно придавать необходимую для решения конкретных задач или реализации тех или иных ценностей форму. Особенность деконструирования в том, что ценность и целостность человеческого существа категориально схватывается идеей бытия-в-возможности. Человеческое в человеке в данном случае – это не нечто бывшее или здесь и теперь созданное, но культивируемое всем блоком наук о человеке могущество, его возможность приобретать новые биологические, психологические, социальные и иные качества, осваивать новые формы деятельности и образы индивидуального существования. Его целостность открыта неизвестности будущего.

Нетрудно заметить, что три выделенные тенденции схематично связаны с темпоральной структурой прошлое – настоящее – будущее. Тенденции приобретают особенность в зависимости от того, какой момент времени избирается как определяющий идею целостности человека. В реконструкции доминантой является прошлое, в конструкции – настоящее, в деконструкции – будущее. Если бы ситуация этими тенденциями ограничилась, то вполне можно было бы дать им общее имя, поскольку есть общее основание – разворачивание времени. Однако карты путает четвертая тенденция, внося в ситуацию имманентные черты безвременья,

продуцируя непредставимые эффекты чистого становления. Отсылка к ней неизбежна, поскольку возникающую экзистенциальную ситуацию, порождаемую прогрессом биомедицинских технологий, иначе как пастернаковским переводом Шекспира: «Распалась связь времен», – охарактеризовать затруднительно. Еще в начале 60-х гг. XX в. Ганс Йонас убедительно показал, что в сфере биотехнологий рост могущества с неизбежностью ведет к непредсказуемости и неконтролируемости результатов человеческого действия. Именно эта тенденция и обозначается мной словом деструктурирование или деструкция.

Деструктурирование обнаруживается в продуцировании отходов – активной среды научно непредставимых и технологически неконтролируемых последствий трех первых тенденций. Того, что возвращается к человеку в качестве следа в форме болезней, экологических проблем и глобальных антропологических рисков. Человек в этой ситуации оказывается не просто открыт будущему в горизонте возможностей настоящего, но брошен в ситуацию не-возможного. Она никак не просматривается и не освещается его знанием. Он теряет возможность узнавать себя как субъекта действия. Одновременно само понятие действия утрачивает свойственный ему смысл.

Можно также отметить, но оставить без обсуждения связь описанных выше тенденций с выделенными Маргарет Мид типами самоидентичности – постфигуративной (полагающей центр самоидентичности в прошлом), конфигуративной (полагающей его в настоящем) и префигуративной (полагающей в будущем). Единственное, что для большей точности и соответствия полезно было бы дополнить мидовскую классификацию типом «дисфигуративной» идентичности, формирующейся как отход от реализации трех основных проектов самоидентификации. Его природа – это природа ускользающего протeya. Бессознательное, открытое Фрейдом, – одно из частных имен дисфигуративной идентичности, являющейся отходом постфигуративных практик самоидентификации (самоидентификации через отношение к отцу). Причем эта открытость дисфигуративному сохраняется не в психоаналитических топиках и теориях, а в свойственной самому психоанализу деструктурирующей тенденции становления иным. Психоанализ начал быстро дробиться на многочисленные варианты школ и интерпретаций,

каждая из которых, схватывая и вводя в обзор представимого свое, с неизбежностью теряла из виду неуловимую стихию становящегося. Поэтому деструктивная тенденция и предполагающая ее «дисфигуративная идентичность» (как ни парадоксально это именование безымянного) в принципе неустранимы и непредставимы.

Имея в своем распоряжении инструмент аналитического расщепления тенденций, попытаюсь с его помощью распутать сложный клубок фундаментальных антропологических проблем, порождаемых биотехнологическим прогрессом в пространстве человеческой сексуальности.

Решение этой задачи предстанет как многократный повтор ситуации, в которой на первом этапе внедрения конструктивная по своей природе биомедицинская инновация получает легитимность за счет выявления реконструктивного основания. На втором она с неизбежностью начинает раскрывать не предполагавшееся в зачине данной инновации поле возможностей для возникновения новых форм сущности и существования человека, становится деконструкцией. Повтор с каждым новым технологическим достижением данной ситуации, с одной стороны, накапливает потенциал человеческого могущества, творчески расширяя область его контроля над собственными процессами жизнедеятельности. Однако, с другой стороны, в качестве побочного следствия продуцирует тень непредсказуемых рисков, которая по мере прогресса не рассеивается, а сгущается. Инновации обнаруживают в себе деструктивные тенденции.

Выбор сексуальности¹ как примера произволен. Аналогичные тенденции без труда можно обнаружить в различных технологиях: геномных, клеточной инженерии, умирания и смерти, трансплантации органов и тканей, и т.д.

Ре-де-кон-струкция сексуальности

Аборт. Прерывание нежелательной беременности имеет древнюю историю. Однако собственно медицинской проблемой, предметом научного изучения и технологического совершенствования аборт становится в конце XIX – начале XX вв. Вначале как форма оказания помощи женщинам, для которых роды несли смертельную опасность. То есть как реконструктивная форма деятельности,

совмещавшая идеи предупреждения опасности и спасения жизни женщины. В этом исходном смысле медицинский аборт отвергается лишь самыми радикальными религиозными деятелями. Реализовать эту реконструктивную установку можно было только за счет разработки (конструирования) новых, научно обоснованных технологий аборта.

Как только разработанные медиками новые методы аборта стали достаточно безопасными, они сразу же раскрыли поле возможностей для своего использования с иной мотивировкой. И опять же выдвижение на это поле имело чисто реконструктивное обоснование. Аборты по желанию женщины, совершавшиеся случайными людьми, слишком часто наносили тяжелый вред здоровью и нередко заканчивались ее смертью. Спасти эти жизни, предотвратить неизбежный вред здоровью женщин – это были главные формы утверждения легитимности абортов по желанию на первом этапе. Тем более, что технологические возможности уже присутствовали.

Легализация аборта по желанию, происходившая на следующем этапе разными темпами в разных странах под флагом борьбы за права женщин, как ни парадоксально, сохраняла для него смысл медицинской помощи. Подобного рода сохранение реконструктивной тенденции возможно лишь на основе конструктивного преобразования исходной идеи целостности человека. И, соответственно, новой идеи страдания – нехватки и ущербы в сущности и существовании человека. Какого рода целостность восстанавливает аборт? Совсем не ту, что предполагалась в первоначальном развитии этой медицинской технологии. Речь не идет о спасении жизни как главной ценности и основания целостности, а о восстановлении свободы женщины, ее возможности планировать свою жизнь и распоряжаться ею по своему усмотрению. Иными словами, конструктивистская тенденция в модификации репродуктивной функции человека позволяет переопределить реконструктивный смысл этой технологии и тем самым сохранить для нее статус медицинской помощи.

Инновационное преобразование идеи целостности происходит в русле основных тенденций развития новоевропейской культуры. Детородный процесс превращается из естественного события и атрибута сексуальности человека, практически неизбежно происходящего, как только люди вступают в половую связь,

в предмет выбора, в предмет рационального действия, контроля и планирования. Антропологическим последствием массового применения аборта как медицинской технологии является вычленение атрибута деторождения из идеи сексуальности. Первоначально как чистый сдвиг из антропологической реальности, которая «есть» (в этом смысле ест-ественна), в реальность, которая лишь «может быть». Этот сдвиг имманентно присутствует в самой идее целесообразного предметного действия². Конкретные антропологические последствия этого сдвига еще только предстоит изучить. Поскольку план бытия в возможности, раскрываемый технологиями аборта, устанавливается и входит как новая реальность в понимание сущности и форм существования человека, то одновременно происходит его отделение от той идеи целостности, с защитой которой было связано его появление. Как форма медицинской помощи аборт постепенно начинает использоваться для решения различных задач. Например, задачи рождения ребенка желательного пола или для решения медико-генетических проблем.

Тем самым технологии аборта осуществляют первый и еще довольно примитивный шаг в деконструировании сексуальности человека. Он радикализуется за счет развития технологий контрацепции.

Контрацепция. Как и в случае аборта, сама практика контрацепции уходит глубоко в историю. Превращение ее в форму медицинской помощи и научной проблемы происходит относительно недавно и получает массовое распространение лишь во второй половине XX в. Идейным обеспечением медикализации контрацепции становится подготовленная медикализацией аборта идея целостности человека, в которой центральное место занимает свобода выбора. Подбор контрацептивов, рекомендации по их надежному и безопасному использованию, разработка широкого спектра механических, химических и биологических контрацептивных средств – все это естественным образом входит в сферу деятельности врача.

Прямым последствием реконструктивной по своему оправданию медицинской технологии контрацепции становятся многочисленные социальные и психологические конструктивные инновации – модификации человека, приведшие к формированию новых образов и образцов человеческой жизни, в рамках которых

сексуальность распалась на секс, развивающийся относительно самостоятельно, и семью, еще сохраняющую заботу о деторождении. Многообразие возникших в результате антропологических последствий в литературе обозначается как «сексуальная революция» 60-х гг. XX в. Подчеркну, ее следствием является не только конструирование новых форм человеческой жизни, но и еще более радикальный сдвиг в понимании антропологических атрибутов из «есть» в «может быть», что начинает оказывать влияние на все остальные, еще традиционно воспроизводящиеся формы жизни. Например, поскольку секс как форма жизни отделяется от деторождения, то внутри этой сферы жизни как необходимое следствие возникает безразличие к делению на мужское и женское. Исчезает чувство естественности гетеросексуальности. Она, как и гомосексуальность, становится одной из возможных форм сексуальной ориентации. Сексуальность тем самым еще в одном аспекте проходит процесс деконструкции, превращения в «материю», из которой благодаря свободному выбору человек может выбрать для себя ту или иную форму.

Следующий шаг преобразований сексуальности человека связан с непосредственной трансформацией процессов репродукции.

Новые репродуктивные технологии. Технологии аборта и контрацепции лишь извне контролировали детородный процесс, предотвращая его наступление или прерывая его. Новые репродуктивные технологии вторгаются в его естественное протекание, одновременно порождая многочисленные антропологические последствия. Однако и в данном случае начальный этап осуществляется как реализация реконструктивных тенденций (восстановление целостности), что позволяет с самого начала создавать и совершенствовать их как формы медицинской помощи. «Болезнь», которую лечат эти технологии, называется бесплодием. Лечат не в смысле исправления «поломки» в организме женщины или мужчины, но смысле создания искусственных технологических систем, которые замещают естественные.

Принципиально важно, что реализация реконструктивных задач в данном случае осуществляется как конструирование новых, технологически преобразованных репродуктивных форм. Искусственное осеменение, заимствованное медициной в животноводстве, получает в конце 70-х – начале 80-х гг. широкое рас-

пространение. Практически сразу же возникают и начинают распространяться технологии экстракорпорального оплодотворения (оплодотворения в «пробирке») с последующей имплантацией оплодотворенных эмбрионов в матку женщины. Как и в вышеописанных случаях, реконструктивно оправданные конструктивные инновации в качестве необходимого следствия вызывают процессы дальнейшей деконструкции сексуальности человека.

Аборт и контрацепция расчленяют секс и деторождение, пока еще связанное с семьей. Искусственные репродуктивные технологии расчленяют и делают условными, зависящими от выбора естественные формы семейной самоидентичности: мать, отец, сын, дочь, внук, внучка, бабушка, дедушка и т.п. У каждой из них появляется двойное на «биологическое» и «социальное». Например, биологический отец – донор спермы, другой человек, чем отец социальный, выращивающий ребенка. В случае оплодотворения в пробирке существуют вариации, когда один из родителей удвоен или оба. Поскольку имплантация оплодотворенной яйцеклетки может происходить как в матку женщины – будущей социальной матери, так и в матку суррогатной матери, то комбинаторика дополняется еще одним элементом. То есть возможен вариант, при котором у ребенка будет два отца и три матери. Три матери и один отец или по два с каждой стороны и т.д. Часто встречающийся вариант, при котором вынашивающей матерью выступает мать будущей социальной матери, создает серию гибридных самоидентификаций. Рожденный ребенок может оказаться для женщины, которая его родила, и сыном, и внуком, а она для него и матерью, и бабушкой. Для социальной матери он и сын, и брат, а она для него и мать, и сестра. Тем самым семья из естественной данности превращается в своеобразный конструктор, используя различные элементы которого можно создавать те или иные комбинации.

Аналогию с конструктором еще больше подчеркивает процесс превращения частей человеческого тела в товар. Растет рынок, на котором донорская сперма и донорские яйцеклетки выступают в роли товара. Параллельно возникает рынок платных услуг по вынашиванию и рождению зачатых в пробирке детей.

Тем самым по ходу изобретения новых репродуктивных технологий человек еще глубже подвергает деконструированию свою собственную сексуальность.

Дальнейшую радикализацию процессы деконструкции сексуальности человека претерпевают в связи с развитием практик транссексуальности.

Транссексуальность. Вполне естественно, что достаточно экстравагантные медицинские технологии изменения пола человека возникают вначале как чисто реконструктивные формы медицинской помощи, прежде всего в связи с лечением различных форм гермафродитизма. Хотя и в этом, достаточно объяснимом случае результатом оказания помощи оказывается не восстановление первоначальной формы, а ее создание заново. Реконструирование, тем самым осуществляется в форме конструирования.

Еще в большей степени конструктивная тенденция проявляется в тех случаях, наиболее характерных для современной ситуации, когда причиной транссексуальных манипуляций оказываются не биологические проблемы развития половых органов индивидов, а чисто психологические. Индивид вдруг осознает, что не может дальше существовать в данном от природы теле мужчины или женщины. Он требует от врачей помощи, хирургической и гормональной, с тем, чтобы имеющийся от рождения пол поменять. Медицинская технология по желанию «пациента» конструирует тот или иной пол. Создает мужчину или женщину из некоторой биологической потенции – тела как конструктора. Тем самым лежащие в основании сексуальности естественно данные формы самоидентичности мужчины и женщины превращаются в социальные конструкции.

В качестве примера приведу казус Томаса Бити в изложении Gazeta.ru от 4.07.08 (Алена Марьянова)

Мужчина родил ребенка. «34-летний Томас Бити, житель штата Орегон, произвел на свет девочку, «очень милую, просто красавицу», говорят друзья семьи Бити. Транссексуалу не понадобилось кесарево сечение, ребенок родился естественным способом. Отец и дочь уже выписаны из клиники домой. К маме.

В четверг стало известно, что беременный мужчина из американского штата Орегон наконец разродился. Как сообщил каналу ABC источник, близкий к семье Томаса Бити, роды прошли без осложнений, младенец и родивший его отец здоровы...

Сам Томас Бити родился на свет девочкой по имени Трейси, провел первые 20 лет своей жизни в женском теле, был моделью, участвовал в конкурсах красоты, но впоследствии изменил пол,

пройдя курс гормональных инъекций. Врачи удалили ему грудь, у него начала расти щетина. Правда, менять половые органы он не стал. И, как вскоре выяснилось, не зря: в 2007 г. Томас и его подруга, 42-летняя Нэнси, с которой они жили уже 10 лет (кстати, у Нэнси есть двое детей от первого брака; свои отношения с Бити она официально оформила в 2003 г.), решили завести ребенка, но оказалось, что спутница жизни транссексуала не может забеременеть. Тогда будущий отец решил выносить первенца сам.

Для начала он перестал получать уколы тестостерона (мужского гормона), чтобы снова начались менструальные выделения. Потом пара пошла по врачам, и только на девятом специалисте по репродукции Бити смог со второй попытки удачно забеременеть от замороженной донорской спермы. Супруга сама оплодотворила Бити в домашних условиях.

Она сделала это с помощью специального устройства, напоминающего шприц без иглы. Такое приспособление чета Бити приобрела в ветеринарной аптеке: с его помощью обычно оплодотворяют птиц...». Родив себе ребенка, Бити вновь вернулся к гормональной терапии, которая позволила восстановить мужской облик...

Следующий шаг в деконструкции сексуальности человека совершают технологии клонирования.

Клонирование. Транссексуальные технологии делают различия между мужским и женским условными, зависящими от индивидуального выбора, но сохраняют их значение для самой сексуальности. Клонирование как технология воспроизводства человека не от двух людей (матери и отца), а от одного (неважно, какого пола) снимает различие между мужским и женским, которое, не трудно заметить, на протяжении всей предшествующей истории определяло динамику и культурного развития человечества в целом, и индивидуального развития людей. Опять же сторонники идеи клонирования человека оправдывают развитие соответствующих технологий медицинскими проблемами (некоторые варианты бесплодия) или необходимостью оказания помощи людям, лишившимся близких (например, мужа или сына) и желающим облегчить свое страдание, дав жизнь клону (биологической копии) погибшего человека.

Однако нетрудно заметить, что развитие репродуктивного клонирования как фундаментальной по своей инновационной сути разновидности конструирования человека окажется столь же фун-

даментальной формой деконструкции сексуальности как атрибута собственно человеческого в человеке. Репродукция будет отделена от различия человеческого в человеке на мужское и женское, причем само различие станет несущественным, по аналогии с гомосексуализмом, своеобразной сексуальной «ориентацией», которую по желанию можно как угодно менять.

Предпоследний аккорд описанной выше многослойной деконструкции сексуальности человека будет связан в будущем с успешной реализацией проектов разработки искусственной матки.

Искусственная матка. Мечта о создании искусственной матки для медицинского сообщества вполне естественна. Реализация этого проекта позволит поставить *под полный контроль со стороны ученых весь процесс зарождения человека от зачатия до появления на свет*. Огромное число форм врожденной патологии будет своевременно обнаружено и подвергнуто лечению. Одновременно женщина будет освобождена от рисков, связанных с беременностью и родами. Реконструктивное оправдание более чем весомое.

Конструктивная тенденция также более чем рельефна. Речь идет об одной из самых радикальных модификаций человеческого существа. Впервые столь существенно важный биологический процесс будет вынесен за рамки человеческого тела и обеспечен деятельностью чисто механического устройства. Здесь важно не пропустить разницу между искусственной маткой и другими искусственными системами (почкой, печенью, сердцем, легкими и т.д.). Дело в том, что традиционно развивающиеся системы искусственных органов обеспечивают жизнь того естественного тела, которое нам дано от природы. Они восполняли недостаточность поврежденного органа. Искусственная матка «извлечет» из тела человека как несущественный один из естественных процессов и «воплотит» его в технической системе. Женственность, низведенная до уровня сексуальной ориентации, будет освобождена от атрибута материнства. Одновременно произойдут радикальные преобразования самоидентичности человека, «зачатого» путем клонирования и рожденного машиной. Его природная связь с другим человеком будет сведена к «донорству» клетки.

Пилюля счастья. И, вероятно, последним аккордом тотальной деконструкции сексуальности как наиболее существенного атрибута человеческого в человеке станет успех в области пси-

хофармакологии – разработка «пилюли счастья». Человек будет освобожден от рисков, связанных с половой жизнью для получения сексуального удовольствия. Прервется опасная цепочка распространения ВИЧ, гепатита и других инфекций, связанных с половым контактом. Человечество станет более здоровым и счастливым. Правда, не вполне понятно, в каком смысле оно останется человеческим.

Деструкция человеческого в человеке. Эта непонятность указывает на то обстоятельство, что за спиной реконструкций, конструкций и деконструкций неприметным образом разворачивается тотальная деструкция человеческого в человеке. Тень непредставимых, неконтролируемых и непредсказуемых рисков сгущается. Классическая наука видела в рисках результат недостаточности научного знания. В современной ситуации риски растут и глобализируются именно благодаря прогрессу науки. Причем риски не только физические, но и метафизические. Риски потерять собственно человеческое в человеке. Риск тем более реальный, что взглядом экспертов, врачей и биологов, которые до сих пор решают вопросы, развивать или не развивать ту или иную технологию, не наблюдаемый. Если общество будет довольствоваться одномерным взглядом ученого-естествоиспытателя, то вполне реально с ним случится то, что случилось с героем Р.Шекли. Оно просто не заметит, что произошло что-то особенное. Оно успокоено обнаружит, что «дома» все осталось на своих местах: «Жизнь шла заведенным чередом: отец пас крысиные стада, мать, как всегда, безмятежно несла яйца... Разве дубы-гиганты не перекочевывали по-прежнему каждый год на юг? Разве исполинское красное солнце не плыло по небу в сопровождении темного спутника?... Марвина успокоили эти привычные зрелища»³... К сожалению, для нашего общества характерно проходить кризисные ситуации, что называется, не приходя в сознание.

Но если все-таки опомниться – каким может быть ответ на возникшую ситуацию? Какого рода ответственность адекватна глубине и радикальности встающих перед человеком вызовов? Для того, чтобы подступить к ответу, полезно напомнить некоторые принципиальные аспекты переосмысления идеи моральной ответственности в философии Ганса Йонаса.

Ганс Йонас и переосмысление идеи ответственности

На протяжении веков наука и порождаемые ею технологии рассматривались как этически нейтральные. Американский (до 1934 г. – немецкий) философ Ганс Йонас, характеризуя классический подход к этическим проблемам научных технологий, подчеркивал, что «традиционная идея *техне*... является этически нейтральной – и в отношении объекта, и в отношении субъекта действия»⁴. Однако взрывы ядерных бомб уничтожили миф моральной нейтральности науки. Миф, который активно обосновывала классическая новоевропейская метафизика. Йонас поставил самым радикальным образом вопрос о неправомерности разграничения сущего (данного в научном знании) и должного. Ограниченность статьи не позволяет рассмотреть этот вопрос с адекватной основательностью. Только отмечу, что, с моей точки зрения, попытка Йонаса преодолеть метафизический раскол носит натурфилософский характер. Поэтому его идеи оказались неостребованными в современной науке. В ряде работ, опубликованных в разное время, я попытался показать связь поступка и причинного события, не преступая границ научной рациональности и этики⁵. В историческом аспекте идею Йонаса подтверждают экологическое движение, которое поставило вопрос об ответственности науки за выживание человечества, и биоэтика, опознавшая в науке угрозу человеческой самоидентичности.

Следующим аспектом переосмысления идеи ответственности стало у Йонаса понятие действия. В традиционной этике «само моральное действие сводилось к непосредственному воздействию одного человека на другого человека или их взаимодействию»⁶. В современной ситуации природа, жизнь, окружающая человека и являющаяся условием его собственного существования, благодаря развитию экологического движения приобрела статус морального субъекта, которого недопустимо мыслить только как средство. В дополнение к антропоцентристским вариантам этики возникли патоцентристские, биоцентристские, эоцентристские, геоцентристские.

Далее, классическая моральная философия предполагала, что «в контексте совершаемого действия в конкретном домене реальности сущность “человека” и базисные условия его существования

пребывают как константные по природе вещей и не преобразуются за счет реализации самого этого действия»⁷. Как было показано в случае с биотехнологической ре-де-кон-струкцией сексуальности, современные биомедицинские технологии оказываются способными трансформировать не только условия существования человека, но и его сущность – самоидентичность.

И, наконец, Йонас намечает четвертую особенность нового понимания ответственного действия. В традиционной этике «добро и зло, по поводу которых реализует себя моральная забота, связаны либо с самим действием, либо с его ближайшими последствиями. Они никогда не становятся предметами отдаленного планирования»⁸. Причем отдаленное планирование, с необходимостью происходящее в условиях неопределенности, нужно не только в плане учета последствий изменения среды существования человека, но и в плане возможных сценариев преобразования его сущности.

В данной ситуации идея ответственного поступка радикально меняется. При столкновении с конкретной моральной проблемой, порождаемой научно-техническим прогрессом, человеку необходимо принимать однозначное решение. Ясно и обоснованно отвечать на вопрос: да или нет, запретить или разрешить, к примеру, использование генетически модифицированных продуктов питания. И в этом смысле сохранить преемственность с аристотелевским пониманием поступка и моральной ответственности. Но ответ, в силу трудности предсказания отдаленных последствий как «да», так и «нет», с необходимостью окажется временным. Поэтому проблему необходимо сохранить, постоянно осуществлять мониторинг развития последствий того или иного однозначно принятого решения. Тем самым остаются в деле не только те позиции, которые были приняты, но и временно отклоненные. Спор сохраняется как необходимость, внутри которой вызревают новые варианты полагания морального порядка против хаоса.

Возвращаясь к сказанному выше: философия как непрекращающийся спор обоснований рационального действия человека – это и есть отработанный культурой социальный орган мониторинга последствий принятых решений (исторических поступков) или свершившихся помимо воли человека исторических преобразований. Так же, как и история, и другие формы постижения природы человека. Спор – это жизнь духа. Поэтому *исторически безответствен-*

ны поползновения «людей дела» и у нас, и в иных странах, прикрыв «говорильню» спора законодательно или используя административный ресурс, привести философию и историю к общему знаменателю в виде общей идеологии или канонизированной истории.

В области биомедицинских технологий органом диагностики и мониторинга вечных проблем, прежде всего проблемы человека, стала биоэтика. Методологической основой мониторинга выступает идея гуманитарной экспертизы, основывающаяся на действии «принципа опережающего реагирования»⁹.

Примечания

- ¹ Термин «сексуальность» я использую в том же научном семантическом поле, в котором говорят, к примеру, о сексуальности moskitov.
- ² *Библер В.С.* Самостояние человека... Кемерово, 1992. 118 с.
- ³ Ссылку на Шекли я заимствовал из книги Я.Свирского «Самоорганизация смысла (Опыт синергетической онтологии)» (М., 2001).
- ⁴ *Jonas H.* The imperative of Responsibility: in search of an Ethics for Technological Age. Chicago, 1984. P. 4.
- ⁵ Время и нарине.
- ⁶ *Jonas H.* Op. cit.
- ⁷ Ibid.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ *Юдин Б.Г., Луков Вал.А.* Гуманитарная экспертиза. К обоснованию исследовательского проекта. М., 2006. С. 23–27.

В.И. Мусеев

Глобально-стратегический контекст проблемы гуманитарной экспертизы инновационных проектов

В этой небольшой статье я хотел бы коснуться проблем так называемой гуманитарной экспертизы инновационных проектов.

Тема гуманитарной экспертизы вообще является новым делом как в мире, так и в нашей стране, и здесь идет активный поиск и формулировка новых идей и подходов¹. Это в какой-то степени позволяет и философу без особого опыта в данной области поразмышлять на «заданную тему».

В связи с этим, мне хотелось бы подойти к осмыслению феномена гуманитарной экспертизы достаточно масштабно и стратегично, отталкиваясь от некоторого предварительного перспективного видения глобального контекста этой проблемы.

Инновации. Экспертиза. Гуманитарность

Давайте попробуем сказать достаточно просто и даже наивно, что такое экспертиза, гуманитарная экспертиза, что такое инновационный проект, и как это может быть связано.

Несомненно, в самых глубинах этих концептов лежит идея развития как роста бытия. Бытие не просто дано, оно растет, переходя от меньшего к большему. Бытие дано во времени, и смыслом времени оказывается именно рост бытия. Мы – как часть бытия – также жаждем смысла существования, который находим в полной и плодотворной жизни, где мы становимся полнее, сильнее, глубже, совершеннее. Это всем знакомая идея развития. Возможно, в

эпоху постмодернизма эта идея себя сильно проблематизировала, но на площадке социополитической она возникла сравнительно недавно, когда среди политиков новых генераций, сначала робко, а затем все более модно, утверждается идея ненасильственного развития, когда можно получить большее не путем насилия, не путем эгоизма верхушки, но так, чтобы всем было лучше. Тогда и верхушке станет лучше, причем в большей мере и более устойчиво, чем если бы проводилась идея лучшего только через эгоизм. Это говорит о взрослении политического сознания, которое, по-видимому, впервые начинает в западной истории прикасаться к элементам альтруизма после долгой эпохи гипертрофированного политического эгоизма.

От эгоизма сознание движется к более альтруистической установке через промежуточные стадии «рационального эгоизма» (вспомним Чернышевского), где последовательное прагматическое размышление обнаруживает, что благо всех более выгодно и моему собственному благу, так что если я хочу достичь особенно большого собственного блага, мне нужно способствовать и благу всех. В противном случае мое благо не сможет быть так максимизировано, если оно будет преследовать только себя, независимо от блага других. В эгоизме, иными словами, есть два вклада – один, идущий от чистого эгоизма, и другой – от альтруизма. Если пытаться максимизировать эгоизм, надо выйти за рамки чистого эгоизма, развивая и альтруизм, и через это получая второй вклад эгоизма и только так достигая того максимума, который вообще может быть выжат из эгоизма.

Вот так мудро устроено бытие. Во всяком начале есть те же два вклада, которые в философии обычно называются «самобытием» и «инобытием» начала. Полнота бытия получается их соединением, но вклад инобытия требует выхода за данное начало и обращение к иному. По-видимому, политическое сознание постмодерна вступило в эпоху *инобытия эгоизма*, будучи вынужденным так или иначе обращаться к элементам альтруистических стратегий мышления. Инновации и гуманитарная экспертиза, с нашей точки зрения, – симптомы этого более глубокого процесса.

Отсюда вытекает, что такой более зрелый политический разум должен заботиться о развитии своего государства и общества, пытаясь понять направления развития общества-истории и реализуя соответствующие инновационные проекты.

Итак, *инновационные проекты – это выражение политического разума, настроенного на глобальное видение политического процесса, на его развитие и совершенствование в рамках более обширного контекста развития общества и исторического процесса.* Одной из важных политических ценностей в этом случае оказывается развитие – такое усиление государства и политической власти, которое не замыкается в своем эгоизме, но открыто на альтруистические элементы видения себя в составе развивающихся более глобальных целых. Отсюда связь инноваций с тем, что можно называть направлением *динамического холизма* – течения, ориентированного на развитие (динамизм) и целостности («холодны») все более высоких порядков.

Поэтому инновации – вообще один из симптомов, хотя и важный, более глубокого процесса формирования новой политики. Ведь в самом деле управлять можно по-разному. Во-первых, сам политический лидер или элита может быть более или менее развита, во-вторых, она может пытаться руководить более или менее развитой общественностью. Отсюда получаем 4 основных варианта возможных политических систем: 1) неразвитая элита – неразвитая общественность, 2) развитая элита – неразвитая общественность, 3) неразвитая элита – развитая общественность, 4) развитая элита – развитая общественность. На каждом этапе свой тип управления. Допустим, развитая элита в неразвитой среде вынуждена прибегать к манипулированию, например, к разного рода видам рефлексивного управления. Наоборот, неразвитая элита в развитой общественной среде (вспомним случаи сталинских шарашек) будет особенно склонна к насилию, ощущая себя в чужеродно-превосходящей среде.

Исторический процесс в своей глобальной перспективе направлен, по-видимому, от неразвитости к развитости, проходя все возможные промежуточные стадии. Инновации – симптом такого движения, когда политическая элита подвигается к своей развитости вместе с повышением развитости общественной среды. В нашей стране пока во многом встречаются комбинации первых трех вариантов, но возникает и зародыш 4-й политической фазы.

Пропросту говоря, инновации – это симптом желания более мудрой политической элиты работать на будущее, способствовать развитию общества, и делать это достаточно альтруистично, проявляя уважение к иному.

Конечно, это идеал. Но в социогуманитарной сфере также важно выписывать свои идеалы, чтобы иметь возможность относительно них выверять фактическое положение дел. В этом слои должного в гуманитарной сфере сродни по строгости и нормативности математическому знанию. Как, например, писал замечательный русский философ, Владимир Соловьев, о задачах нравственной философии: *«Её задача по своей ясности и независимости от каких-нибудь внешних обстоятельств равна задачам чистой математики. При каких условиях отрезок треугольной призмы равен трём пирамидам? При каких условиях общественные отношения в данной сфере соответствуют требованиям нравственного начала и обеспечивают данному обществу прочное существование и постоянное совершенствование?»*².

В переходе к зрелой элите все большую роль приобретает осознанное управление процессами общественного развития. Иными словами, политический разум все более рационализируется и начинает испытывать потребность в адекватной социогуманитарной теории, которая смогла бы дать верную картину социальных процессов и строить достаточно обоснованные прогнозы будущего общественного развития. Отсюда растущая тенденция сращения политической и интеллектуальной элиты, сближение воли и разума в направлении к разумной воле и волевому разуму. Эта необходимость понималась со времен «Государства» Платона, но, как известно, сам Платон к старости разочаровался в ней, выразив в «Законах» более умеренную идею правления не мудрости, но законов. Это был верный отклик на неразвитую элиту в неразвитой среде, где требовались более ритуальные формы управления. Сегодня ситуация может измениться.

Экспертиза социальных проектов – это лишь современная терминология старой идеи разумного принятия политического решения, когда политическая воля, сильная своей силой, требует еще верного направления, в котором ей может помочь разум. Сообщая разуму силу и приобретая от него верное направление, воля совершенствуется и делается более эффективной. Так феномен экспертизы оказывается сегодня симптомом движения политической элиты к своей зрелости и понимания необходимости своего союза с интеллектуальной элитой, которой передается часть полномочий в итоговом принятии политического решения.

Проще говоря, экспертиза – это признак более осмысленной политической воли, в которой пропорция разума и иррационального импульса повышается в сторону первого. Современная политика начинает все более испытывать потребность в науке, которая должна выступать экспертом политических решений.

Наконец, остается момент *гуманитарности* в особом виде экспертизы, которая называется «гуманитарной экспертизой».

Этот феномен сигнализирует, как представляется, новый этап развития гуманитарных наук, когда они завершают свой первый период чисто описательного развития, первоначального сбора фактов, и приближаются к первым теоретическим модельным обобщениям в своих областях, открывают первые концептуальные единства в области гуманитарного знания. Свет разума находится на стадии своего восхода в гуманитарной сфере, и при его еще неярком свете, уже можно многое разглядеть глазами разума, а не простого восприятия. Возникает, иными словами, гуманитарный разум, который впервые может столь рационально и наукообразно присоединиться к оценке эффективности политической воли. Таков вызов, выражаясь языком Тойнби, гуманитарной экспертизы, на который должна дать свой ответ современная политическая воля.

Итак, собирая все вместе, мы можем заключить, что проблема гуманитарной экспертизы инновационных проектов – это *проблема новой стратегической системы принятия политических решений, в которой новый вид политической воли, ориентированный на принципы динамического холизма, идеалы развития и «рационального эгоизма», вступает в союз с новым видом гуманитарного разума, способного строить теоретические картины гуманитарного бытия и проводить научно обоснованный прогноз гуманитарного развития.*

Таков, повторяю, идеал, который, как и всякое должное, не отменяет своей нормативности, несмотря на практически повсеместное свое невыполнение в мире сущего.

К методологии гуманитарной оценки

На каких принципах должна была бы строиться гуманитарная экспертиза, какой могла бы быть ее аксио-методология?

Как бы мы ни проблематизировали разного рода критерии оптимальности и развития, в случае принятия решения мы в любом случае встаем перед выбором и отдачей предпочтения той или иной альтернативе. Особенную проблему представляют критерии возможной гуманитарной оптимальности в оценке разного рода проектов социо-политического развития. Решение подобной проблемы вряд ли может обойтись без учета истории философии, в которой давно обсуждаются в том числе критерии оптимальности.

С нашей точки зрения, своего рода аксиоматической основой возможного критерия оценки в гуманитарной сфере является

Аксиома превышающего включения. Из двух альтернатив предпочтительнее та, которая включает в себя другую альтернативу и восполняет ее чем-то новым.

Таким образом, если даны две альтернативы А и В, и $B = A + \Delta B$, где прибавка $\Delta B > 0$ (больше нуля), то, согласно аксиоме, из двух альтернатив должна быть выбрана альтернатива В.

За внешне простой формулировкой аксиомы скрывается, однако, богатый контекст, понимание и умение использовать который и составляет подлинное искусство экспертизы.

Возьмем в качестве примера возможные проблемы экспертной оценки новых технологий.

С одной стороны, мы ощущаем усиление технических возможностей с развитием всякой технологии. Мы можем связываться на расстоянии, иметь доступ к огромным массивам информации в любой момент времени, иметь качественную одежду, питание, разнообразную индустрию удовольствий и т.д. Но все это, если так можно выразиться, лежит в области «техне», т.е. такого принципа субъектного бытия, в котором выражается совершенство разного рода *средств* достижения тех или иных целей, не вполне затрагивающих самих целей – *телеологию* человеко-бытия.

В общем случае в составе субъектного бытия есть принцип цели и принцип средств. Последнее и есть во многом принцип «техне». Мы можем все лучше достигать целей – питание, познание, власть, комфорт и т.д. Но сами цели могут быть относительно независимыми от средств своего достижения.

Таким образом, в составе субъект-бытия можно выделять область «техне» (область средств-органов) и область «телоса» (целей).

Риски технологий особенно связаны с тем, что они вновь и вновь совершенствуют наше «техне», не очень затрагивая уровень развития «телоса». И если цели останутся достаточно низкими, но они получают мощные средства своей реализации, то это воспринимается как несомненная угроза, вызывающая дисбаланс субъект-бытия. Сила и могущество оправданы для высоких целей и становятся опасны, когда направлены на поддержание и усиление низких систем ценностей-целей.

Измерение «техне» достаточно нейтрально и может быть использовано в пользу разных целей. Аксиома превышающего включения подвигает нас и в этой сфере выбирать то, что более мощно и полно. Например, трактор выбирается перед лопатой, поскольку то, что можно вырыть лопатой, можно вырыть и трактором, но, кроме того, и еще много больше. Однако что мы будем рыть – котлован для дома или для братской могилы, где будут расстреляны невинные люди, это разные вещи.

Полнота определения средств невозможна без оценки тех целей, на которые эти средства направлены. Если сильные средства будут связаны с низкими целями, то в конечном итоге полнота субъект-бытия окажется уменьшенной и под видом выбора более сильных средств мы выберем более слабые цели, усилив их этими средствами. Таким образом, за видимостью большего здесь будет выбрано меньшее.

Попробуем несколько более формально представить этот случай непростой оптимизации.

Пусть $C1$ – некоторый первоначальный контекст рассмотрения выбора, и в этом контексте рассматриваются две альтернативы A и B . Тот факт, что эти альтернативы рассматриваются в контексте $C1$, обозначим через $A \downarrow C1$ – «альтернатива A в контексте $C1$ », и $B \downarrow C1$ – « B в контексте $C1$ ».

Допустим, в рамках контекста $C1$ альтернатива B оказывается более полной и должна быть выбрана, в согласии с аксиомой превышающего включения.

Это можно записать в виде:

$(B > A) \downarrow C1$ – « B предпочтительнее A в контексте $C1$ »,

что равносильно отношению $B \downarrow C1 > A \downarrow C1$ – «альтернатива $B \downarrow C1$ предпочтительнее $A \downarrow C1$ ».

Например, контекст $C1$ – это контекст оценки технологий, независимо от их возможности использования для достижения тех или иных целей. $C1$ можно называть «техне-контекстом».

Далее контекст $C1$ может быть расширен до некоторого более полного контекста $C2$, который включает в себя контекст $C1$ и дополняет его некоторыми новыми условиями рассмотрения проблемы. Например, $C2$ – это техно-телеологический контекст, когда технологии начинают рассматриваться и в связи с теми целями, на которые они могут быть направлены.

В рамках более полного контекста $C2$ может оказаться, что чисто технически выгодная альтернатива B содержит в себе повышенные риски усиления более низких целей, и в контексте $C2$ она оказывается менее предпочтительной. Таким образом, получим, что

$B \downarrow C2 < A \downarrow C2$ – «альтернатива $B \downarrow C2$ менее предпочтительна, чем $A \downarrow C2$ »,

или:

$(B < A) \downarrow C2$ – «альтернатива B менее предпочтительна, чем A , в контексте $C2$ ».

Главный вывод, который мы можем отсюда извлечь: *расширение контекста оценки может привести к инверсии оценки, особенно в связи с выходом за рамки только «техне-контекста».*

Но зачем расширять контекст?

Желание расширить контекст и чувство того, что более широкий контекст – более верный для принятия решения, очевидно, так же является одним из следствий Аксиомы превышающего включения. В более обширном контексте оцениваемая альтернатива оказывается более полной, более предпочтительной, чем та же альтернатива в более узком контексте.

Таким образом, $A \downarrow C1 \leq A \downarrow C2$, если $C1 < C2$, т.е. одна альтернатива A не беднее в более богатом контексте.

Число контекстов бесконечно, и возможно ли в этих условиях вообще принять решение?

В самой жизни мы решаем эту проблему выделением некоторых *существенных контекстов*, которые могут значительно изменить оценку альтернатив. Все прочие контексты окажутся незначительно меняющими оценку и могут быть отвлечены в процессе оценки и принятия решения.

Ограничение оценки только системой существенных контекстов также можно рассмотреть как следствие Аксиомы превышающего включения, хотя на первый взгляд эта ситуация кажется ее нарушением.

Увеличение числа контекстов – это процесс неоднозначный. Более полные контексты, с одной стороны, позволяют сделать более полным бытие альтернативы, как было отмечено выше. Но, с другой стороны, рассмотрение новых контекстов останавливает процесс жизни и прерывает активность субъекта. Пока привлекаются новые существенные контексты, первое превышает второе. Когда же начинают использоваться контексты несущественные, то выигрыши от полноты рассмотрения альтернатив начинают значительно отставать от проигрышей бытия самого выбора как превращенной жизни.

В итоге возникает более сложный критерий оптимальности самого выбора, который дает максимум на существенных контекстах и снижается при дальнейшем увеличении числа контекстов оценки. Подобный критерий оптимальности выражает меру бытия самого выбора, которая падает за пределами существенных контекстов, и, согласно аксиоме превышающего включения, мы должны отказаться от привлечения таких контекстов, хотя чисто формально они создают иллюзию рассмотрения все более полного бытия выбора-оценки. Иными словами, контекстное богатство представления альтернатив выбора – не единственный критерий полноты бытия выбора, и за пределами существенных контекстов этот критерий перестает вносить значительный вклад в полноту бытия выбора, которая, в силу иных критериев, начинает снижаться в области несущественных контекстов. Кстати, подобную логику можно перевернуть, используя ее для определения существенных контекстов: существенными можно называть такие контексты, за пределами которых обогащение альтернатив выбора перестает принципиально влиять на полноту выбора.

В любом случае в основе процедуры оценки лежит некоторая аксиологическая интуиция субъектов («неявные ценности», если проводить здесь аналогию с неявным «личностным знанием» Полани³), только опираясь на которую возможно адекватное рациональное представление процедуры оценки. Эта ситуация напоминает случай построения лица преступника с использованием

фоторобота. В бессознательном свидетеля есть образ такого лица. Но он дан настолько, что может быть лишь опознан, а не воспроизведен активно. Такое знание можно называть *знанием-опознанием*. Мы не можем сами воспроизвести некоторую деятельность, но можем ее опознать, если она будет воспроизведена извне.

Аксиоинтуиции в большинстве своем таковы, что мы не можем их активно воспроизвести, но всегда способны достаточно точно опознать при внешнем воспроизведении. С этой точки зрения в организации субъектного бытия все организовано достаточно жестко и точно. Я думаю, нас впереди еще ждет открытие того, насколько много строгости в том, что мы до сих пор считаем расплывчатым и неопределенным в нашей жизни. Мы здесь обычно путаем нечеткость нашего воспроизведения с четкостью нашего опознания. Воспроизвести-выговорить многое из наших субъектных онтологий очень сложно, и это обычно удается сделать довольно расплывчато. Но это совсем не значит, что само бытие плохо выразимого нами само по себе не оформлено. И доказательством тому выступает феномен знания-опознания, которое обычно достаточно строго организовано.

Приведу некоторые примеры, чтобы показать возможные случаи четкой организации неявной аксиологии, хотя и мне, как одному из субъектов, это будет сделать столь же трудно, что и в случае воспроизведения лица другого человека. Но встречаются ведь и художники среди свидетелей...

Есть, например, в нашей жизни целый мир (онтология) «чистого – грязного» со своими формами и законами. Например, пол для нас – это область грязи. Наоборот, верхние поверхности предметов – стола, дивана, стула... – это более чистые поверхности. Если предмет падает с поверхности стола на пол, он приобретает новое качество «грязного», даже если с физической точки зрения существенного изменения с таким предметом не происходит. Чтобы вернуть его в прежнее состояние «чистого», нужна специальная процедура «очищения» – его, например, нужно помыть, вытереть и вновь поместить на верхние поверхности. Особенный центр субъективной чистоты для субъекта – это его тело, особенно область лица, рук, рта... (хотя биологически рот и другие части тела могут быть более грязным местом, чем пол, – допустим, по скоплению бактерий). Самым грязным, соответственно, являются те же области тела, но другого человека, особенно человека незнакомого или врага. Повышенные

центры чистоты в квартире – кухня, лицевые поверхности тарелок, спальня, бельевая внутренность кроватей и т.д. Области повышенной «грязи» – туалет, прихожая, коридорный пол... Например, маленький ребенок совершенно не знаком с подобной онтологией «чистого – грязного», и он постоянно нарушает ее законы, что приводит в ужас разного рода озабоченных мам и пап, так что шлепками и криками они постепенно присваивают нужные «валентности» тем или иным вещам-предметам в онтологии «чистоты – грязи», и подобное знание становится для ребенка неявным знанием и аксиологией.

Причем, я хотел бы подчеркнуть, что для целых обществ могут быть свои достаточно точные константы этой онтологии, и у каждого человека они могут быть еще индивидуальными, но также достаточно строгими. Например, могут достаточно быстро и точно определяться упорядочивания «грязного – чистого» для разных поверхностей и предметов в том или ином контексте. Допустим, по степени чистоты можно дать пример такого ряда:

подошва тапочек < сиденье стула < поверхность письменного стола < поверхность обеденного стола < лицевая сторона чистой тарелки < свой рот

И когда маленький ребенок засовывает подошву тапочек в свой рот, это вызывает почти мистический ужас у мамы!

Попросить описать свою онтологию «чистоты-грязи» может вызвать значительные затруднения у многих людей, в то время как опознать ее структуры почти не вызовет ни малейшего труда у всех людей. И выявится достаточно четкая структура этой онтологии, как вполне определенным является лицо, восстанавливаемое на фотороботе.

Я сделал этот пассаж, чтобы проиллюстрировать идею «неявной аксиологии», которая может оказывать значительное влияние в процессе принятия решений, в том числе в области гуманитарной экспертизы, которая всегда предполагает свою онтологию «обобщенно чистого – грязного».

В том числе, в состав неявной аксиологии попадают и достаточно строгие критерии существенных контекстов.

Эксперты должны обладать нужной неявной аксиологией, относительно которой они способны оценивать те или иные рациональные экспликации оценок, структуру принятия решения, степень существенности контекстов и т.д. Подобная неявная ак-

сиология должна выступить своего рода эталоном, относительно которого будут совершаться постоянные поправки рациональных схем принятия решения. С другой стороны, неявная аксиология сама может испытывать влияние со стороны своих рационализаций, не только «затемняясь» ими, но и приобретая более структурно-рельефный вид.

В идеале экспертиза должна стремиться рационально эксплицировать неявную аксиологию, обладая тонким аксиологическим чувством и способностью неразрушительного рационального представления аксиоинтуиции. В любом случае должна, по-видимому, сохраняться некоторая открытость всех рациональных экспликаций неявной аксиологии, и подобные рациональные модели должны не замещать, но вступать в диалог с аксиологической интуицией, опять-таки представляя более полное субъектное состояние, которого следует придерживаться в согласии с той же аксиомой расширяющего включения. Если мы слишком жестко отождествим некоторую рациональную модель выбора с полнотой рации-интуитивного комплекса в этой области, то будет выбрано нечто меньшее-условное, что обнаружит большее число фальсификаторов-контрпримеров в процедурах принятия и проверки решений.

В итоге мы видим следующие аспекты возможной идеальной модели гуманитарной экспертизы:

– «аксиома превышающего включения» и следующие ее следствия:

- Контекстность оценки альтернатив;
- Возможность инверсии оценки с расширением контекстов;
- Стремление расширять контексты;
- Ограничение реального решения существенными контекстами;
- Опора на неявную, но строгую, аксиологию проблемы;
- Создание диалога неявной аксиологии и ее рациональных реконструкций.

Система Клио

Еще одна важная составляющая гуманитарной экспертизы – это, как представляется, владение стратегическим мировоззрением, только относительно которого могут приниматься достаточно адекватные и перспективно-удачные решения.

Что нас ждет в будущем? Каковы возможные сценарии человеческого развития и какие соответствующие влияния оказываются в этом случае стратегическими? Этих и подобных им вопросов не удастся избежать в стратегической системе принятия разумных гуманитарно-ориентированных решений.

Подлинная гуманитарная экспертиза должна опираться на некоторый глобальный проект человеческой истории, только из перспективы которого возможно принятие по-настоящему экспертных решений.

Подобно известной сегодня модели «Система Гея»⁴, в которой предполагается существование глобальной системы поддержания равновесия и целостности всей планетарной системы, я хотел бы предложить гипотезу своего рода «Системы Клио», по аналогии предполагающей существование единой динамически-организованной системы мировой истории, которая обладает своим гомеостазом и телеологией.

В рамках гипотезы «Системы Клио» ни один исторический субъект в лице наций, государств и даже человечества в целом не является полным субъектом истории. Таковым выступает только вся система горизонтальных (в рамках одного уровня) и вертикальных (по разным уровням) исторических субъектов, причем система, обладающая эмерджентными качествами, отсутствующими у каждого отдельного ее элемента, сколь бы глобальным он не был.

Кто субъект истории? Американский президент? Тайное мировое правительство? Мировой финансовый капитал?

Гипотеза «Системы Клио» предполагает, что среди людей и их институтов нет полного субъекта истории. Есть только постоянно существующая иллюзия, что кто-то является таким субъектом. Конечно, та или иная человеческая инстанция может в большей или меньшей мере приближаться к сонаправленности своей воли с интегральным вектором исторической динамики, но область исторической непрозрачности и неуправляемости есть для любой человекоразмерной силы, сколь бы она ни тешила себя обратным убеждением.

Можно предполагать, что «Система Клио» обладает как моментом гомеостаза, поддерживающего историческое равновесие на каждом историческом этапе, в течение которого можно говорить об определенной константности исторической эпохи, так и явной

направленностью исторической динамики, в которой выделяются крупные исторические гештальты-эпохи со своей целостной организацией. Планирование и достижение подобных крупных исторических целых не под силу ни одной человеческой силе. История идет поверх всех нас, хотя головы некоторых ближе к ее высоте...

Динамика «Системы Клио» разворачивается в древовидных универсумах исторических полисценариев, в рамках которых история имеет условное наклонение, время от времени подходя к крупной развилке будущих глобальных сценариев развития. В такие «узловые моменты» историческая динамика меняется, открываясь на возможные малые флуктуирующие воздействия, вплоть до влияний отдельных исторических личностей, затем на более-менее длительное время уходя по более каузально замкнутой ветви исторической эволюции до следующей «узловой точки».

В рамках понимания динамики «Системы Клио» важна, по-видимому, гипотеза «формативной причинности» Р.Шелдрейка⁵, согласно которой всякий вероятностный процесс образует свое морфогенетическое пространство, которое все более закрепляет выбранную ветвь древовидного универсума и оказывает все большее влияние на последующие выборы, выступая своего рода «наследственным грузом» прошлой эволюции. Подобное влияние описывается Шелдрейком как механизм так называемого «морфического резонанса», который в рамках «Системы Клио» мог бы приводить к повышению вероятности выбора тех новых узловых сценариев, которые резонируют с системой предшествующих выборов и актуализированной ветвью древовидного исторического пространства. Подобный механизм обладает и элементами прогностической значимости, которая должна учитываться в рамках стратегически ориентированной гуманитарной экспертизы.

По-видимому, в рамках «Системы Клио» формируются тойнбианские механизмы «вызова –ответа», когда Система не только формирует Вызов, но и обеспечивает ресурсы Ответа на него, в том числе в формах рождения и подготовки нужных исторических движений и деятелей, появляющихся в нужное историческое время, что не раз отмечалось историками.

На разных уровнях «Система Клио» могла бы иметь неоднородную организацию. Например, более стохастически-природную на уровне гумилевских этносов⁶, с промежуточными целостностями

относительно автономных культур-цивилизаций, которые внутренне движутся по законам уже медиальной исторической динамики, и, наконец, все более глобальными планами марксистско-подобных «формаций», парамодернистских стадий (имею в виду принятое сегодня деление на «до-модернизм», «модернизм» и «пост-модернизм») и итоговым планом «ноосферной» организации.

Принятие экспертных решений должно проявлять себя в рамках «глобальных карт» в том числе и «Системы Клио». Эксперты-гуманитарии должны понимать узловые точки уже прошедшей исторической динамики, держать в сознании наиболее вероятные гипотезы исторических инвариант и ближайших узловых событий, определяющих контекст принятия любых стратегических решений.

Например, в рамках мировой истории и исторической динамики России можно было бы выделить, по крайней мере, следующие узловые точки «Системы Клио».

Осевое время V–VII вв. до н.э. Особенно ярко эмерджентность «Системы Клио» проявляет себя здесь в практическом трансгеографическом синхронизме, в возникновении крупнейших фигур-основателей – Сократ, Будда, Конфуций, Лао-Цзы – восточной и западной цивилизаций.

Миссия Христа. В рамках судеб мировой истории это событие, жизнь и жертва Христа, создание крупнейшей мировой религии и задание базовых культурно-исторических констант западного мира, который сегодня во многом определяет и нарождающиеся константы глобализационного процесса, вряд ли может быть переоценено. Здесь мы имеем своего рода «архетип миссионерства», своего рода морфогенетический детерминант мессианства, который с этого времени проникает в любую миссионерскую деятельность, так или иначе воспроизводя в ней микромистиерию христианского архетипа.

Среди последующих узловых событий уже отечественной истории можно отметить, например, следующие «исторические бифуркации».

Крещение Руси.

Татаро-монгольское иго и формирование Московского государства.

Смутное время XVII века.

Реформы Петра Первого.

Отечественная Война 1812 г.

Реформы Александра Второго.

Русский марксизм и Октябрьская революция.

Приход к власти Сталина и создание советского тоталитаризма.

Великая Отечественная Война 1941–45 гг.

Холодная война.

Новая Россия.

Каждое из этих узловых событий вновь представляет собой выбор в рамках некоторого спектра альтернатив, которые условно можно обозначить как 1 («крайне хорошо») и 0 («крайне плохо»). Конечно, все реальные исторические выборы лежат в интервале между 1 и 0, но могут отклоняться в ту или иную сторону от середины спектра 0.5. Например, освободительные реформы Александра Второго явно отклоняются в сторону 1 от 0.5, реализуя давно назревшую потребность преодоления крепостного рабства российских крестьян, движения государственной системы в сторону республиканства и демократии. С другой стороны, создание сталинского тоталитарного режима – это явный выбор в сторону приближения к полюсу нуля, который привел к столь тяжелой исторической наследственности всей последующей судьбы России, что оказались резко затруднены последующие силы более прогрессивного исторического выбора в более поздних узловых событиях нашей страны, в том числе и в нашей современности.

Возможно, мы этого не осознаем, но на каждый наш шаг и состояние сегодня оказывает свое могучее влияние вся эта цепь узловых выборов, как в рамках мировой истории, так и в нашей национальной исторической судьбе.

Прослеживая цепь пройденных шагов «Системы Клио», можно предполагать важнейшие будущие узловые выборы.

Мне представляется, что для нашей страны такой важнейшей исторической развилкой является альтернативное пространство Возрождения или распада Новой России.

Удастся ли России возродиться как сильному государству и прогрессивному обществу, сохранить преемственность своей вековой истории и этнической основы? Или на месте России возникнет некоторая новая общность (семейство общностей), которое заново начнет свое существование и будет представлять собой нечто иное, нежели «великий многонациональный русский народ» и его

самобытная культура? Выбор в сторону той или иной альтернативы формируется уже сегодня, и современные задачи гуманитарной экспертизы должны отдавать себе полный отчет в своем нахождении внутри пространства этого узлового выбора.

Затем, по-видимому, все человечество станет перед чрезвычайно важным историческим выбором, связанным с угрозой такого планетарного строя, который условно можно обозначить как «ультратоталитаризм». В рамках «Системы Клио» так или иначе будет определен вариант глобального мироустройства человечества, который может располагаться в спектре от проектов «многполярного мира» до угрозы «монополярной модели», в рамках которой велика опасность возникновения нового тоталитаризма, который по своим масштабам и ресурсам может далеко перекрыть все известные до сих пор тоталитарные режимы. Такой будущий тоталитаризм, вооруженный объединением сил всех наций Земли, сверхтехнологиями будущей науки, воистину достоин названия «ультратоталитаризма». Удастся ли будущему человечеству избежать этой участи – это, по-видимому, составит основу более отдаленной узловой точки мировой истории:

преодоление или возникновение ультратоталитаризма.

В таком пространстве исторической судьбы должна определять себя сегодня гуманитарная экспертиза, принимая во внимание не просто некоторую аксиологическую калькуляцию сиюминутных выгод и потерь, но и осознавая себя как одну из малых волей единой «Системы Клио».

Примечания

- ¹ См.: *Ашмарин И., Юдин Б.* Основы гуманитарной экспертизы // *Человек.* 1997. № 3.
- ² *Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. 2-е изд. Т. 1. М., 1990. С. 425–426.
- ³ *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. Благовещенск, 1998.
- ⁴ *Lovelock J.E.* Gaia: A new look at life on Earth. Oxford, 1979.
- ⁵ *Шелдрейк Р.* Новая наука о жизни / Пер. с англ. Е.М.Егоровой. М., 2005.
- ⁶ *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 2001.

ПРОБЛЕМЫ ВИРТУАЛИСТИКИ

Я.В. Чеснов

Женщина и мужчина: трансдукции тела как виртуальные факторы культурогенеза

1. Начало истории и междисциплинарный подход в гендерной проблеме

Гендерные исследования в ряде российских гуманитарных наук все еще можно отнести к разряду маргинальных. Создание методологического аппарата гендерных исследований за последние полвека было обязано усилиям социологов и политологов. Немаловажна была роль философии, но эта роль относилась скорее к общему умонастроению времени. При всем этом гендерная тематика в социологии, политологии, философии и литературоведении постоянно подпитывается и коррелируется антропологическими исследованиями как таковыми, где гендерная тематика относится к числу давних и основных проблем данной науки. В антропологии проблема *повседневности* (у нас именуемой также *традиционно-бытовой культурой*) издавна находится в центре внимания. Вокруг этой темы концентрируется целый ряд гендерных тематик: половозрастная стратификация, мужские и женские союзы, стереотипы полоролевых отношений, мужская и женская субкультуры, символические выражения фемининности и маскулинности, брачные правила и т.д. Причем эта тематика присутствует в исследованиях мифологического структурирования мира, социальной жизни, политических систем, религиозных верований, а даже в изучении языков.

Более того, начиная с 1950-х гг. гуманитарные исследования находятся под сильнейшим воздействием трудов выдающихся антропологов А.Рэдклифф-Брауна, Б.К.Малиновского, К.Леви-Строса, К.Гирца, Э.Лича и др., что позволяет некоторым исследователям говорить об антропологическом повороте, в том числе и в

философской и исторической науке. Влиятельная во Франции и в мире школа «Анналов» развилась, в сущности, на антропологической тематике, связанной с изучением повседневности и ментальности, в силу чего это направление получило название «историческая антропология». Успехи гендерных исследований во Франции не в последнюю роль обязаны *истории ментальностей*. Со всей остротой проблему соотношения диахронии и синхронии поставило семиотическое направление, представленное у нас Московско-Тартуской школой.

Все это говорит о том, что антропологическая тематика не только изначальна, но методологически лежит в центре междисциплинарного подхода. Несмотря на очевидность такого выгодного положения, разработка отдельных сторон гендерной проблемы оставляет впечатление толкотни и сумятицы. Причина в слабой объединительной силе феминизма, претендующего на эту роль, но неспособного произвести что-либо похожее на генеральное направление.

Есть два пути пробиваться к познанию истоков культурогенеза. Во-первых, это постепенное сматывание с клубка проблем *антропологических конфигураций*, исторически наслоившихся. Это позитивный способ только по видимости не зависит от собственной идеологии исследователя. Во-вторых, можно устремиться к самому центру клубка и *реконструировать изначальные состояния*. Конечно, оба пути будут представлены в данной работе, но предпочтение все же будет отдано *методу реконструкции*, чего требует сама установка на культурогенез.

Реконструктивную функцию может выполнить философско-антропологическое обоснование гендерной тематики. Ему по силам затронуть *универсалии культуры*¹, к числу важнейших из которых мы относим формулировку проблемы *начала истории*. Точнее ее надо определить в качестве *культурогенеза*. В современном философско-историческом мышлении наиболее обоснована концепция К.Леви-Строса, который моментом рождения культуры считает *запрет инцеста* между кровными родственниками, что положило начало обмену женщинами между общинами.² Начало истории, таким образом, и порождение культуры совпадают с тем, что в литературе стало называться «поражением» женщин. Но является ли такая трактовка обмена женщинами их поражением?

Может быть, дело гораздо глубже, если учесть, что не было никакого матриархата, победителей и побежденных? Элементарное знакомство с темой заставляет посмотреть на нее *биоэтически*.

С самого первого взгляда ясно, что приход женщин в общину издали сопровождается появлением новой информации, новых благ, нового социального опыта, а в конечном счете, их приход создает как раз то, что является культурогенезом и даже зачатком всемирной истории. Кроме того, ни о каком поражении женщин нельзя говорить после того, как окончательно стало ясно отсутствие *матриархата* как общественной стадии. Но можно говорить о матриликальном поселении супругов, материнском счете родства и т.п. Из запрета на инцест с определенностью следует лишь ментальное разделение обществ, дающих женщин, и обществ, их принимающих, и наоборот. В итоге мы видим картину явного разделения всего общества на мужскую и женскую половины с особыми виртуально-бытийными статусами, которые находятся в отношениях дополнительности³. Нам нужно проследить культурогенные последствия разделения на такие статусы.

В связи со всем этим одно небольшое, но важное замечание. Начало истории, облаченное в мифологические рассказы, ставит проблему *истории как нарратива*, проблему порядка истории и порядка повествования. В современной историографии тема нарратива одна из основных в разряде методологических. Таким мифологическим нарративом можно назвать старинный тезис о женской зависимости и приниженности в архаических обществах. Хотелось бы обратить внимание читателей на противоречия между постоянными констатациями неуниженного положения женщин в архаических обществах и явно зависимого в крестьянской среде современных в типологическом смысле обществ. Должно быть, оба утверждения отражают эмпирические ситуации, ибо они соответствуют размытой, «номадической» субъективности женского гендера, который выявлен философским анализом (на чем особенно настаивал М.Фуко⁴).

Из этого проистекает то, что современный философско-антропологический взгляд на гендерные вопросы никак не может миновать конкретного материала, в котором мы обнаруживаем подчас неожиданные вещи, не укладывающиеся в рамки старых учебников. После давления матриархальной и формационной тео-

рии всё приходится начинать сначала и обращаться к особенностям мышления и выражения человеческих институтов на специфическом языке локальных культур.

Потребительское отношение к женщине – всего лишь другая сторона такого же отношения к природе. Осознать это для нашего времени особенно важно. От отношения к женщине зависит судьба всего человечества и земли. При этом нужно понять проблему не просто как природность женщины, о чем говорили моралисты тысячи лет. Через *природосообразность* и *природосущность*⁵ женщина несет в общество *биоэтику* с ее личностным характером. Хотя этот полюс обозначен у нас как полюс Земли, это вовсе не означает ментальную и ритуальную изолированность женщины от космических сил. Но при этом надо обратить внимание на то, что социологическое начало, исток и мера социальному и культурному процессу заданы людям началом *сверхличностным* (ноосферным или подобного сверхмощного ранга), что здесь обозначено полюсом *Космоса*. В некоторых популярных работах такой уровень называют *сакральным*⁶, хотя вернее всего именовать его именно *ноосферным*, который в ранние эпохи бывает представлен *биомифом*. Многие социальные беды прошлого и современности проистекают от разрыва этих уровней, что ведет к искажению природосущностного положения женщины. Вместе с тем односторонность науки, ориентированной только на социальные отношения, скрывает истинные культурогенные отношения полов.

В данной работе поставлена задача объективно представить довольно большой научно-антропологический материал как конфликт агональных противоречивых мысле-образов, каждый из которых ориентирован либо на полюс Земли, либо на полюс Космоса. Тогда моменты культурогенеза можно рассмотреть в качестве результата столкновения таких противоречий, не только социальных, но социальных с одной стороны и природосущностных с другой. При таком подходе возрастает *культурогенное значение биоэтических обстоятельств*, связанных не только с человеческой телесностью, но и с телесностью всего мира. *Биоэтика – основной фактор, который через механизм трансдуктивных цепочек переходов и инверсий частного в частное обнаруживает универсальность культурно-исторического процесса.*

2. О теле и трансдуктивной логике культурогенеза

Леонардо да Винчи считал, что женское тело является поддержкой мужского, а мужское поддерживает макрокосм. Это мнение он иллюстрировал архитектурными восприятиями: арочный вход и окно-розетку он уподоблял строению женского тела⁷. Но слова Леонардо справедливы и в гораздо более широких, философско-антропологических смыслах. Все это только увеличивает наше удивление перед глубиной знания Леонардо, относящееся, казалось бы, к совершенно специфическому вопросу.

А ведь именно так: женское тело, передавая мужчине твердь земли, порождает его функциональное половое тело. В тех этнографических концептах (логических образах), которые мы привлечем в доказательство названного тезиса, будет явно проступать трансдуктивная логика, идущая от одного частного к другому.

Вынашивая плод, женщина становится «тяжелой». Тяжесть – это обозначение беременности в самых разных языках мира, которое недвусмысленно указывает на причастность женщины к силам земли. Со времен Аристотеля в Европе даже в ученых кругах зачатие осмыслялось как отверждение находящегося в женском организме молока под воздействием попавшей в него отцовской спермы. Эта теория восходит к более древним представлениям ближневосточных и средиземноморских сыроделов, имевших опыт створаживания овечьего и козьего молока.

И по сию пору родившийся ребенок считается «мягким». Для «отвердения» его купают в соленой воде. Очень долго верили в то, что роды на земле должны сообщать твердость ребенку. Ученнейший из византийских императоров Константин Порфирогенет (годы правления 908–959 гг.) был, якобы, рожден на красном полу из порфира. В крестьянском быту многих народов еще недавно роды происходили в холодном помещении на полу.

Дальнейшее созревание плоти ребенка воспринимается как ее «отвердение». Так, у многих северокавказских народов считают, что если ребенок смог произнести слово «камень», то это должно свидетельствовать, что родничок на его голове уже зарос.

«Сыродельная эмбриология» покоится на еще более древнем фундаменте – на ментальности камня. Устройство твердого ложа способствует зачатию ребенка. Бушменка в африканской пустыне

Калахари, готова в пути временный ночлег для себя и мужа, подметает площадку. В культуре народов Кавказа подметание участка перед воротами девушкой означает, что она находится в брачном состоянии – т.е. она ожидает мужского партнера. Возделанный палисадник с цветами у украинской девушки означает, в сущности, тоже самое – в этом обычае актуализована земля и ограда.

Везде женщина через сопричастность с землей должна передать генеративному органу мужского тела «твердость» и «каменность». Эти представления возникли с орудийной деятельностью человека, когда весь предметный мир ассоциировался с камнем. Женщина с ее природными циклами уже тогда превратилась в носителя порождающей «каменности», ее беременность стала обозначаться «тяжестью» и т.п.

Вот на что нам тут нужно обратить внимание. «Каменность» женского тела происходит от этого же свойства земли, т.е. метонимически берется из природы. Но «каменность» у мужчины связана с его половой функцией партнера в отношении женщины, ей обязано и поэтому вторично: женщина принуждает мужчину быть твердым.

Можно сказать, что «твердость» и «каменность» мужчины метафорична и описывается многими синонимами. Соответственно, она более прочно впрессована в нашу ментальность, чем метонимическая связь женщины с твердью земли. Если в народнопоэтических воззрениях женщина рассматривается безотносительно к мужчине, скажем как Великая безмужняя мать, то сразу появляется ее ассоциация с Матерью-сырой-землей.

Выходит, что тело женщины выполняет роль медиатора между природой (твердью земли) и функционально-генеративным телом мужчины. Зато функция мужчины-генитора выступает не как свойство самой природы, а как социально и *биоэтически диктуемая роль* быть генитором и отцом-воспитателем. В обрисованной картине женщина-медиатор и мужчина-генитор образуют логическую трансдуктивную цепь, где одна частная функция перетекает в другую. В этой исходной экспозиции женщина – посредник с силами природы, а мужчина представляет собой самостоятельный по отношению к природе полюс.

Мужчина, конечно, тоже сопричастен силам природы. Однако ритуальная адресность такой сопричастности в его случае направлена не в хтонические глубины земли, а вверх, к Абсолюту.

Это и подчеркивает Авраам, отец первенца, приносимого в жертву, обращенными к Богу словами «Увидь меня!»⁸. Тут речь идет об исполнении мысли, высказанной много позже Леонардо, что тело мужчины поддерживает макрокосмос. Легендарный Прометей тоже стремится, чтобы другие увидели его страдания и рану. В названных примерах мужские тела Авраама и Прометея⁹ не путем наслаждения, а страдания вносят в мир публичность – основу социальности и тем самым культурогенеза.

Тела названных страдальцев и демиургов культуры, как и тела тех, кто последует за ними, не метонимичны и не метафоричны. В своих страданиях они не функциональны, но монадически равны сами себе. Будучи *монадами*, тела страдальцев не могут прибавлять какие-либо новые качества. Не могут редуцироваться к каменности, растительности или животности. Но они проявляют себя только через страдание ради людей, неся в мир смысловые начала вместе с «сочувствованным пониманием» (слова М.М.Бахтина). Это тот самый «слезный аспект мира», который видел М.М.Бахтин под покровом поверхностной смеховой культуры¹⁰. Глубокие народные интуиции, выраженные, например, в русском духовном стихе «Плаче Адама» так характеризуют культурогенный потенциал неземного происхождения: «Оставим мы гордость, восприемлем кротость, возлюбим мы нищих, убогую братию, накормим мы алчущих, напоим жаждающих, оденем мы нагих своим одеянием»¹¹.

3. Культурологическое тело женщины

В терминах самодостаточной женской физиологии подчеркивается ее независимость от связи с партнером-мужчиной. «Менструации» возлагают ответственность за случившееся на удаленную луну. Народное русское обозначение «пришли гости» тоже помещает женщину в некую условную виртуальную среду, в неясное космическое размещение.

Решение вопроса состоит в том парадоксальном положении, что сама женщина свое тело, тоже трансдуктивно, тоже частным образом через специальный обряд получает от мужчины. Только ее культурологическое тело «растительное». В архаических свадебных ритуалах женщин осыпают корой, травой, зерном. Это в рыночные эпохи возник обычай невесту осыпать деньгами. Обя-

зательное дарение женихом невесте одежд – трансформация этих древних обычаев. Такое облачение женщины культурой продолжается в жилище, во всем окружении ее предметами быта. Окружая женщину культурой, мужчина восполняет свою собственную недостачу, слабую вписанность в природные процессы.

Тело женщины берется из космоса и укрывается оболочкой культуры. Поэтому замужняя женщина должна была обязательно носить головной платок. В русском быту, если она была без него, то ей делали замечание: «Не свети волосом!». В народнопоэтическом языке женщина наполнена светоносной субстанцией. Ее нагота находится под особым запретом.

Свойства женского тела не сводятся к функциям, как у мужского, а выступают в качестве экзистенциальных предикатов. Месяц, давший название периодическим кровотечениям женщины, обладатель твердости. В силу этого к нему обращаются в заговоре от зубной боли. Кстати, это из-за своей твердости именно он (Мужчина-Луна) у папуасов вызывает первые кровотечения у девушек. Та же «каменность» может быть трансдукцией грехопадения, как это случилось в Ветхом Завете с дочерьми Лота.

Каменный, растительный и животный предикаты у женщины проявляются спонтанно, от случая к случаю. В поэзии это метафорические символы, а в жизнедеятельность женщины предикаты выражают метонимическое мерцание ее поведения и духовности. Женское мироощущение строится не из символов, дублирующих реальность, а из самой реальности, культурно преобразованной в эмблему. Эмблемы всегда конкретны и интенциональны.

Поэтому женщина не только знак и ценность, как утверждал К.Леви-Строс. Она эмблема, указывающая на конкретное направление, характер и сиюминутную потребность всеобщей культурологической деятельности. Будучи объектом этой деятельности, она как личность может упреждать социальные побудительные причины, первоначально возникшие в сфере мужской недостачи. Она готова, следуя природному завету, как горшечница, лепить из глины сосуд, превращая мягкую субстанцию в твердую через обжигание. И она действительно была изобретательницей гончарного искусства¹².

Это искусство связано с огнем. Знак огня навечно станет симптомом любовной страсти и знаком родильной деятельности. Реальный огонь с самых ранних времен окажется в ее руках. Она

будет его хранителем вплоть до того утра, когда в русской избе, встав раньше всех, она будет раздувать искру, укрытую пеплом на загнетке. Сотни тысяч лет огонь был медиатором между миром природы и миром культуры, и эта посредническая роль будет воспринята женщиной. Поэтому в строительном обряде русских и других народов первой в дом входила хозяйка – ведь дом прежде всего укрытие для ее огня.

4. Культуругенез через эротические игры

Обратимся с детства нам знакомой древнегреческой мифологии. Чем там в основном заняты бессмертные обитатели Олимпа? Конечно, любовными делами и сопутствующими заботами. Получается, что у людей эротика всего лишь краткий миг в их жизни, у богов же она стала как бы их важнейшим деянием. Зевс просто поглощен своими интимными приключениями и тем, как их скрыть от законной супруги Геры. Его примеру следуют все другие небожители.

Что это? Трудно осуществимая мечта человечества, порожденная его скрытыми либидозными побуждениями? И тогда прав Зигмунд Фрейд, который увидел в половом чувстве начало всех начал? Чтобы ответить на этот вопрос, попробуем обратиться к народной эротике.

Странные обычаи стали известны науке, когда она изучила жизнь архаичных, так называемых «диких» народов. Коллективные половые сношения. Вера в *непорочное зачатие* (от дерева, от ветра, от воды, от животного). Имитация родов мужчиной (*кувада*) и т.п. Потом наука как бы нехотя стала признавать, что такие обычаи существуют у «развитых» народов. Даже вполне просвещенных. Подобные обычаи, скажем, у европейцев стали считаться *пережитками* первобытного прошлого, а ученые построили, разные впрочем, теории брачной жизни, где ее смыслом сделали ячейку семьи. Все, что не способствовало крепости семьи (тем самым и государства), сочли исходящим от лукавого. В таких ученых конструкциях социальные институты сделали первичными, а природно-биологические, *биоэтические* отношения вторичными. Народная же эротика нам убедительно показывает, как на деле из природных фрагментов возникают человеческие связи, нравственность и поэтика половых отношений.

Самое раннее прошлое человечества названо *палеолитом* – эпохой «древнего камня». Судя по наскальным изображениям, по скульптурным фигуркам женщин человек того времени идеал женщины видел в грузной, не один, очевидно, раз рожавшей, матроне. Таким фигурам даны большие груди и полный живот. Последняя черта заставляет вспомнить одну северокавказскую (адыгскую) поговорку: «Полный живот у женщины – ограда ее материнства». Скульптурки таких палеолитических матрон находят спрятанными около очагов. Биоэтический идеал женщины-хранительницы огня и прародительницы жизни – налицо.

Но кто ее супруг? В смысловой связи с подобными изображениями в палеолите мы находим зверя-самца, чаще всего быка. Нет, это не *тотем*, который бывает приписан к определенной родовой группе при совсем другом тотеме у соседей. Это общая черта человеческого мировосприятия – сексуальным партнером женщины мыслится зверь-самец.

Есть ли нечто подобное в этнографических обычаях? А как же! Женщина в архаических охотничьих культурах выступает ритуальным партнером животного. В.Г.Богораз-Тан, 10 лет отбывавший ссылку на Чукотке, отметил, что у эскимосских и чукотских охотников на морского зверя во время, когда все мужчины заняты на промысле, оставшиеся дома женщины исполняют эротические танцы с целью привлечь морских зверей¹³. Женщина здесь Хозяйка зверей благодаря своей сексуальности. Она остается в этой роли и в тех сибирских, североамериканских, кавказских или папуасских охотничьих верованиях, где ее сексуальным избранником становится охотник.

Остановимся и задумаемся над смыслом *мысле-образа* партнера-зверя. Непристойность? Вовсе нет, ибо сексуальность здесь вынесена в природу, ею наделен зверь, *материнство же оставлено человеческому обществу, женщине*. С древнейшего палеолитического времени человек стал жить во внешней оболочке сексуальности, в некой *сексосфере*. Космос наполнился сексом. Уже у австралийских аборигенов, самых “отсталых”, Млечный путь – это мужчины, погибшие в схватке из-за женщин. У них же утренняя звезда Венера – женщина. По представлениям китайцев, ранним утром наступает расцвет женского принципа. Предутренние часы – время, благоприятное зачатию у всех народов. У че-

чеченцев человек, зачатый в это время, никогда не станет вором, он будет умственно полноценен и с твердой волей. Весь космос, вообще любая вещь, в конце концов, проявляют свое либо мужское, либо женское начало. Это правило эротики представлено в любой этнической культуре. Если эротика космична, то и партнер женщины должен быть наделен космическими чертами.

Мы коснулись уже утреннего времени половой близости. Происходить же она должна по самым архаическим представлениям вне жилища. У австралийских аборигенов романтические истории случаются в кустах, у жителей океанийских островов на берегу моря. У многих африканцев лес или поле – самое подходящее место для акта любви. В доме это допустимо, если только там не горит огонь. В быту европейских народов сараи, сеновалы, наши холодные клетки – излюбленные альковы любви. На Кавказе (в Грузии) молодоженов посылают «остывать» в прохладное помещение, где готовят сыр. У хевсуров вообще муж и жена спят в разных помещениях, он на сеновале, куда он иногда просит жену принести попить воды. Одна старушка в Подмоскovie мне говорила, что у них с мужем долго не было детей. Она объяснила это тем, что в избе жила большая семья. Женские же и мужские работы проходили в разных местах. Вот только в поле или на сенокосе они с мужем могли сойтись.

Женщина, вступающая в связь с мужчиной в поле, находится в роли Хозяйки зверей. А мужчина – в роли зверя-самца. В фольклоре сексуальной силой наделен мужчина, занятый не главными общественными функциями, «маргинальная» личность: охотник или пастух. У чеченцев в старину пастух, когда прогонял вечером стадо по селу, мог крикнуть: «Кому нужен большой пенис, пусть та идет в такое-то место с *чепылгашем* (национальная еда)». Воины – это тоже маргинальные личности. Они ведут жизнь в полях и лесах. Их идеалы героин-драконоборцы, они же люди огромной половой потенции: Геракл и святой Георгий, святой Али у мусульман. У последнего, по кавказским преданиям, если он три дня не имел женщину, от спермы лопалась кожа.

Одна из важнейших черт народной эротики связана с верой в опасность полового акта для мужчины. Масса предосторожностей и до сих пор бывает направлена на то, чтобы у жениха с невестой благополучно прошла первая брачная ночь. Боязнь колдовских

вредоносных чар устойчивая черта свадебных обрядов. Почему? Да потому, что один из центральных моментов социальной жизни накладывается на изначальный природно-биологический факт, где женщина, хранительница очага, должна сойтись со зверем-самцом. А эту роль выполняет всего лишь человек.

От эпохи зверя-самца в наше время дошел обычай называть мужской орган именем какого-либо зверя. Ханты и манси, например, называют пенис «горностаем». В других, особенно очень древних культурах, пенис называют змеей. У австралийцев пенис их предка отделился и, подкравшись к женщине, совершил с ней акт. Такая сноровка не редкость: у американских индейцев койот заимствует у крапивника необычайно длинный пенис и копулирует с Хозяйкой рыбы. Да и Приап, эротическое божество древних греков, умел отделять свой большой член. Правда, Гораций в своих сатирах пишет, что этот орган использовали как пугало.

Как бы то ни было, отделяемый пенис получил эту свою способность от древнего зверя-самца, приближавшегося к женщине. Поэтому пенис называют еще «ногой» («хромать на третью ногу»), «пушечным ядром» (у англичан) и т.д. Эротическая терминология в народной культуре часто обращается к образу *отделяемого члена*. Сам половой акт иносказательно (например, в этикетной речи женщин на Кавказе) передается глаголом «подошел», «приблизился» и подобными.

Говорят, что талантливые исполнительницы стриптиза обращаются со своим телом на сцене как с отделившимся мужским органом. Следовательно, женщина со своим собственным телом психологически может быть *самодостаточна*. Не в этом ли беда многих современных ситуаций?

Во всяком случае, положение мужчины всегда было трудным. Исходно он должен заменить собой зверя-самца (или божество). Вот так-то. Или ему грозит положение, когда он должен стать, пусть отделяемым, но органом женщины.

В народной эротике архетипы мужчины как зверя-самца и отделяемого органа выражают отстранение сексуальности в природу, в космос. И туда, в пространство, уходит мужчина, первобытный охотник, затем добытатель пищи другими средствами. Он как бы «космологизируется». Но в своем одиночестве в свою очередь

он «космологизирует» женщину. Она становится звездой, светом, лианой, пальмой или березкой. Рождается поэзия, пронизывающая всю народную эротику. Но это другой разговор.

5. Женщина и происхождение души

У историков палеолита много предположений вызывает одна из фресок в Ляско на юге Франции. Основу композиции там составляют три образа: огромный бизон с наклоненной головой и опущенными рогами, падающая перед ним человеческая фигура и рядом с этой фигурой шест с сидящей на нем птицей. Человеческой фигуре дана птичья голова. Руки у человека четырехпалые, пальцы на ногах не показаны. Это явный мужчина, так как изображен пенис и отсутствуют груди. Последовательность фигур, если брать за первую бизона, такая: бизон, мужчина, птица.

Недоумения историков по поводу всей композиции хорошо выразили А.Бройль и Р.Лантье, написавшие, что «только автор знал, что это все обозначает»¹⁴. А.Д.Столяр отметил, что птица в данной сцене занимает по отношению к бизону то же место, что в аналогичных ситуациях так называемые *клавиформы*¹⁵. Это вертикальные линии с утолщениями с одной стороны. Обычно их несколько в ряду и они составляют группы. А.Д.Столяр трактует их как знаковые изображения женщин с показанной грудью или «чревом». Клавиформы (женщины) и птица выступают во взаимозаменяющей друг друга роли¹⁶.

Композиция на «Потолке иероглифов» в Пеш-Мерле рассмотрена А.Д.Столяром в том же плане. Там представлена падающая мужская фигура без головы и обращенные к фигуре три женщины, из которых у одной изображено крыло вместо руки. Другие материалы, приводимые Столяром для доказательства идентичности образов женщины и птицы или их слияния в одном образе: заостренные головы двух женских фигур из Лосселя, птичьи знаки на голове фигуры женщины из Пшедмости, «крылатое» существо в Альтамире, птицеобразные признаки скульптур из Лорты и Пекарны¹⁷. Этой же группе антропоморфно-орнитоморфных образов находятся крылатые и хвостатые изображения птиц из Мезинской стоянки на Украине, которые несут к тому же знаки «чрева».

То, что перед нами образы «женщин-птиц», не может вызывать возражений. Наше сомнение относится к попытке увидеть в этих изображениях «примитивные представления о душах».

С точки зрения этнологического материала, который будет приведен ниже, предположение археологов о единстве образов женщины и птицы делается более доказательным. Но остаются вопросы: почему женщина выступает в облике птицы? В самом ли деле палеолитический художник, рисуя птицу, изображал то, что мы привыкли понимать под словом душа? Какого рода тогда отношения «женщины-птицы» к мужчине? Почему в палеолитическом искусстве изображение женщины часто находится рядом с изображением быка?

Анимистическая трактовка палеолитических материалов исходит из представлений современного человека, хорошо усвоившего догматы монотеистической религии и разделении души и тела. Однако для языческих верований более характерны воззрения о множестве душ человека, как покидающих тело, так и телесных, остающихся с телом навсегда. И чем архаичнее культура, тем меньше этнографы находят доказательств веры в душу, покидающую тело человека. Такой веры нет, например, у австралийских аборигенов. А там, где она появляется, скажем, у меланезийцев, это обычно представление о зверьке, выходящем во время сна изо рта человека и возвращается при пробуждении. Такая душа все еще материальна. Концепция «звериной» души проходит через много исторических этапов. Ее следы отражены в фольклоре народов Европы. Подобные факты не раз записывались мною в этнографических экспедициях на Кавказе в 1980-х и 1990-х гг. Как сюжет одного из рассказов о галлюцинациях голодного человека, идея «звериной души» содержится в одном из рассказов А.Платонова.

Понятие о душе как птице свойственно развитым религиозным учениям. В этой ипостаси выступает библейский Святой Дух. Учения о душе-птице были развиты в Древней Индии, в Древнем Египте. В Древней Греции оно вполне логично звучало в устах Платона. В этнографических культурах птица представляет собой уже не столько душу, сколько принцип человеческой жизнедеятельности, например детский зародыш. Так, у нанайцев и ульчей душа маленького ребенка представляется в виде птицы¹⁸. Уже со-

всем иные функции несет птица в космогониях некоторых народов: у океанийцев птица ныряет на дно моря и приносит в клюве землю. Тот же сюжет есть в других мифологиях.

В верованиях древних и современных народов есть и тот аспект представлений о птице, который нам особенно интересен в связи с загадками палеолитических изображений. Имеется в виду особая ассоциация птицы, которую отметила Е.Ламин-Эмперер, говоря о том, что палеолитический охотник, изображенный в сопричастности с птицей, всегда находится в тяжелом, критическом состоянии¹⁹. О такой символической птице, означающей неполноценное состояние, имеются красноречивые этнографические данные. В русском свадебном обряде есть момент, когда невеста должна близко подставить к печи свои бока, чтобы от жара улетели, как птица, ее девичьи качества, и она перешла в следующий социально-половой статус²⁰. У чеченцев с журавлями ассоциировались представления о какой-то предстоящей потере²¹. Кстати, в Древней Греции журавль на элевсинских мистериях был символом старости, времени, потерь²². В ближневосточной архаической традиции знаком птицы изображалось слово «судьба» (шумеры – 3 тыс. до н.э.). И.М.Дьяконов замечает по этому поводу: «За этим стоит непонятный нам троп»²³. В цитируемой работе этого автора приводится строфа из аккадского эпоса: «...Он ко мне прикоснулся, превратил меня в птаху, крылья, как птичьи, надел мне на плечи»²⁴. Эти слова произносит человек, лишившийся жизни, мертвец.

Итак, птица – это символ удаления, лишения чего-то, и прежде всего жизни. Рядом с мужчиной птица означает универсалии мужского пространства и времени. Мужчина-охотник и мужчина-воин, путешественник и коммерсант в глубинах веков и по сию пору реализуют идею пространства удалением от дома, растяжением или расчленением этого пространства. В отличие от женщины, которая сужает, стягивает пространство к дому, к очагу. Художник палеолита трагически выразил философию мужского времени и пространства сценой из лежащего мужчины и сидящей птицы.

Противоположна семантика быка, часто изображавшегося в палеолите. Есть якутский миф о времени, выраженном быком и птицей. Благополучное летнее время олицетворено быком-годовиком. Ранней весной, когда снег сходит с пастбищ, появляется этот «длинношерстный бык тигровой масти». Бык растет и

тучнеет. К осени он уходит куда-то в море. Вместо него с первым снегом появляется птица, которая олицетворяет зимнее студеное время и всяческие трудности зимней поры²⁵.

6. Культурогенез времени и организм женщины

Якутский миф окончательно убеждает нас в том, что на фреске в Ляско в образах быка и птицы, находящихся рядом с мужчиной, воплощена сложная идея времени-пространства: приходящего и отлетающего, сужающегося и растягивающегося.

До этого улетающего времени птицы палеолитический человек постиг мужское время, воплощенного женщиной. Клавиформы, ее изображающие, ритмизованны. Три женские фигуры находятся перед мужчиной на фреске в Пеш-Мерле. Это одно и то же: расчленение и растягивание бытия.

Куда? К каким пределам? Почему уже тогда мужчина так стремился к границам непознанного, за рамки реальности? Ощущение сверхъестественного божества дает ответ на поставленные вопросы. Оно не было внушено догматиками или порождено представлением о душе, но было задано самим восприятием времени и пространства. Это стремление не выводимо из самой реальности, из непосредственных потребностей.

Древний человек видел задачу мужчины в порождении бытия через диалог с неизвестным, а женщины в порождении людей. Женщина в изображениях эпохи палеолита дана явно беременной. Ее чрево сохранено даже на таких условных фигурах, как клавиформы. Это понятно: женское пространство сужается не только к дому и очагу, но и к ее чреву, носящему зародыш жизни. *Женское пространство противоположно расширяющемуся мужскому.*

О палеолитическом противопоставлении женского тела звериному написано много. Сделано несколько попыток обосновать факт обилия женских изображений в верхнем палеолите, сопоставимого с числом изображений зверей, чаще копытных при редкости мужских изображений. Эпоха господства женских фигур продолжалась приблизительно от 33 тыс. до 11 тыс. лет тому назад.

Большой материал по таким изображениям был проанализирован французским исследователем А.Делапортом. Его наблюдения состоят в следующем. По сравнению с изображениями живот-

ного в женских фигурах проявляется специальная деформация. В разных местонахождениях она выражается разными средствами: в Граветте – гипертрофия каких-либо органов, в оригинальном Мадлене преобладает схематическая стилизация и т.д. Обычно в женских фигурах особо выделены ягоды, живот, груди. На голове обозначена только прическа или вообще вместо головы дан выступ. Выявляется некий канон женского изображения. Чем же он вызван? А.Делапорт пишет: «Изображения женщин могут быть отражением понятия матери или женщины с ее плодовитостью. Могут они иметь «эротический смысл» – человек палеолита связывал удовольствие и репродукцию. Но в верхнем палеолите было и “табу” на изображение спаривания и родов. Два изображения, которые считают родами (в Лосселе и Мадлене), неубедительны»²⁶. Автор отмечает контраст между статичностью образа женщины и динамичностью изображения животного. «Все это говорит, что в центре проблемы для палеолитического человека стояла дуальная связь женщины и животного, а не женщины и мужчины. Эта дуальность скорее всего связана в представлении о вечности жизни и ее проявлений»²⁷. Исследователь здесь ограничивает себя только констатацией факта какой-то связи женщины и зверя. Ту же сдержанность суждений мы находим в других западных и отечественных изданиях²⁸.

Итак, самое надежное, что установлено наукой: подозрение особых семантических связей между женской фигурой и изображением копытного животного. Наша трактовка состоит в том, что в сценах женщины и животного передавался смысл «приходящего» женского времени в противоположность «уходящему» мужскому, переданному изображением человека и птицы.

Охотничьи духи-покровители, по-видимому, существуют у всех народов, занимающихся охотой, независимо где: в тундре, в умеренных лесах, в джунглях или саванах. У разных народов среди хозяев зверей преобладает женщина. Образ хозяйки зверей обычно наделен чертами Великой Матери-прародительницы. Иногда хозяйка зверей посылает охотнику дичь как следствие особого сексуального избранничества: охотник должен вступить с нею во временную связь или даже жить у нее постоянно в качестве супруга. В конце такой истории охотник, как правило, гибнет или сходит с ума.

Эта модель охотничьего мифа универсальна. Ее можно обнаружить у народов Сибири и у папуасов Новой Гвинеи. Есть другая модель, где охотнику предначертано добыть в жизни определенное количество дичи. Убийство сверх этой меры грозит карой охотнику или его потомству. Среди горцев Кавказа (у абхазов, балкарцев, чеченцев, горных грузин) нам удалось записать несколько версий, по которым боги охоты или «лесные люди» наказывают охотника именно тем, что лишают его потомства или делают его немногочисленным. Тема сексуальная сменена эмбриональной.

Какая же модель мифа древнее? Очевидно, обе они имеют древнейшее, палеолитическое прошлое. Только модель с избраннычеством построена на мужском уходящем времени. Психологически она включает личные охотничьи качества и риск общения с областью непознанного. Модель с мерой дичи этот риск снимает. Вторая модель явно центрирована вокруг очага и потомства. Она основана на женском времени. Если первая может больше акцентировать божество в виде Хозяйки зверей, то во второй модели смысл лежит в причастности определенного количества зверей данному человеку. Эту модель мы должны рассмотреть подробнее.

7. Культурогенез пространства: сманиватели охотничьего счастья

Если охотничьи божества рассматривать, как посредников в добыче материальных благ, то вместе с ними следует рассмотреть категорию посредников известных в специальной литературе под именем «духов-хранителей» или «таскателей сокровищ». В последнем случае такой друг забирает богатство (скот, молоко, урожай, вообще удачу, у других людей) и передает его своему хозяину. Такие персонажи хорошо известны в европейском фольклоре и изучены. Русский домовый, в сущности, является таким же духом-хранителем.

Вера в духов-хранителей не исчезала даже при длительном господстве христианского или мусульманского единобожия. В европейском средневековье дух-хранитель стал ассоциироваться с чертом. С таким духом человек заключал договор в обмен на богатство и удачу при жизни ценой посмертной «судьбы», «продавая

душу». В Европе, в тех местностях, где язычество осталось очень сильным таких «сманивателей богатства» специально изображали в виде антропоморфных кукол, как у эстонцев²⁹.

У охотничьих народов «таскатели сокровищ» привлекают диких животных к охотнику. Так, у американских эскимосов этим свойством наделены человеческие фигурки, кроме того, эти фигурки могут «заменять» каких-либо людей, отсутствующих в данный момент³⁰.

У алеутов на бортах промысловых лодок устанавливали костяные изображения птиц, птичьих перья. Это тоже сманиватели (морской дичи). У айнов сманивателями служили их инау, палочки со стружками на одной конце, воспринимавшиеся как человекоподобные существа.

Есть несомненная генетическая связь между охотничьими духами-помощниками в добыче дичи и сманивателями богатства в культурах народов с развитым производящим хозяйством. На эту преемственность указывает сам основной предмет «богатства»: скот и продукты молочного производства. Установление такого генетического сходства нам важно, чтобы разобраться в более трудном вопросе. Он состоит в выяснении значения того или иного образа сманивателя, который представляется просто духом, изображением человека, животным или предметом. Случайны ли эти образы или же есть в них общая подоплека? Основным момент в этой проблеме – животная форма сманивателя, идентичная добываемому «богатству».

8. Происхождение индоевропейского счастья

Б.А.Литвинский посвятил проблеме сманивателей богатства у иранцев специальное исследование³¹. Объект его изучения – зороастрийский хварэнах (в другой огласовке – фарн). По древнеиранским представлениям, это персонифицированная сила, приносящая счастье, богатство, военную победу. Сила выступает в образе газели, огня или света. По согдийским и кушанским источникам фарн может быть человекоподобен. В Авесте, в искусстве скифов, саков и сарматов фарн появляется в виде хищной птицы. Таково воинское божество Вэрэтрагна. В Авесте (Яшт 14.36) описывается амulet из птичьих перьев, дающих фарн³².

В Авесте в образе хищной птицы фарн отлетел от культурного героя Йимы, который долго пользовался его благами, пока не был наказан за лживую речь³³.

Концепция фарна четко представлена у ближайших родственников иранцев осетин. Этнографический материал последних дает возможность полнее представить явление. Фарн связан с определенной семьей и домом, но он есть и у каждого человека³⁴. Свой фарн имеется у времени суток и времени года³⁵. В.Ф.Миллер отметил особый оттенок осетинских верований в фарн: носителем фарна всей семьи мог быть один ее член или даже одно из принадлежащих семье животных³⁶. Фарн часто выступает в образе барана. Это то животное, которое осетины жертвовали духу очага. Термин, обозначающий фарн, сохранил ассоциации с солнцем в охотничьем языке осетин³⁷. Сила плодородия связана с фарном и поэтому у него осетины спрашивали себе потомство³⁸.

Через понятие фарна Б.А.Литвинским была проинтерпретирована большая группа сарматской и сакской керамики, имевшей зооморфные, обычно в виде барана, ручки, относящейся к рубежу н.э.³⁹.

Фарн – это зооморфный посредник между ресурсами всяких благ и определенным человеком, отдельной семьей или территориальной единицей. Эта природность благодетелей фарна к так или иначе ограниченному числу лиц для нас важна. В тесной связи фарна с определенным лицом или людьми мы видим определенную его «соматизацию». Фарн – это своеобразное избранничество и поэтому представление о нем близко и может быть генетически родственно вере в хозяйку дичи, избирательно относящейся к охотнику. Подчеркнутая в обоих случаях избирательность и есть свойство самих получателей удачи и фарна, которое преобразовано в дары внешних сил. Поскольку эти дары выступают первоначально в животной форме, то можно предположить, что между людьми – обладателями удачи и животными есть необходимая связь.

Фарн в образе зверя появляется или в нем пребывает. Так, по преданию горных таджиков долины Хуф некогда с неба на землю спустилась овца, в честь которой в долине было сооружено святилище мазар. Такая же «священная овца, озаренная ярким солнцем», по бартангскому преданию, когда-то спустилась с гор и ей тоже был

посвящен мазар⁴⁰. Но уходит фарн, как гласит авестийская история Йимы, в образе хищной птицы. Ею и ветром олицетворена также переменчивая военная удача и ее божество Вэрэтрагна⁴¹.

Несомненно, что фарн – хищная птица – позднейшая воинская переработка в один образ древнейших образов копытного с его функцией благодати и образа птицы, символизировавшей ее лишение.

С появлением фарна в виде барана можно сопоставить мотив приходящего к людям для своего собственного жертвоприношения быка, коровы, оленя или козы, представленного в русском и кавказском фольклоре. Такой мотив «копытного животного, идущего на самозаклание» оказался очень устойчив у абхазов, где он актуализируется даже в 80-е гг. нашего столетия. Так, нами записана недавно случившаяся история, где девушка увидела спустившуюся с неба коосулю, окруженной языками пламени. Другая история повествует о появлении никому не принадлежащих козлят на месте, где должна устраиваться обрядовая трапеза. Их сочли специально пришедшими на заклание. Эта ритуальная трапеза была устроена в начале 1980-х гг. в одной абхазской фамилии с особой радостью и весельем вследствие того, что за прошедший год с момента предшествующего праздника в данной фамилии (Джопуа) не было умерших. Приходящие животные и здесь ассоциированы с порождением потомства. Рассмотренные этнографические ритуалы явно восходят к «женскому» сужающемуся времени-пространству.

Приведенные примеры о времени – копытном животном и о времени-птице – исходят не из линейной модели, где будущее перетекает в настоящее, а настоящее в прошедшее. Не соответствует оно также вечно возвращающемуся циклично-хозяйственному времени архаических земледельцев. Перед нами иное представление: время идет в одну точку и из нее уходит. Это время-мгновение или событие случающегося в жизни человека. Если представить серию таких мгновений, то приход и уход или уход и возвращение времени в своей взаимосвязанности и непрерывности должны образовать воронкообразную поверхность. По внутренней стенке этой воронки спускается удача, по внешней она поднимается, отлетая. Такая воронка – *аттрактор* личного времени в потоке однонаправленного времени. Она возникает как форма жизнедеятельности человека. Очевидно, что это не активная жизнедеятельность, а особая пассивность-выжидание. Это выжидание охотника, т.е.

заторможенная и замаскированная активность. Момент охотничьего выжидания в засаде в пересчете на жизнь человека дает идею фарна. Как концепция эта идея окрепла в результате развития исходных охотничьих верований у скотоводческих индоевропейцев и оформилась в иранском религиозном мышлении.

Примечательно в этом мышлении, как идея возгоняется до больших философских абстракций. Фарн являет собой эманацию солнца или всеведущую мудрость, которую пьет Зороастр и т.п. Но во всей концепции фарна затемнено исходное женское начало. Хотя можно было бы показать, что и эманация солнца, и всеведущая мудрость имеют эмбриологические и биоэтические подосновы.

9. Семиогенез и волнующая нагота в облачении культурой

Оставив в стороне эти космологические сюжеты мы обратимся к материальному аспекту культуругенеза, в центре которого стоит женщина.

Чтобы у якутов пришло плодоносное время быка, должна исчезнуть время-птица, оставив свои перья. Нагота женщин в палеолитических композициях с копытными однозначна потере птицей своего оперения. (Развитая меховая одежда, как и строительство жилищ, хорошо было известно палеолитическому населению тогда еще приледниковой Европы.) Следовательно, нагота палеолитических женских статуэток передает зимнее состояние неблагополучия в холодной приледниковой зоне. Обнажение здесь значимо не само по себе, а как образ сурового времени, противостоящего времени летнего изобилия, данного в образе быка. То, что нагота женских изображений дана преднамеренно, доказывается тем, что на статуэтках часто показаны головные уборы и украшения⁴².

Таким образом, женская нагота противоположна по отношению к природному изобилию. Имеется много этнографических данных, иллюстрирующих эту мысль. Назовем некоторые из них. У русских бытовал обычай раздевания донага при севе⁴³. Обычай этот особенно устойчиво удержался при сборе лекарственных трав. «На Ивана-Купала мужики и бабы в глухую ночь снимают рубахи и до утренней зари роют коренья», – писал хороший знаток старины С.В.Максимов⁴⁴. В наших собственных полевых записях у народов Кавказа есть факты такого рода. Так, у осетин считается,

что едкий лук и чеснок растет у женщины, которая сажала их без штанов. У аджарцев, напротив, она должна быть без такой одежды, чтобы лук был сладкий. У абхазов в этом случае получается крепкая перечная приправа аджика. В Европе подобные обычаи повсеместны. Сошлемся только на обряд лужицких сербов, где девушки-полольщицы льна обегали голыми поле два раза со словами: «Лен, лен, друг, вырасти до моих бедер, до моей груди, и тут и остановись»⁴⁵. Обычаи обнажения женщин при сборе риса в Юго-Восточной Азии были отмечены Дж.Фрэзером⁴⁶. Вспомним, что в «Песне Гайяваты» Лонгфелло по просьбе героя богиня Миннегага должна ночью нагой обойти посеvy⁴⁷.

Ритуальная женская нагота для вызывания дождя отмечена повсеместно в странах умеренного пояса. В тропических странах она предназначена противоположной цели – прекращению дождя, как, например, у телугу в Индии⁴⁸.

Итак, в приведенных ситуациях нагота – это не просто знак неблагополучия, но и стимул к приходу желаемого благополучия. Приведенные факты взяты из жизни земледельческих обществ. В них речь идет о необходимом для посевов дожде и о растительной пище. В более древние эпохи женская нагота ритуально была предназначена составить пару копытному животному, несущему благополучие. Ни в коем случае не птице. Вот почему бурятские женщины, легко одетые в жаркую пору на сенокосе, завидев в небе лебедей, должны немедленно надеть свои безрукавки. Д.С. Дударов, сообщивший этот уникальный факт, интерпретирует его в связи с темой генезиса одежды центрально-азиатских народов. Эта одежда по своим формам, названиям деталей и семантике восходит к образу копытного животного (марала)⁴⁹.

Мы не видим в этом доказательств тотемизма. Но со всей очевидностью в материалах Дударова проступает идея мужского охотничьего времени – удачи, приходящего с копытным животным и стремящегося к женскому телу. Изображения женщин в палеолите Южной Европы и обряды центрально-азиатских народов с этим выводом согласуются. Они в равной степени знаменуют момент культурогенеза. В данном случае речь идет о происхождении одежды. В плане всего изложенного видно, что возникновение этого элемента культуры является частью и результатом *семиогенеза* (порождения смыслов). В такой же степе-

ни женщина причастна к возникновению жилища, очага, пищи и других наиважнейших оснований культуры. Мифологический образ приходящего животного-божества оказывается необходимой логической связкой между деятельностью мужчины во внешнем охотничьем пространстве и стационарной жизнедеятельностью женщины.

10. Вывод: культурогенез и биоэтика

В истории человечества отмеченный период женских изображений (33–11 тыс. лет назад) был эпохой возникновения современной *семиотики гендерных форм*, их дифференциации и взаимных трансдуктивных перетеканий. Это обеспечило *онтологическое единство* миру, а человечество получило способность косвенными способами выражать мысль, расширяя оттенки значений. Это вызвало появление фундаментальных *культурогенных мыслеобразов*, которыми мы пользуемся до сих пор, не отдавая в этом себе отчета: женщины, мужчины, их потомства, нормы поведения, получившие санкцию космического начала. Последняя санкция позволила ментально одомашнить время и пространство, а затем приступить к *воспроизводству ресурсов жизни*. Переход к *земледелию и животноводству* имел непосредственные биоэтические предпосылки.

Несомненно, что важным моментом в культурогенезе были не только представления о *мерности времени и пространства*, но и о том, что что-то находится за пределами времени и пространства. Ведь именно об этом, об Абсолюте, свидетельствует *уходящее и приходящее время-пространство*. Уходящее в сторону божеств в мифах и приходящее к людям вместе с благодатью. В мировых религиях эта проблема судьбы решена через *смирение*.

Роль женщины состояла в том, что благодаря ей время-пространство не ушло куда-то в бесконечность, в *репеллер*, а возвратилось и стало стекать, как по внутренней стенке *воронки-аттрактора*, к центру, в котором она, женщина, сама поместилась. Если это так, то культурогенез в конечном счёте развернулся между аттракторным полюсом, занятым женщиной, и репеллерным полюсом, в котором кроме божеств никто не может жить, но туда заглядывает мужчина.

Ответственная функция мужчины состояла в поиске путей для связи между этими полюсами. Ему выпала доля быть посредником между божеством и женщиной с очень широкими обязанностями: поиска смыслов, их толкования и внедрения – черновая работа. Чувственная телесность мужчины и женщины спасла людей от «тела без органов», от тела-машины с ее бессмысленным производством и потреблением⁵⁰. Но, разделяя критику Ж.Делеза и Ф.Гваттари в адрес капитализма, никак нельзя свести все дело к либидозности Эдипа, сидящей в каждом человеке.

Напротив, как показал очерк картины культурогенеза, безудержная инфляция сексуальности была биоэтически ограничена виртуально-бытийными обстоятельствами, среди которых в данной работе было уделено особое внимание монадичной *отстраненности* друг другу женщины и мужчины. Их миры оказались смещенными при сохранении топически смысловых и сексуальных отношений. Обрядово оформляя эти отношения, мы поддерживаем возникшую некогда *эмерджентную топикку*, получаем ощущение счастья от возникающих трансдукций и страдаем от своих неумелых и скороспелых редуций к какому-то монофактору. *Культурогенез – вовсе не результат, а динамическое состояние*, в котором мы находимся и поэтому его не замечаем.

Примечания

- ¹ Неретина С. А. Огурцов А.П. Пути к универсалиям. СПб., 2006. С. 960–976.
- ² Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1958; *он же*: Первобытное мышление. М., 1994; *он же*: Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М., 2008; *он же*: Путь масок. М., 2000.
- ³ О дополнительности как черте виртуально-бытийной реальности: Чеснов Я.В. Виртуалистика: философско-антропологический анализ. Саранск, 2008.
- ⁴ Например: Фуко М. Предисловие к американскому изданию «Анти-Эдипа» // Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007. С. 9.
- ⁵ Об этих понятиях: Чеснов Я.В. Виртуалистика... С. 22–23.
- ⁶ Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.
- ⁷ Пясецкий В.Н. Нормальные и идеальные пропорции человеческого тела. СПб., 1910. Лекция 1.
- ⁸ Чеснов Я.В. Телесность человека: философско-антропологическое понимание. М., 2007. С. 31.
- ⁹ Там же. Гл. 8. Ментальность страдания и риска: миф о Прометее. С. 161–195.

- ¹⁰ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 345, а также С. 336–338, 364–356.
- ¹¹ Коринфский А.А. Народная Русь. М., 1901. С. 709.
- ¹² Леви-Строс К. Путь масок. М., 2000. Раздел: Ревнивая горшечница. С. 157–323.
- ¹³ Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. М., 1991. С. 67.
- ¹⁴ Brewil H., Lantier R. Les Hommes de la pierre ancienne. P., 1951. P. 202.
- ¹⁵ Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М., 1985.
- ¹⁶ Там же. С. 253.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980. С. 181, 182, 192.
- ¹⁹ Laming-Empreaire A. La signification de l'art rupestre paléolithique. P., 1962.
- ²⁰ Бернштам А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. С. 79–80, 85, 88–90.
- ²¹ Личное сообщение этнографа С.А.Хасиева, связавшего чеченский материал с древнегреческим мифом о войне пигмеев с журавлями.
- ²² Новосадский Н.И. Елевсинские мистерии. СПб., 1887. С. 29.
- ²³ Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990. С. 24.
- ²⁴ Там же. С. 171.
- ²⁵ Попов П.А. // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1949. С. 278.
- ²⁶ Delaporte H. L'image de la femme dans l'art préhistorique. P., 1979. P. 312.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Rosenfeld A. Profile Figures: Schematisation of The Human Figure in The Magdalenian Culture of Europe // Form in Indigenous Art. Schematisation in The Art of Aboriginal Australia and Prehistoric Europe / Ed. by P.J.Ucko (Prehistory and Material Culture Series. № 13. Australian Institute of Aboriginal Studies). Canberra–L.–Jersey, 1977. P. 90–109.
- ²⁹ Paulson J. The Old Estonian Folk Religion. The Hague, 1971. P. 154–157.
- ³⁰ Turner M. Ethnology of The Ungave District // Bureau of Ethnology. Annual Report. XI. 1889–1890. Washington, 1894. P. 96.
- ³¹ Литвинский Б.А. Кангьюйско-сарматский фарн (К историко-культурным связям Южной России и Средней Азии. Душанбе, 1968.
- ³² Там же. С. 54.
- ³³ Там же. С. 53–54.
- ³⁴ Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М., 1957. С. 421–422.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Вып. II. С. 265.
- ³⁷ Абаев В.И. Указ. соч. С. 422.
- ³⁸ Там же. С. 71–72.
- ³⁹ Литвинский Б.А. Указ. соч. С. 3–13.
- ⁴⁰ Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Вып. II. С. 127–132.
- ⁴¹ Литвинский Б.А. Указ. соч. С. 85–87, 93.
- ⁴² Абрамова З.А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.–Л., 1966. С. 8.

- ⁴³ *Маслова Г.С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984. С. 116.
- ⁴⁴ *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 40.
- ⁴⁵ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние. М., 1977. С. 241.
- ⁴⁶ *Фрэйзер Дж.* Золотая ветвь. М., 1980. С. 39.
- ⁴⁷ *Лонгфелло.* Гайавата. М., 1955. С. 130–131.
- ⁴⁸ *Фрэйзер Дж.* Указ. соч. С. 79.
- ⁴⁹ *Дударов Д.С.* Орнитозооморфная символика женского костюма некоторых тюрко-монгольских народов // Материальная и духовная культура калмыков. Элиста, 1983. С. 36–37; *он же.* Лебедь в орнаментике женского костюма тюрко-монгольских народов // Сов. этнография. 1983. № 5.
- ⁵⁰ Об опасности такого тела см.: *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Указ. соч.

Г.П. Юрьев, М.А. Пронин

Виртуалистика памяти и гуманитарная экспертиза

Память – это единственный рай,
из которого нет изгнания.

Жан Поль (Рихтер)

Предисловие

Мы сразу обращаем внимание читателя на содержательную направленность нашей статьи: речь в ней пойдёт не о «виртуальной памяти» – технологическом механизме или устройстве управления памятью компьютера, а о «виртуалистике памяти» – онтологии памяти, философском осмыслении первоначал всего сущего в парадигме виртуалистики как новой естественнонаучной мировоззренческой концепции.

Поскольку речь пойдёт об онтологии бытия, то следует вспомнить античного философа Парменида (конец VI–V вв. до н.э.), родоначальника первой подлинно философской проблемы, сформулированной ясным и недвусмысленным образом: как можно мыслить бытие, если бытие это то, что есть, в отличие от того, что только кажется или является. В элейской философской школе, к которой принадлежал Парменид, есть ряд общих положений: мысль о единстве и о неподвижности истинно сущего бытия. Но именно Парменид впервые ввёл в философский обиход саму категорию «бытие», не только поставил философскую проблему бытия, но и прямолинейно решил ее: «бытие есть, а небытия нет». Истинное бытие, согласно заключениям Парменида, едино, нераздельно, неизменно и неподвижно, весь же чувственно воспринимаемый мир, состоящий из множества возникающих, меняющихся и исчезающих вещей, лежит за его пределами. Такое понимание сути бытия, оппонирующее «вечному

движению» Гераклита, породило целые поколения как последователей, так и противников данного толкования в философских школах разных направлений.

Достаточно необычный, новаторский и весомый вклад в онтологию бытия внёс Экхарт. Его идея саморазвивающегося Божества, породившего развивающегося Бога, оказалась принципиально важной для развития философской мысли. Бог, по Экхарту, является самооткровением Божества, которое и осуществляется в процессе развертывания Бога. В истории философии записан такой факт: Гегель завершил лекцию об Экхарте следующими словами: «*Da haben wir esja, was wir wollen*» («Здесь перед нами действительно то, что нам нужно»)¹.

Гегель, подобно Пармениду, считал, что безусловно существующим следует считать только нечто единое, целостное. Таким исходным единством в его философской системе является Абсолютная идея, которая выступает одновременно субъектом и объектом не только познания, но и развития, и соответствует принципу тождества мышления и бытия. Развитие, по Гегелю, осуществляется как диалектический процесс последовательного развёртывания системы категорий, представляющих всеобщие формы и бытия и мышления одновременно. Но поскольку исходное начало едино, то ему, чтобы вступить во взаимодействие с самим собой, необходимо раздвоиться для последующей постепенной структуризации изначально аморфного единства.

Мы привели общеизвестные философские идеи в качестве точки отсчёта для перехода к нашему пониманию субстанциальной первоосновы бытия – «памяти». Следует отметить, что по поводу категории «память» существует удивительное единомыслие в научной литературе и в обыденном сознании. О ней не спорят! Она есть, только разная. Проблемы с разной памятью тоже есть, но это как бы одна общая для всех задача: нужно непрерывно совершенствовать механизмы, увеличивающие объёмы и быстродействие не только машинной, но и живой человеческой памяти. В Интернете 166 млн страниц посвящено разным аспектам памяти, предназначение которой исходно считается вторичной по отношению к первичности той информации, которую необходимо сохранить в памяти и при необходимости быстро извлечь из неё.

Один из авторов² данной статьи более десяти лет тому назад выдвинул предположение, что память имманентна системной организации материи (бытия). В дальнейшем это положение получило логическое развитие в том, что память не просто вторична, а элементарно первична и вторична одновременно: бытие есть творящая себя память, а минимальный элемент бытия – логическая трилемма памяти «или – и – или». Имманентная структурно-функциональная троичность памяти является и источником, и двигателем непрерывного коэволюционного процесса, элементы которого можно формализовать в соответствии с постулатами и законами общих и частных наук. Именно память и есть та Абсолютная идея, то Божество, та субстанциальная основа бытия, поиски которой непрерывно ведут учёные разных отраслей науки. Оказалось, что это простое допущение выводит за скобки многочисленные и бесплодные тысячелетние споры о первородстве между идеалистами и материалистами, физиками и лириками, учёными и обывателями. Мы предлагаем рассмотреть наше обоснование онтологии памяти с позиций виртуалистики – нового парадигмального направления в науке.

Перед изложением основного содержания статьи мы сочли уместным привести высказывание (26.09.1326) Майстера Экхарта перед инквизицией в свою защиту «... – на пункты, которые иным людям кажутся ошибочными и, что хуже, вызывающими, как они говорят, подозрение в ереси. Я, названный брат Экхарт из ордена проповедников, отвечаю на это. Что касается первой, второй и третьей групп, то я признаю и заявляю, что я сие говорил и писал, и я полагаю, как следует из моего изложения, что в них все правильно, хотя иное и необычно, сложно и тонко»³.

Именно сложность и новизна подхода к онтологии памяти-бытия побудила нас сделать такое пространное предисловие к данной статье.

Кибернетическое и виртуалистическое осмысление памяти и разума бытия

Некоторые создатели современной кибернетической концепции человека ссылаются на Пифагора, который сформировал резкое логическое противостояние своим предшественникам. Суть спора можно свести, по утверждению Г.Бейтсона, к дилемме типа «или – или»: «Будем говорить о том, из чего это сделано – земли,

огня, воды, воздуха и т.д., или о том, каковы отношения, “порядок” между этим?» Пифагор в своих рассуждениях скорее стоял за исследование отношений, чем за исследование вещества. Эта полемика длилась веками: за пифагорейцами следовали гностики, за гностиками – алхимики и т.д. Кульминация спора пришлась на конец VIII в. когда Ламарком была построена, а затем отвергнута пифагорейская теория эволюции – теория, включавшая Разум⁴.

До Ламарка считалось, что живой органический мир имеет иерархическую структуру с Разумом наверху. Лестница спускалась вниз через ангелов, через человека, через обезьян вплоть до инфузорий и простейших, и ещё дальше к растениям и камням. Ламарк перевернул эту лестницу вверх ногами. С переворачиванием лестницы то, что было объяснением (а именно, Разум как верхняя ступень), стало тем, что само требовало объяснения. В своей теории эволюции Ламарк в качестве одного из аксиоматических феноменов использовал привычку и фактически основал сравнительную психологию. Затем разум и связующие отношения были исключены из сферы биологического мышления в эволюционных теориях, развитых Дарвином, Гексли и другими.

В середине XX в. произошли важные научные события. Это был совместный рост и синтез идей, названных кибернетикой, теорией коммуникации, теорией игр, теорией информации или теорией систем. Все они касались проблем коммуникации, главным образом проблемы того, что же такое кибернетически организованная система и каковы её свойства. Теория кибернетики оказалась весьма удобной для описания человека. Виртуальный и кибернетический подходы к разуму, памяти и мышлению человека имеют как общие признаки соответствия, так и принципиальные различия, характерные для категорий живой и неживой природы. Рассмотрим оба аспекта более подробно.

Имеется несколько определений кибернетики. Первое принадлежит Винеру: кибернетика – это наука об управлении, регулировании и передаче информации в организме животного и в машине. Попытки найти параллели и аналогии между функционированием машин и живых организмов делались ранее, например, теория машин Архимеда. Но подлинная сфера кибернетики определилась только тогда, когда появилась техника низких напряжений – техника передачи информации, будь это телеграф, телефон, радио и т.д.

Кибернетика оперирует понятием «возможность» и является, по определению Г.Клауса⁵, наукой о возможных способах поведения возможных структур, и притом не любых структур, а динамических, т.е. изменяющихся во времени. Следовательно, кибернетика изучает также и такие связи, процессы управления и регулирования, такие соотношения структур и функций, которые до сих пор нигде – ни в технике, ни где-либо в природе – не реализованы. Этим она во многом родственна математике или определённым областям теоретической физики, иногда точно определяющих будущие пути трансформации систем. Напомним принципиально важное обстоятельство в развитии ноосферы: человек может создать и создаёт то, чего нет в естественной природе!

Кибернетический подход к коммуникациям и передаче информации породил вопрос о том, что же является субстратом информации. Не является ли она, наряду с веществом и энергией, третьей областью бытия? Винер и его сторонники заявили, что информация есть информация. А также следующее: информация не является ни материей, ни энергией.

Утверждение кибернетиков о самостоятельной сущности информации породило мощную протестную волну в среде учёных-материалистов, т.к. коренным образом менялось понимание одной из основных философских оппозиций классической науки «материальное – идеальное». Идеалисты были спокойны: Бога можно называть каким угодно термином. Понятие «информация» вполне сопоставимо со Словом Божьим.

Г.Бейтсон, исследуя коммуникативные процессы у животных и людей, установил, что при передаче-приёме информации фиксируются не сами стимулы, а только различия между стимулами. Обратимся к себе и поймём, что каждый из нас всё время измеряет различия: дальше – ближе, выше – ниже, ярче – темнее, теплее – холоднее, лучше – хуже, и т.д. и т.п. Если что-то не меняется, то оно как бы и не замечается, становится привычным так, что нечего об этом и думать. Я не думаю о том, как я дышу до тех пор, пока не побегу или не заболēju бронхитом.

На основании кибернетического подхода Бейтсон предложил новый способ думать о «разуме». Существенные минимальные характеристики системы являются, по его мнению, характеристиками разума. Их четыре:

– система должна оперировать с различиями и на основании различий;

– система должна состоять из замкнутых петель, вдоль которых должны передаваться различия и трансформы различий (например, через нейрон передаётся не импульс, а новость о различии);

– многие события в системе должны энергезироваться скорее получателем, чем «запускателем» воздействия: одно слово, например, может привести в движение огромную массу людей;

– система должна обладать свойством самокоррекции по методу «проб и ошибок» для сохранения своего состояния и/или в направлении «убегания».

Из этого следует, что минимальные характеристики разума генерируются всегда и везде, где есть соответствующая петлевая структура причинных цепей. Разум – это необходимая и неизбежная функция соответствующей сложности, где бы эта сложность ни возникла. Другими словами, разум тождественен бытию, но не в смысле неспособного на ошибку «Верховного Разума» у Аристотеля, а в кибернетическом понимании имманентного разума, допускающего ошибку.

Отметим важное обстоятельство: разум может ошибаться, и каждый из нас хорошо знает об этом. Продолжение только что сказанной мысли кому-то может показаться кощунственным: если разум необходимо присущ Природе, то она может ошибаться и быть глупа точно так же, как и её отдельные представители.

На вопрос о мыслительных способностях компьютера Бейтсон ответил, что «думает» и применяет «пробы и ошибки» не сам компьютер, а система «человек + компьютер + окружающая среда». Он также кибернетически скорректировал дарвиновскую эволюционную единицу выживания – индивидуум, семейная линия, подвид, вид и т.д. Философ включил в неё окружающую среду, взаимодействия между организмом и окружающей средой, и сказал, что единица эволюционного выживания тождественна единице разума.

Важнейший практический вывод, сделанный Г.Бейтсоном, заключается в том, что нельзя отделять разум от структуры, которой он присущ – человеческим отношениям, человеческому обществу или экосистеме, – чтобы не впасть в фундаментальную ошибку и не получить непрогнозируемый ответ этой системы. С кибернетических позиций именно человеческий мозг проявляет наиболее

удивительную способность выступать в роли информационной машины с поразительным минимумом преобразования энергии при производстве, обработке и передаче информации.

Любой человек руководствуется какой-либо теорией жизни, тесно связующей научные истины, с одной стороны, и красоту и мораль, с другой. Человек, усвоивший ложные мнения относительно собственной природы, будет вовлечён в действия, в некотором глубоком смысле аморальные и безобразные. Если теория жизни индивидуума не противоречит кругу понятий, господствующих в окружающем социуме, то он может быть вполне успешным. И наоборот – человек идёт на крест или костёр, чтобы своим алогичным поступком продвинуть общественное сознание на новый уровень миропонимания. Важнейшие достижения науки порой не просто переворачивали мировоззрение людей, а меняли судьбы мира. Система Коперника и теория относительности сформировали облик человечества в не меньшей степени, чем войны и революции.

Самое сложное в продвижении новых теорий и технологий – изменить парадигму мышления той части общества, на кого эта технология ориентирована. Подтверждением сказанному может служить широко известный факт введения Н.Бором в научно-практический обиход общефилософского принципа дополнительности для объяснения теоретического тупика физики в 30-х гг. прошлого столетия. Суть парадокса заключалась в невозможности логически совместить две системы описания атома: матричную механику Гейзенберга (описывала электрон как частицу) и волновую механику Шрёдингера (описывала электрон как волну). Обе теории были несомненно верными и подтверждались данными экспериментов.

Для логики большинства учёных того времени эти факты были просто непонятны: «Такого не может быть! А если это есть, то все утверждения точных наук несостоятельны!» Нильс Бор думал по-другому. Он, как и Эйнштейн, обосновавший принцип относительности, исходил из того, что выработанные в науке понятия определяются особенностями мышления человека. Каждое представление о предмете относительно и отражает только какую-то часть истины, а совокупность описания как бы несовместимых понятий придаёт знаниям об исследуемом явлении новую полноту: несовместимости суть дополнительной.

Можно использовать принцип дополнительности Бора для теоретического описания модели виртуального человека в социуме. Эта модель человека отличается от бездушной кибернетической тем, что оперирует интегральной категорией «виртуал». Основным элементом виртуала – это триединый конструкт, обладающий тремя обязательными свойствами: телесностью, сознанием и волей.

Обратимся к лукавству некоторых мировоззренческих категорий, например таких, как «материальное–идеальное», «тело–душа», «сущность–явление» и др. Вторая половина указанных противопоставлений: идеальное, душа, сущность, – естественнонаучному измерению недоступна. Именно поэтому в парадигме европейского мышления совершенно невозможно рационально и доказательно ответить на извечный вопрос о разуме и его носителях:

– Если разум есть функция, то функция чего?

Напомним также, что фундаментальные исследования кибернетиков ответили на вопрос о функции разума, обязательно присущего бытию, т.е. объяснили «как это происходит – измерение различий», но оставили без убедительного ответа решение одного из самых главных вопросов:

– С чем это происходит? – Предположение кибернетиков, что всё это «информация» лишь частично решило проблему.

Н.А. Носов (1996) пересмотрел существующие категории и ввёл в науку принципиально новый мировоззренческий подход – виртуалистику – с основным принципом множественности происхождения бытия и двумя категориями равноценных реальностей: константной (порождающей) реальностью и виртуальной (порождаемой) реальностью или виртуалом. В виртуалистике с наибольшей научной полнотой воплощён великий принцип относительности. Виртуал в процессе саморазвития и как бы удвоения (девиртуализации) может стать константной реальностью и породить новую виртуальную реальность, а также взаимодействовать с породившей её реальностью в качестве управляющей системы.

Каждый виртуал «проживает» в человеке в двух основных формах. Первая – это свёрнутое и относительно автономное состояние (частица) – автоном. В определённых ситуациях автоном стереотипно развёртывается (волна) в свою активную позитивную или негативную форму. Виртуал обладает рядом специфических свойств, характерных для изменённых состояний сознания. Каж-

дый человек в своей жизни неоднократно испытывал этот либо чудесный (порыв, вдохновение), либо ужасный (непонятная, неподконтрольная тревога и телесный дискомфорт) феномен вхождения в виртуал и виртуальную реальность.

Описание и измерение виртуала в развёрнутом состоянии не представляет особых трудностей и широко используется в разнообразных творческих и целительских практиках. Диагностика же виртуалов в свёрнутой форме чрезвычайно трудна и доступна только специалистам. Об этом свидетельствует столетний опыт классического психоанализа. Коррекционная работа с виртуалами называется аретеей, в результате которой человек может достигнуть нравственного и физического совершенства в социуме.

Остановимся на принципиально важном понимании того, что же является первоосновой не только каждого из нас, но и всего сущего. Кибернетическое утверждение о том, что всё было, есть и будет информация, мало чем отличается от библейской канонизации: «В начале было слово...» Каждый, в том числе и психически больной человек, уверен в материальности-измеримости событий внутри и вне него. Даже ауру человека пытаются зафиксировать словами, рисунками и самыми современными способами материальной регистрации явлений природы. По-видимому, не случайно споры материалистов с идеалистами периодически аргументируются в ту или иную сторону новейшими человеческими изобретениями. Человек так устроен, он хочет точно и ясно знать: откуда? что? и почему? Одна из заслуг кибернетического подхода к человеку состоит в том, что в коллективном научном мышлении понятие разум естественным путём совместилось с ранее известным и всем понятным принципом измерения различий.

Теперь о виртуальности. Исторически сложилось так, что при достаточно подробном раскрытии процессуальной и феноменологической природы виртуальности вопрос о первооснове бытия Носовым подробно не рассматривался. Основной тезис классической виртуалистики: всё реально и все реальности равноценны самим фактом своего существования, – позволял решение проблемы материальной сущности бытия оставить на какое-то время вне поля зрения виртуалистики. Подобное положение в науке, претендующей на изменение парадигмы мышления, долго сохраняться не могло. Это сделал один из авторов статьи, которую вы читаете. Он

сопоставил данные из научной литературы о сознании, мышлении, памяти с результатами собственных исследований и принципиально переосмыслил категорию «память».

По поводу категории память существуют разные теории, но все они связаны с понятием «информация» в живых и неживых системах. Приведём два основных определения памяти: 1) одна из психических функций и видов умственной деятельности, предназначенная сохранять, накапливать и воспроизводить информацию; 2) способность информационных систем фиксировать (запоминать), хранить, воспроизводить и использовать по назначению предшествующий «опыт» системы. Все концепции памяти объединяет один принцип: в научной литературе и человеческой культуре память включена в разряд эпифеноменов – хотя и важной, но всё-таки одной из многих функций органических или неорганических систем. Не имеет существенного значения, о какой памяти ведётся речь – памяти металла, компьютерной памяти или памяти биосистем. В любом случае её, память, считают вторичной относительно того, чему или кому она принадлежит. Сложившийся стереотип мышления является своеобразным препятствием для гносеологического перехода в онтологии бытия, хотя давно известно, что всегда можно думать по-другому. В том числе и о памяти.

Многие противоречия в научном осмыслении мира снимаются при одном теоретическом допущении, а именно: память есть одновременно и основная сущность бытия, и функция. Минимально (троично) дифференцированная и бездушная память в прерывисто-волновом континууме Вселенной самоорганизуется в бесчисленное множество своих неорганических и органических носителей или матриц в самом широком понимании этого термина. Матрицы более организованной памяти образуют лишь незначительную массу (4,5–5%) физического мира Космоса – звёзды, планеты, кометы, пыль и т.д. Можно усилить сказанное: не только весь окружающий нас мир, но и каждый из нас есть специализированные формы онтологической памяти-бытия. Память воистину творит сама себя через творения своих разумных и неразумных детей.

Множественные взаимоотношения между различными матрицами памяти образуют виртуальный разум системы, который функционирует как самостоятельная часть (например, разум мура-

вья) коллективной телесности социума (муравейника) в какой-то конкретной экосистеме. По законам триалектики⁶ две базовые противоположные функции памяти «запомнить» и «забыть» образуют основную категориальную оппозицию в Природе. Запомнить – значит сохранить и воспроизвести себя в новой матрице памяти «по образу и подобию». Забыть – это умереть, т.е. разрушиться, гомогенизироваться, чтобы войти в состав других матриц памяти или самоорганизоваться в новые её носители. Обе оппонирующие части этой естественнонаучной категории «запомнить ^{ПАМЯТЬ} забыть» доступны не только описанию в общепринятых терминах, но и косвенному инструментальному измерению.

Переосмысление категории память позволяет провести чёткую грань между человеком и всем остальным миром. Кто-то считает, что только человек использует предметы в качестве орудий труда для достижения своих целей. На самом деле, принцип использования объектов неживой природы широко распространён в живой природе. Например, птицы строят удобные гнёзда, бобры – целые плотины и т.д. и т.п. Другие считают, что только человек обладает разумом. Ничего подобного – разум разного уровня развития присущ всем представителям природы. И рефлексия у них есть, и сны они видят, а способность к обучению отдельных представителей фауны иногда просто поражает. Бессчётный ряд человеческих поколений ушёл в небытие, прежде чем наш современник смог весьма ограниченно реализовать извечную мечту о быстром перемещении в пространстве, а птица давно уже взмахнула крыльями и полетела туда, куда ей надо. Достижения генетики шокировали многих: генный набор человека и других представителей животного мира принципиально не отличаются друг от друга. По-другому и быть не может, т.к. мы «единородные дети» общей памяти-бытия.

Некоторые нравственные категории, например, забота о потомстве, чувство ревности, верности и даже чувство вины, также присущи животным. Домашние животные иногда не только приобретают черты характера хозяина, но даже могут страдать от психосоматических заболеваний, чего не бывает у этих зверей в естественной природной жизни. Эмоции же вообще служат универсальным языком общения разных видов животных друг с другом и с человеком. Пантеистические идеи перевоплощения сформировались в процессе наблюдений за сходством в

поведении человека и животных. Поэтому у многих людей существует твёрдое убеждение, чуть ли не в полной идентичности людей и зверей. Так ли это? Есть ли у человека что-нибудь такое, чего нет у животных?

Да, есть! Это социальная память, мечтающая о славе и бессмертии. Человек принципиально выделился из животного мира тогда, когда стал запоминать себя в памяти других опосредованно, с помощью предметов неживой природы. Прачеловек анализировал мир вокруг себя, видел и познавал из коллективного знания своих сородичей, что не всё подвержено изменению, рождению и смерти. Существовало то, что было постоянно: солнце, расположение звёзд на небе, само небо, горы, смены дня и ночи, и ряд других повторяющихся событий. Было совершенно очевидно: в мире есть то, что не подвластно смерти. Стремление приобщиться к бессмертию чего-то или кого-то более сильного, чем он сам, стало исключительно человеческой мечтой. Эта мечта переросла в практические действия и ритуалы. Вначале это могли быть символы первобытной семьи, затем символы рода и символы богов. Через предания и легенды, места захоронений, рисунки, пирамиды, памятники, письменные знаки, мифы, теории, фотографии, фильмы и т.п. человек ищет способ обессмертить себя обретением славы в процессе короткой жизни. Мотив бессмертия – человеческое порождение общепсихологического принципа выживания, постепенно трансформировался в виртуальную идею цивилизации.

Всё живое на Земле, в том числе и человек-зверь, автоматически запоминает себя в потомстве «по образу и подобию». А человек-бог дополнительно умеет запоминать себя ещё и в памяти корпоративного Бога. Подобная возможность позволяет человеку строить отношения с другим человеком по-другому, нежели это самоорганизуется в Природе. Это в животном мире телесные параметры и уровень сексуальной активности индивида действительно определяют его место в иерархии сообщества особей, а у человека всё происходит несколько иначе.

Чем значимее позитивная или негативная роль человека в социуме, тем большую память о себе он оставляет. Поэтому египетские цари начинали строить пирамиды в память о себе задолго до своей смерти. Император Пётр Первый гениально увековечил

себя, построив не просто пирамиду, а целый город в свою честь – Санкт-Петербург, хотя из военных соображений можно было ограничиться постройкой сторожевых крепостей.

Благодаря работам З.Фрейда⁷, достаточно широко распространено однобокое мнение о творческих людях: они занимаются искусством потому, что не могут или не имеют возможности полноценной реализации своих сексуальных устремлений. Автор пансексуализма очень удачно нагрузил мир своими проблемами. Но такое понимание жизни выражает лишь очень узкий срез из его социального окружения. Не сублимация ущемлённого либидо, а сущностное стремление личности приобщить себя к вечности формирует одну из частично неосознаваемых мотиваций в жизни каждого человека, является основой и движущей силой любой деятельности, в том числе и творчества. Повсеместная распространённость и жизнестойкость религиозных воззрений во многом обусловлена догматом о бессмертии каждой души: живи праведно, молись, и душа твоя да пребудет вечно в раю угодна Богу. Перспектива достойная и заманчивая для обывателя. Соответственно этому утверждению творились и сейчас создаются многочисленные символы вечности, включая дворцы, храмы, скульптуры и много-много чего другого.

В предложенном объяснении организации бытия кибернетическое понимание разума как измерения различий между матричными элементами памяти приобретает свою логическую завершённость, т.е. смысл. Если обозначить нелинейные взаимоотношения между матрицами памяти (квантами) как колебания разума (волна), то можно эвристически утверждать, что квантово-волновое переплетение специализированных форм памяти-разума – это и есть тот самый таинственный *virtus*, который структурирует множественные пространства-времена памяти-бытия Вселенной. В прикладном аспекте всё это подтверждает достаточно тривиальное положение о том, что для психики питательным субстратом является информация как множественная функция деления-синтеза единой памяти-бытия.

Новая мировоззренческая парадигма позволяет переоценить ряд актуальных научных и мировых проблем. Коэволюция есть процесс непрерывной трансформации матриц памяти-разума (*virtus*). Тогда стоит ли тратить огромные средства на попытки скопировать человеческий мозг, если можно создать принципиально новые носители виртуса?

Хайдеггер⁸ достаточно убедительно показал в своих работах, что человек берёт из природы наличествующий в ней материал, чтобы поставить новый полезный продукт с заданными свойствами. «Постав» (Gestell) – это скрытая сила, порождающая сущность и феномен современной техники. Но это не просто сущность техники, а некое таинственное начало, порождающее её; с позиций авторского виртуалистического понимания бытия мы считаем, что «постав» – это творящая часть *virtus(a)* техники так же, как самообраз – это творящая часть *virtus(a)* человека.

Можно переосмыслить причину выхода человека в Космос: это живая планета Земля стремится обессмертить себя среди других живых планет в Памяти Вселенной. Возможно, что это и есть основной вектор развития цивилизации, смысл жизни человечества. В узловых точках виртуального разума ноосферы в настоящее время проживает уже достаточно много людей, устремивших свою телесность, интеллект и волю в реализацию сверхзадачи *Homo sapiens*.

Или, например, можно задуматься о негативной роли самых вроде бы «безобидных» наук, таких как археология и история. *Virtus* разрушился, на его месте живёт и развивается народ, не знающий, что происходило давным-давно на этой территории. Но... археолог откопал фрагменты старой памяти, а историк (писатель, поэт, политик) сказал: «Здесь раньше жили мои предки!» – и реанимируется старый *virtus* под именем Молох, пожирающий ни в чём неповинных людей в Палестине-Израиле, на Кавказе, в Африке, Азии. Китай претендует на территории до Байкала, Япония – на Курильские острова и т.д. и т.п. Зато археолог (историк, политик и т.д.) заявил своё имя на пребывание в «вечности». Модель вечной памяти о Герострате сейчас актуальна как никогда. Шахиды с взрывчаткой на своём теле улетают, по убеждению исламистов, не куда-нибудь, а сразу в бессмертие. На миру и смерть красна, – гласит русская пословица. Гуманитарные последствия подобных действий бывают избыточны и трагичны.

Может быть, более этично руководствоваться тем, что «благодарная память потомков – лучшая награда живущим здесь и сейчас». Предлагаем задуматься.

А можно ли измерить и оценить гуманитарные риски того, что «задумалось» внутри вас? Можно, и об этом во второй части статьи.

Инструментальное измерение гуманитарных рисков

Любое социальное поведение изначально сопряжено с неопределенностью и риском, потому что, во-первых, человек не является абсолютно рациональным и «ему свойственно ошибаться». Кроме того, во-вторых, среда действия имеет вероятностный характер, она не предсказуема в полной мере. В этом контексте известно показательное высказывание одного биржевого спекулянта: «Никто не знает, что будет дальше... У рынка нет памяти, нет лояльности, а самое ужасное, что у него не больше инстинкта самосохранения, чем у тайфуна» – это именно то, внутри чего мы все сейчас живём. Выясняется, правда, что у этого финансово-экономического и социального тайфуна есть конкретные родители, сознательно организовавшие чужую деятельность в пользу своей алчности и наживы. Они знали, к чему может привести их бизнес, значит, виноваты в том, что происходит сейчас с другими. Можно ли заранее измерить праведность декларативных заявлений? Уже можно.

В настоящее время «гуманитарный» риск (социальный, экономический) изучается, как правило, в соответствии с исторически сформированной «технической» традицией измерения рисков. Личностное же измерение гуманитарного риска осуществляется естественнонаучными методами. Следует отметить «разорванность» существующего подхода: «смысловую субъективность без формальной объективности» психологического метода и «формальную объективность без смысловой субъективности» психофизиологического метода. Поэтому кадровый менеджмент осуществляется в пространстве противоречивых оценок результатов известных методов и методик из-за отсутствия адекватного метода регистрации данных о внутренних моделях действий человека.

Вернёмся к вечной теме «идеальное–материальное» с позиций виртуалистики. Мысль, это всем известно, может быть идеальной в понимании «абстракция»: пришла, ушла и забылась без каких-либо последствий. Но мысль может материализоваться вначале в модель действия, а затем и в само действие с разными последствиями и разной степенью гуманитарного риска. Следовательно, желательно знать эти модели, чтобы помочь человеку

оценить свои потенциальные риски. При психологическом тестировании на бумаге или под клавиатурой компьютера остаются следы «идеальной мысли», поскольку никакого способа измерить величину её материальности нет. Психология измеряет идеальное у одного и сравнивает полученное с идеальным в группе других, но оперирует при этом категориями валидности, надёжности и достоверности, которые следует использовать при измерении материального. Такое вот лукавство и, соответственно, огромный и неуправляемый гуманитарный риск от применения самого метода в сфере управления человеческой деятельностью. И никаких реальных мер корригирующего воздействия применить к науке «психология» невозможно, поскольку нет инструмента измерения пользы или вреда от самого процесса как бы измерения идеального. Это сродни богословским наукам – знать и верить можно, а проверить нельзя.

Эгоскопия⁹ – инновационная технология синхронного измерения а) ментальных, б) вегетативных, в) пиктографических волевых и неосознаваемых психических и физиологических, т.е. идеально-материальных процессов индивидуума в псевдотрёхмерном пространстве общей матрицы данных, – объединила два указанных метода. Это позволяет получать объективные результаты смысло-эмоционального измерения моделей разнообразных действий личности в логике гуманитарных рисков: чем меньше балл (1–10) – тем меньше риск этого фактора и тем успешнее человек. Гуманитарный риск в эгоскопии – это маркер внутреннего конфликта (проблемы) по конкретной теме актуального реста, он же – маркер потенциальной возможности внутренне-внешнего конфликта в данной смысловой сфере. Измерение сопровождается автоматическим вычислением достоверности объективно полученных результатов по обратному критерию: чем выше балл (0–4) достоверности, тем надёжнее результат. Это особая фишка эгоскопии: «просто и достоверно». Данный подход соответствует концепции «экономического империализма», которая утверждает, что на принципах минимизации затрат при максимизации прибыли базируются все виды социального поведения, и концепции «неосознаваемой внутренней выгоды» при осуществлении целенаправленной деятельности.

В эгоскопии вместо термина «тест» используется понятие «рест» – это реальный статус какой-либо конкретной внутренней структуры человека среди других исследуемых структур личности в данной тематике заданий. Для понимания сути нового метода рассмотрим реальный случай дифференциальной диагностики виртуалов.

Фабула случая жизненно проста: владельцу предприятий нужен директор для одного завода, способный закупить новое оборудование и нанять персонал, чтобы возродить промышленное производство. Специфика производства такова, что директору необходимо будет самому совершать частые командировки в разные регионы страны. На объявление в Интернете откликнулись три претендента, имеющие опыт работы в этой отрасли. Все претенденты подошли по заявленным условиям, прошли кадровую проверку и понравились собственнику завода. Осталось выбрать одного из трёх кандидатов. Он обратился к нам. Приводим выборку из заключения по исследованию испытуемых с помощью эгоскопии:

– Исследование проводилось в два этапа. В первый день испытуемым был предложен стандартный авторский рест «Бизнес», используемый консалтинговой фирмой для решения вопросов частного инвестирования бизнес-проектов. Через пять дней испытуемым был предложен авторский рест «Новый сотрудник», созданный специально по заявке и перечню отдела кадров для конкретной ситуации выбора претендента на должность директора. Текст этого реста прилагается отдельно для подробного ознакомления с содержанием заданий.

– Все испытуемые находились в одинаковых внешних условиях пиктополиграфического исследования, все получили одинаковые инструкции.

– Исследование выявило относительное сходство внутренних структур у г-на 'R' с г-ном 'G' и их значимое различие с г-ном 'S'. Так, например, соотношения декларативных (направленных вовне, для других) и рефлексивных (направленных вовнутрь, для себя) решений предложенных заданий у 'S' превышают идеальную норму (1,0) и соотносятся как 21 к 10 (2,1). Но в то же время у 'R' (29 к 2, равно 14,5) и 'G' (26 к 3, равно 8,7) отмечена крайняя разбалансированность по этому показателю – это явное свидетельство

того, что они отнеслись к ресту поверхностно и решали задания путём максимального внешнего декларирования (идеализации). 'S' же, наоборот, отнёсся к исследованию серьёзно и предъявил достоверно сформированные внутренние структуры в большинстве своих ответов. Более того – у него стабильные результаты по двум рестам.

– **Основной вывод:** из трёх кандидатов на должность директора первое место со значимым отрывом занял г-н 'S'. Второе место – г-н 'G', третье – г-н 'R'.

– Обоснование вывода содержится в таблицах и проиллюстрировано в соответствующих графиках (в статье опускаем).

– Следует отметить, что рест «Бизнес», содержащий общие и неконкретные формулировки заданий, не выявил значимых различий между кандидатами, поэтому первое место у г-на 'G' в этой опции недостоверно и больше свидетельствует в пользу относительной приоритетности его фантазийного потенциала. Рест «Новый сотрудник» конкретно нацелен на вакантную должность и помог выявить различия между претендентами. С точки зрения средних результатов претенденты отличаются друг от друга незначительно, но при поэлементном ранжировании выявилась устойчивая приоритетность 'S' по сравнению с переменными рангами 2-го и 3-го места у 'G' с 'R'.

Таблица 1.

Распределение претендентов по результатам эгоскопии:			
Ранговое место результатов:	1 место	2 место	3 место
Всего приоритетов (сравнений) (44 = 100%):	'S' (36 = 82%)	'G' (17 = 39%)	'R' (23 = 52%)
Всего тем, относящихся к группе пограничного гуманитарного риска	2	16	9
Примечание: в эту таблицу, приоритетную для 'S', вошли все темы, относящиеся к темам производства и бизнеса. На втором месте 'G', но у него, по сравнению с другими, выявлено значимое превышение числа тем с пограничным гуманитарным риском (больше 6,5 баллов) – см. таблицу 2, выделено полужирным шрифтом.			

Таблица 2.

Результаты исследования претендентов с помощью реста «Бизнес» и реста «Новый сотрудник»						
Измеренный параметр:	Интегральный балл гуманитарного риска (ИБГР)			Достоверность от 0 до 4		
Фамилия претендента:	'S'	'R'	'G'	'S'	'R'	'G'
Тема реста	Общие результаты					
Рест «Бизнес» полностью	5	5.1	5.1	2.4	1.9	3
Рест «Новый сотрудник» полностью	4.9	6.1	5.9	3.3	1.8	2.4
Фискальная часть р. «Новый сотрудник»	4.9	6.3	6.6	3.8	1.9	2.7
Творческая часть р. «Новый сотрудник»	4.9	6	5.6	3	1.7	2.3
Фискальная часть реста «Новый сотрудник»						
Информированное согласие на эгоскопию	4.7	5.8	7.1	4	2	3
Подтверждение факта эгоскопии	4.2	6.3	7.4	3	1	2
Лояльность: Документы	5.1	6.7	6.9	4	2	2
Лояльность: Обязательность	3.7	5.9	5.6	4	1	3
Лояльность: Отчётность	4.7	8.3	6.2	4	1	3
Лояльность: Оборудование	5.3	5.9	6.5	3	2	3
УСК: Ответственность за достижения	4.3	5.9	6.6	4	3	3
УСК: Ответственность за контроль	5.9	6.3	6.8	4	3	3
УСК: Ответственность за неудачи	4.7	6.8	5.3	4	2	3
УСК: Ответственность за партнёрство	6.4	5.6	6.7	4	2	3
УСК: Ответственность за предприятие	5.2	5.9	7.3	4	2	2
Средний балл:	4.9	6.3	6.6	3.8	1.9	2.7
Творческая (проективная) часть реста «Новый сотрудник»						
Управленческий опыт	3.5	7.2	4.5	3	0	4
Производственный опыт	4.5	4.7	4.9	4	2	2
Стрессоустойчивость	3.8	5.6	6	3	1	2
Роль: финансовая состоятельность	4.8	7.4	4.9	4	1	2

Роль: семьянин	4.9	6.1	5.6	2	2	2
Роль: руководитель	5.1	4.8	7.6	3	3	2
Роль: исполнитель	4.5	6	7	3	3	0
Роль: профессионал	4	6.8	4.3	2	1	3
Роль: креатив	4.8	4.8	4.8	3	4	3
Мотивация моральная	4	5.4	3.8	4	1	4
Мотивация материальная	3.9	4.9	4.8	3	3	2
Мотивация – командировки	4.1	6.1	7	4	1	1
Моральная ответственность	6.1	5.3	4.3	2	2	3
Коммуникативность	4.6	5.7	4.2	4	2	4
Интеллект	7.1	8.4	6.9	3	0	2
Действия в бизнесе позитивные	5.8	6.1	5.9	2	3	3
Действия в бизнесе негативные	4.2	5.9	7	2	1	0
Будущее – кто?	4.6	6.6	5.9	4	2	3
Будущее – какой?	5	5.6	6.3	4	2	3
Будущее – когда? (исполнится мечта)	6.4	5.5	4	3	2	4
Будущее – где? (исполнится мечта)	7.3	5.7	5.4	2	0	3
Здоровье – ресурсы	4.5	6.1	6.6	3	3	1
Болезнь – проблемы	5.7	6.1	6.4	2	0	1
Отношения с алкоголем	5.6	7.1	6.1	3	0	2
Отношения с наркотиками	4.1	5.2	6.7	3	3	2
Средний балл:	4.9	6	5.6	3	1.7	2.3
Число тем «риска»	2	9	16	–	–	–

Примечания к таблице:

УСК – уровень субъективного контроля, степень принимаемой или отвергаемой личной ответственности человека за события, происходящие с его участием.

В подгруппу фискальных заданий, приоритетную для ‘S’, вошли основные темы, относящиеся к лояльности по ключевым темам производства – он продемонстрировал максимальную лояльность при высокой достоверности результатов.

В этой подгруппе выявлены пограничные темы риска у ‘G’ – выделено полужирным шрифтом.

В подгруппу, приоритетную для ‘S’, вошли основные темы, относящиеся к должности «Директор» – это приоритеты реалиста с высокой достоверностью результатов.

В подгруппу, приоритетную для ‘G’, вошли 3 основные темы, относящиеся к должности «Директор» – это «Профессионал», «Коммуникативность» и «Позитивные действия в бизнесе», и четыре темы, относящиеся к области морали и фантазий, например, по месту и времени исполнения мечты.

Дополнительно к этому заключению ЗАКАЗЧИКУ эгоскопии были представлены таблицы с топологией (4 сегмента в пространстве матричного квадрата) типов логических стратегий претендентов с их смысло-эмотивными кодами личности – они у них разные, и мы их не представляем из-за ограниченности объёма статьи. В ряде случаев топология моделей логических стратегий и кодов личности может понадобиться руководителю при подборе сотрудников для конкретных видов деятельности.

Выводы:

Виртуалистика памяти – новая естественнонаучная концепция памяти-бытия помогает понять и сможет, по нашему мнению, изменить иерархию мировоззренческих проблем, связанных с социально-историческим развитием цивилизации.

Эгоскопия в качестве идеально-материального ключа виртуального человека дополняет известные методы гуманитарной экспертизы новым содержательным контекстом.

Перспективы использования новой гуманитарной технологии велики, в предельном варианте она разовьётся в новое академическое направление объективной психологии.

Примечания

¹ Цит. по: <http://www.typelogic.ru/persons/Eckhart.html>

² Юрьев Г.П. Теория смысло-энергетического системогенеза как фактор развития учения об интегральной индивидуальности // Психология индивидуальности в трудах В.С.Мерлина и её развитие в современном человекознании / Под ред. В.В.Белоуса. Пятигорск, 1998. С. 131–148.

³ Цит. по: http://orel3.rsl.ru/nettext/02_06_05/ekhart/page08.htm

⁴ Бейтсон Г. Экология разума: Избр. ст. по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Пер. с англ. М., 2000.

- ⁵ *Клаус Г.* Кибернетика и философия / Пер. с нем. М., 1963.
- ⁶ *Юрьев Г.П.* Трилемматические миры // Филос. науки. 2007. № 8. С. 47–61.
- ⁷ *Фрейд З.* Психология бессознательного: Сб. произведений / Пер. с нем. М., 1990.
- ⁸ *М. Хайдеггер.* Вопрос о технике // Время и бытие. М., 1993.
- ⁹ «Эгоскоп» (латинское ego я + греческое skopeō наблюдать, исследовать) – автор метода Г.П. Юрьев, изготовитель ООО «Медиком-МТД» г. Таганрог.

М.А. Пронин, Г.П. Юрьев

Онтология ошибки: не-виртуалистика и виртуальный подход

В статье вскрываются онтологические основания, лежащие в основе эпистемологических трудностей понимания природы ошибки и современное состояние проблем их понимания.

Работа продолжает многолетние исследования Н.А.Носова (1952–2002), посвященные ошибкам на примере изучения деятельности человека-оператора – военного летчика, – начатые им в 80-е гг. XX в. в Институте авиационной и космической медицины МО СССР и продолженные в созданном им Центре виртуалистики (ЦВ) Института человека РАН (1991–2004).

Статья состоит, во-первых, из краткого аннотированного исторического очерка-обзора основополагающих работ на данную тему, выполненных как Н.А.Носовым, так и сотрудниками ЦВ.

Раскрыт *виртуальный* конфликт – парадигматический конфликт, лежащий в знаниевых структурах современной *константной психологии* (не-виртуалистики), затрудняющих понимания природы ошибок и разработку проблемы.

Во-вторых, в статье представлены новые результаты исследований. Показаны теоретические возможности виртуального подхода и его практическая реализация в виде аппаратно-программного комплекса «Эгоскоп» для объективной дифференциации *ошибки* и *умысла*.

Очерчены перспективы дальнейших фундаментальных теоретических и прикладных исследований ошибок в рамках гуманитарной экспертизы.

Ошибки и история виртуалистики

Проблемой, на которой развернулась история виртуалистики, стали для Н.А.Носова ошибки пилота. На этот факт есть несколько ответов, но главный состоит в следующем.

Все дело в том, что «в современной психологии ошибки человека такое же маргинальное явление, как психологические виртуальные реальности, – писал Н.А.Носов в 1994 г. – И подход современной психологии к ошибкам точно такой же, как и к психологическим виртуальным реальностям: как виртуальные реальности пытаются объяснить через какое-либо известное явление (стресс, функциональное состояние, творчество и т.п.), так и ошибки объясняют через какие-либо известные механизмы: неадекватности ассоциаций, мышления, обучения и т.д.

Так же как и психологические виртуальные реальности, ошибки человека требуют нетрадиционной методологии их изучения»¹. К этому его утверждению и сегодня трудно что-либо добавить.

Собственно с ошибок и началась история виртуалистики.

Термин виртуалистика в отечественной (русскоязычной) литературе сегодня употребляется в широком и узком смысле. В первом случае он обозначает комплекс идей, направленных на объяснение природы виртуальных реальностей, идей, возникших за рубежом и у нас в стране, как считают многие, на волне развития компьютеров и информационных технологий.

Хотя во второй половине XX в. идея виртуальности возникла независимо друг от друга в нескольких сферах науки и техники, тем не менее в результате агрессивной рекламной компании по продвижению компьютеров на рынок термин «виртуальная реальность» стал в обыденном сознании ассоциироваться с компьютерами, а имеющиеся разработки идей некомпьютерной виртуальности для большинства остались втуне².

В узком смысле термин виртуалистика выступает как название одного конкретного парадигматического подхода к проблеме виртуальности. Новое понятие было предложено в 80-х гг. прошлого века Н.А.Носовым и О.И.Генисаретским³ отнюдь не в сфере компьютерных технологий, а на материале *индикативных состояний* (консуетальных – обыденных, от лат. *consuetus* ‘нормальный

обычный' – и *виртуальных*: гратуалов и ингратуалов) в деятельности человека-оператора. Собственно, виртуалистике в узком смысле этого термина и посвящена настоящая статья.

В *гратуале* (*gratus* – **привлекательный**) деятельность воспринимается как легкая, а в *ингратуале* (от лат. *ingratus* – непривлекательный) как затрудненная, предкновенная. Виртуальные события, состояния, в отличие от других психических производных, типа воображения, характеризуются тем, что человек воспринимает и переживает их не как порождение своего собственного ума, а как реальность.

Анализ феноменологии, собранной в процессе исследования, и других литературных источников позволил Н.А.Носову и О.И.Генисаретскому выделить четыре признака виртуальной реальности любой природы: *порожденность*, *актуальность*, *автономность* и *интерактивность*. Разъяснение проявлений признаков произойдет по ходу настоящей работы.

Феноменологический материал, положенный в основу данного оригинального отечественного подхода, был оформлен Н.А.Носовым в его кандидатской диссертации по психологии и в брошюре «Ошибки пилота: психологические причины», вышедшей в свет в издательстве «Транспорт» в 1990 г.⁴.

История формирования понятия «ошибка» в виртуалистике

Итак, речь в вышеупомянутой брошюре «Ошибки пилота: психологические причины» шла о нарушениях в образе полета и об ошибках пилота, связанных с нарушенным образом полета (ошибками, порождаемыми такими нарушениями). Причем специально были выбраны ошибки, возникающие в консуетальном состоянии, т.е. в тех случаях или ситуациях, когда и условия полета, и состояние пилота были совершенно нормальными.

Это самые сложные и трудные для расследования ошибки, т.к. они связаны с объективными, не зависящими от исходного и/или текущего состояния сознания и воли пилота, а не с субъективными причинами, приводящими к нарушениям функционирования образа полета, например усталость, недомогание, невнимательность и т.п. То есть трудности расследования (понимания) объективных ошибок состоят в том, что эти ошибки происходят

в нормальном состоянии сознания и воли человека, но эти ошибки – психологической природы. Иными словами, они субъективны по происхождению, но совершаются они в силу *природных особенностей функционирования психики человека*, и в этом смысле они объективны.

В работе дана психологическая характеристика ошибочных действий пилота и особенно подробно рассмотрен один из предложенных видов нарушений образа полета: образование (порождение) *псевдодействий*. Именно этот механизм лежит в основе так называемых ошибок «забывания». Летчик, находясь в «здоровом уме и твердой памяти» – в обычном (консультальном) состоянии – «забывает» выпустить шасси при посадке, т.к. считает, что их уже выпустил. Или, наоборот, «забывает», что уже их выпускал и убирает шасси во время посадки – на пробеге, намереваясь их выпустить.

То, что во внешнем плане деятельности (со стороны наблюдателя) воспринималось как феномен «забывания» либо «*перепутывания*» – летчик вместо того, чтобы выпустить шасси совершил какое-то другое действие или вместо того, чтобы совершить какое-то действие – убрал шасси, – во внутреннем психологическом плане деятельности проявляется как феномен «*неразличения*». Летчик вместо одного действия совершает другое, но считает, что выполнил то, которое намеревался.

Заметим, что методология исследования подробно была изложена и обоснована Н.А.Носовым позднее – в работе 1994 г., где им было отмечено, что для «однозначной квалификации отклонения в деятельности ее необходимо описать в трех планах: нормативном, поведенческом и внутреннем плане»⁵ – иными словами, в нескольких пространствах, реальностях или проекциях. Тем не менее, о *полионтизме* – множественности реальностей – о рассмотрении проблемы на философском, на парадигматическом уровне речь тогда еще не шла.

«Нормативный план отражает, что должен делать человек в данной ситуации его деятельности, причем в этом плане фиксируются не только внешние компоненты реальной деятельности, но и внутренние, выраженные, например, в таких требованиях инструкции, как “убедиться”, “сопоставить значения” и т.д.

В поведенческом плане выявляется, какие действия (двигательные и умственные) реально совершал человек в данной ситуации (к умственным действиям относятся: “подумал”, “показалось”, “вспомнил” и т.д.).

Во внутреннем плане отражается, что человек переживал, осознавал в исследуемой ситуации, как ее себе представлял⁶ – эти события виртуалистика и рассматривает в рамках виртуальных психологических реальностей.

Почему в основе феномена неразличения лежит псевдодействие?

Дело в том, что «псевдодействие – это действие, переживаемое человеком как целостное, т.е. в пространстве “ожидаемое – актуализируемое – достигнутое”, но являющееся результатом сопряжения взаимно-дополнительных фрагментов из разных смежных действий; несмотря на то, что псевдодействие является аномальным – совокупностью двух фрагментов разных действий (намеревался – *ожидаемое*, – выпустить шасси, а снял – *актуализируемое*, – винты с упора, вслед за этим посчитал, что *достиг* выпуска шасси: здесь в скобках разъяснения мои. – М.П.), – в самообразе оно переживается консуетально, как нормально протекающая деятельность⁷.

«*Самообраз* – динамический образ, в котором отражается процесс актуализации образа. Самообраз, в отличие от образа (и близких ему понятий, таких как план, функциональный орган, когнитивная карта, паттерн, энграмма и т.д.) отражает в психике ее же текущие, актуальные состояния. В самообразе, в отличие от образа самого себя, представлено не все содержание психики (мировоззрение, самооценка и т.д.), а только выполняемый акт деятельности, независимо от того является ли этот акт внешним или чисто психическим... Ощущения характера протекания, актуализации психических процессов в самообразе и есть *виртуальные переживания*, и эти переживания образуют виртуальную реальность⁸».

«Основным условием сопряжения взаимодополнительных фрагментов разных актов (образования псевдодействия. – М.П.) является высокая операционализация одного из актов.

Акты бывают двух видов: *действие* и *операция*. Действие – такой акт, который полностью контролируется сознанием, находится в центре внимания. Операция лишь частично контролируется, находится на периферии внимания. Человек может по своему произволу или по необходимости переводить акт из центра внимания

на периферию и наоборот. Этим операция отличается от *автоматизма*, который никогда не меняет своего статуса автоматического акта. Выполнение акта на уровне операции дает возможность человеку выполнять два акта одновременно – за счет неполноценности контроля выполнения одного из них. В рассматриваемых... случаях акт, в котором возникла ошибка, выполняется на уровне операции и контролируется лишь его структурная полноценность. А так как образуется псевдодействие – структурно полноценный акт, то ошибочное действие переживается как правильно выполненное. Поэтому оператор не осознает такие ошибки и не возвращается к прерванной деятельности, будучи уверенным, что все сделал правильно»⁹.

В результате в вышеуказанной работе появилось следующее *определение ошибки*: «...чтобы неверное действие можно было считать ошибкой, нужно, чтобы человек, совершивший это действие, обладал свободой (иначе это действие является *вынужденным* или *спонтанным*). При этом он должен адекватно оценивать текущую ситуацию (иначе это будет *зablуждение*), знать, какое действие является в данном случае правильным (иначе это *проба*), иметь душевные силы для его выполнения (иначе это будет *слабоволие*), не нести за него ответственности (иначе это действие является *преступлением*). *Ошибка* – это отклонение в осуществлении тех процедур профессиональной деятельности, которые человек умел осуществлять правильно, мог выполнить правильно и имел намерение выполнить правильно, и при этом его нельзя обвинить в недобросовестном отношении к своим обязанностям (иначе это будет *проступком*)»¹⁰. Цитированная работа была посвящена именно ошибкам.

Автором предложены гипотезы и схемы механизмов нарушений в функционировании образа полета. Им был разработан и проведен эксперимент, подтвердивший правильность гипотез и схем механизмов нарушений. Проведена фальсификация эксперимента. Предложены подходы и способы предотвращения ошибок. Главная из рекомендаций, основанная на понимании механизма феноменов, – это *аоперационализация действия*: перевод его под контроль сознания либо самим летчиком – за счет внутренних (психических) средств деятельности, либо за счет внешних, например, за счет изменений в элементах управления и/или индикации (все варианты были автором рассмотрены).

Данная работа Н.А.Носова, тематически не выходя за рамки профессиональной психологии и эргономики, имела большое эвристическое значение применительно к пониманию фундаментальных законов функционирования психики человека, ее онтологии (структуры) и связанных с ними постановками эпистемологических проблем и задач.

Осмысление полученных результатов на следующем этапе привело к созданию виртуалистики как парадигматического подхода, к формированию философского уровня рассмотрения виртуальности. «Сам термин “виртуалистика” предложен мною и получил официальный статус в 1991 г., когда была создана Лаборатория виртуалистики в Институте человека Российской академии наук» – так в 2001 г. пишет Н.А.Носов в «Манифесте виртуалистики»¹¹.

Ошибки и «не-виртуалистика»

Сегодня, спустя два десятка лет после выхода первых работ и монографии Н.А.Носова, можно констатировать, что данное направление исследований в авиационной медицине и авиационной психологии практически утрачено: об этом можно судить по последним трудам Научно-исследовательского испытательного центра (Авиационно-космической медицины и военной эргономики) ГНИИИ военной медицины МО РФ – по фундаментальным публикациям В.В.Козлова¹², – одного из ведущих специалистов страны в данной области.

Речь в его работах идет об опасных факторах в авиационной аварийности. «Каждому компоненту системы “летчик – воздушное судно – среда” присущи свои специфические опасные факторы. Применительно к летчику эти факторы получили определение *психофизиологических опасных факторов* (ПФОФ) и представляют собой проявление ограниченных возможностей или нарушения функционирования отдельных психических, физиологических систем и организма в целом при определенных условиях деятельности и жизни, в результате чего снижается эффективность его взаимодействия с самолетом (вертолетом).

К сожалению, хорошо зная особенности воздушного судна и влияния на него внешней среды – продолжает В.В.Козлов, – летчики не всегда достаточно четко представляют *закономерности функциони-*

рования собственного организма, его систем и функций в различных условиях полета. В результате страдает организация деятельности, и принимаются неверные решения, что приводит к снижению профессиональной надежности и возрастанию ошибочных действий»¹³.

В пособии изложены 49 ПФОФ, неоднократно становившихся причиной возникновения, неблагоприятного развития или исхода особых ситуаций полета. Феномены «выполненности» и «невыполненности», «забывания» и «перепутывания» в приведенном перечне присутствуют¹⁴. Однако они отнесены, во-первых, к разным группам: первые три к «особенностям функционирования психики», а «перепутывание» – к группе «особенности функционирования анализаторных систем». Во-вторых, они рассмотрены независимо друг от друга – не в рамках единого механизма нарушений.

Вот, например, каково объяснение механизма «феномена забывания» и соответствующие ему рекомендации.

«Феномен забывания выполнения определенных действий относится к числу ПФОФ, проявление которого в полете нередко приводит к авиационному происшествию. В основе денного феномена лежит нарушение функционирования памяти. Под памятью, как известно, понимается психический процесс запоминания, сохранения и последующего воспроизведения или узнавания ранее воспринятого, пережитого или сделанного.

К сожалению, памяти свойственно забывание воспринятой ранее информации. Если такое происходит, то именно по этой причине летчик пропускает выполнение определенных действий. Активность процесса забывания определяется, прежде всего, тем, насколько прочно был зафиксирован в памяти материал. Иногда страдает механизм воспроизведения хранящейся в памяти информации. Это, как правило, может быть связано с тем, что изменились условия, обеспечивающие воспроизведение той или иной информации за счет появления в поле зрения определенного внекабинного сигнала.

Для профилактики феномена забывания целесообразно:

Добиваться хорошего запоминания информации путем многократного ее повторения (механическая память) или хорошего понимания (логическая память). Материал необходимо повторять с 8 до 12 часов и с 14 до 17 часов, в особо важных случаях – перед сном в течение 20–30 минут.

Периодически бегло повторять материал, что предотвращает его забывание.

Проводить тренажеры в кабине с сознательным воспроизведением на каждом этапе полета всех выполняемых действий.

Оптимально организовывать взаимодействие в экипаже, обеспечивающее взаимоконтроль за действиями каждого из его членов»¹⁵.

Такое чувство, что работ Н.А.Носова в данном институте было и не было...

Виртуальный – парадигматический конфликт

Сегодня решение ряда эпистемологических проблем в философии невозможно без учета некоторых *антропологических констант*, детерминирующих порождение *объектов внутреннего пространства человека* (как бы мы его ни называли: субъектным, антропологическим, психологическим, духовным и т.д., и т.п.) – образов деятельности и их самообразов (образов самих образов, как их *регулятивов – индикативов*). Суть дела в том – формулируя прямо, без очевидных всем уточнений и оговорок, – что сознание, мышление – в широком смысле рациональность, – работают с уже «свершившимся» результатом – с первичным порожденным образом. А все последующие выкладки (вторичные!), будучи с точки зрения логики, содержания и пр., т.е. эпистемологически, абсолютно корректными – могут выводиться из неадекватного первичного образа¹⁶.

История виртуалистики – это история становления нового научного и философского направления. Процесс осмысления природы индикативных состояний у летчиков и их профессиональных ошибок психологической природы потребовал (породил потребность) философского пространства и методологических разработок в области комплексных междисциплинарных проблем изучения человека: так виртуалистика появилась в ИЧ РАН.

Сегодня вышла из печати «Автобиографическая история виртуалистики» Н.А.Носова, написанная им в 1998 г.¹⁷. В ней им подробно прослеживается смена собственных мировоззренческих установок в результате разработки идей виртуалистики.

Для понимания логики становления виртуалистики важны две выдержки из его автобиографии.

«Виртуальной проблематикой я начал заниматься в 1984 г. В этом году, при обсуждении с О.И.Генисаретским проблемы духовного восхождения и нисхождения человека в процессе контакта с высшей реальностью, были теоретически выявлены особые психические состояния, не имеющие смысловой нагрузки и лишь обеспечивающие сам процесс духовного перехода со ступени на ступень, как вверх, так и вниз по духовной лестнице. Этот тип психических состояний не описан в психологии, и по предложению О.И.Генисаретского эти состояния были названы виртуальными, поскольку латинское слово *virtus* имеет два смысла, удачно выражающих особенность обсуждаемых состояний. Первое – особое состояние духа, доблесть, и второе – добродетель. Поскольку виртуальные состояния не несут смысловой нагрузки, а являются формальной характеристикой деятельности, то нами было предположено, что виртуальные состояния есть в любом роде деятельности. В 1985 г. мною было проведено специальное исследование летчиков-испытателей... Виртуальные состояния оказались весьма распространенным явлением... Результаты этой работы описаны в нашей совместной с О.И.Генисаретским статье 1986 г.»¹⁸.

В итоге сегодня в российской авиационно-космической медицине и психологии виртуал виртуальной психологии свернут до 4-х разрозненных ПФОФ – до 4-х элементов. Их «объединение», что полагаем, демонстрирует настоящий обзор, невозможно в рамках теоретических моделей *константной психологии*. В этом суть виртуального конфликта – в нашем случае это несоответствие когнитивных (знаниевых) структур константной психологии феноменологическому материалу исследований – ошибкам.

Виртуалистика и не-виртуалистика

Здесь уместна еще одна, обещанная, выдержка из автобиографической истории виртуалистики Н.А.Носова, касающаяся создания виртуальной философии.

«В 1989 г. мы с О.И.Генисаретским опубликовали четыре статьи, в которых использовалась виртуальность при решении некоторых частных задач технической эстетики и эргономики¹⁹. После этого наши с ним научные пути относительно виртуалистики разошлись: для него виртуалистика стала факультативным

интересом, для меня – основным. Но во многом благодаря именно О.И.Генисаретскому были разработаны философские основы виртуалистики. Дело в том, что однажды он мне предложил провести научный психологический анализ какого-нибудь святоотеческого текста и дал почитать работу Исаака Сирина. В результате для описания ситуаций, описываемых Исааком Сириным, была разработана идея *событийности*, рассматривающая виртуальные феномены как случающиеся события, модель *разворачивания события в реальность и сворачивания реальности в отдельное событие*, а также идеи *перехода существования из одной реальности в другую*. С нашей точки зрения, авторитетнейший в христианстве богослов Исаак Сирин до сих пор считается темным автором именно благодаря тому, что лишь виртуальные модели адекватны его идеям. Впервые работа о Исааке Сирине опубликована в 1992 г.²⁰. Полная, замкнутая, модель соотношения реальностей была описана на основе анализа работы Василия Великого «Шестоднев» (описана в монографиях 1994²¹ и 1995²² гг.). В результате оказалось, что византийская религиозная культура разработала специфическую философию, адекватную для анализа виртуальных реальностей. Эта философия отличается и от античной, и от новоевропейской, и от восточной (в частности, буддийской), характеризующихся жесткостью онтологических схем анализа частных явлений. Интерес к возможности анализа виртуальных реальностей обратил мой интерес к таким маргинальным философам европейской культуры, как Э.Сведенборг (1994²³; 1995²⁴) и Я.Бёме (1994)²⁵, а также классику европейской философии – Фоме Аквинскому, у которого, как оказалось, категория виртуальности была одной из центральных в его философии, к сожалению, совершенно не воспринятой новоевропейской философией (1997)²⁶. По Э.Сведенборгу мы даже провели международную конференцию в 1994 г. (1995). На основе этих исследований была разработана *виртуальная философия* (1998)²⁷ с соответствующей парадигматикой (1998)²⁸. В 1994 г. выходит монография Н.А.Носова «Психологические виртуальные реальности» – книга этапная, переходная к виртуальной философии, к концепту виртуального человека.

Кроме главы «Виртуалистика: введение в психологию виртуальных реальностей», пока позиционирующей виртуалистику в психологическом пространстве науки, в главе «Эксперименты с

виртуальными событиями» не только подробно описаны эксперименты с виртуальными событиями, но и доказана принципиальная воспроизводимость таких событий в эксперименте!

В следующем разделе «Консуетальные события и ошибки человека» развернуто представлена теоретическая модель ошибки, описан эксперимент и даны способы борьбы с ошибками.

Не менее интересны главы: «Психология ангелов по Я.Бёме», «Ангелическое супружество по Э.Сведенборгу», «Виртуальная лестница Исаака Сирина» и «Шестоднев Василия Великого». Данные работы являются серьезными проработками онтологической структуры внутреннего – виртуального человека, – в представлениях Я.Бёме, Э.Сведенборга и Исаака Сирина. Проведена реконструкции виртуальной парадигмы Василия Великого применительно к творению мира.

Обосновывая свой научный интерес к ангелологии, Н.А.Носов писал: «Каждая дисциплина и теория специфицируется тем, какую реальность она берет в качестве последней, высшей. Например, классическая медицина фактически отрицает психологическую реальность, не говоря уже об ангелической, ограничивая себя исключительно организмической реальностью: морфология, гистология, биохимия и т.п. В результате чего целый класс заболеваний и методов лечения просто выпал из нее, в частности, относящиеся к так называемой народной медицине, исходящей из примата духа. Духовная реальность есть ключ к пониманию болезней в народной медицине. Также и в психологии: психология ангелов есть ключ к психологии человека.»²⁹.

Вслед за данной монографией вышла брошюра Н.А.Носова «Психология ангелов»³⁰ (1995), в которой тема нашла свое продолжение. Научная задача изучения данного вопроса была сформулирована им следующим образом: «... итак, ангел входит в психику человека в виде определенного образа и этот образ воспринимается человеком как свой собственный образ, т.е. образованный на основе собственных органов чувств собственной психикой... Мы с сотрудниками экспериментально показали (вышеуказанная глава «Эксперименты с виртуальными событиями» из монографии «Психологические виртуальные реальности». – М.П.), что в некоторых случаях психический образ, а именно виртуальный образ, порождает столь же реальные ощущения и

переживания, как и внешний объект. И в этом смысле, по характеру воздействия, виртуальный образ и внешний объект неразличимы»³¹. Поэтому «человеку легко запутаться, где произошло событие: в мире, порожденном самим человеком, или внешнем, независимым от него.»³².

«Я очень сильно хотел показать в этой книге, – писал Н.А.Носов в главе “Выведение из темы”, – что категориальные аксиомы, на которых строится европейское мировоззрение: сущность-явление, тело-душа, – являются всего-навсего мыслительными конструкциями. Вполне допустимы другие конструкции. Но следует иметь в виду, что сами по себе мыслительные конструкции не имеют отношения к существующему миру и являются лишь способом понимания и объяснения мира, а также основанием для построения собственного поведения.»³³ Недаром самое реальное всегда задается апофатически, т.е. через отрицание: монотеистический непознаваемый, неизреченный и т.д. Бог, буддистская нирвана, даосское неопределяемое Дао и т.п.

...В связи с этим должен отметить: в данной книге речь идет не о предмете веры, а о способе мыслительных представлений реальностей мира, а именно: ангелов и человек.

Из вышесказанного (в книге. – М.П.) видно, что все проблемы ангиологии являются и проблемами антропологии, и в том числе, и психологии, поскольку эти затруднения являются категориальными, т.е. относящимися к *типу интеллектуальной культуры* (курсив мой. – М.П.), а не той или иной частной дисциплине.

Научная психология всегда была и остается редуccionистской, сводя все многообразие психической жизни к одноуровневым моделям психической реальности. Даже если и вводятся различные уровни, то это всегда уровни в рамках одной и той же реальности. Психология бежит идеи трансцендентности, иных реальностей. Поэтому современная психология в принципе не может ухватить сложные психические объекты: сознание, волю и т.п. – поскольку для их изучения необходимо выйти за рамки одной реальности и постулировать полионтологичность психики...

“Психология ангелов” – это интерпретация идей виртуализации на материале ангиологии. В “Психологических виртуальных реальностях” эти же идеи были реализованы на материале ошибок человека...»³⁴.

Виртуалистика «никоим образом не отрицает существование других психологий, с другими онтологическими моделями», завершает свою мысль Н.А.Носов. Поэтому разговор о сравнении современной психологии (не виртуальной, константной психологии) и виртуалистики должен вестись вокруг сравнения их парадигм и онтологических представлений о структуре психики человека.

Все эти работы привели к новому пониманию природы психосоматики, к появлению эгосоматической медицины и созданию Г.П.Юревым технологии эгоскопии.

Эгоскопия

*Эгоскопия*³⁵ – новый метод комплексного исследования человека – основана на теоретических принципах отечественной виртуалистики. Эгоскоп представляет собой аппаратно-программный комплекс для междисциплинарных исследований личности.

В диагностике используются два *синхронно* объединённых метода: 1) пиктографическое выполнение заданий электронным пером на специальном графическом планшете, подключённом к персональному компьютеру (ПК) и 2) полиграфический контроль физиологических сигналов, регистрируемых с помощью специально разрабатываемых укладок для кожно-гальванической реакции, фотоплетизмографии, ЭКГ, ЭЭГ. Физиологические сигналы коммутируются в блоке пациента «Реакор» с помощью доработанного и адаптированного базового программного обеспечения объективного психологического анализа и тестирования.

Технология регистрирует и измеряет процесс порождения (актуализации) виртуальных реальностей личности при взаимодействии внутренних константных (девиртуализированных) моделей действий испытуемого с измерительным прибором (Эгоскопом) в окружении социальной реальности тестирования – при решении экспериментальных задач, относящихся к жизненной компетенции испытуемого. Понятие «жизненные компетенции» включает в себя весь спектр соответствующих компетенций личности – профессиональных, коммуникативных, имиджевых, этических, мировоззренческих и так далее – то, что составляет «компетенции, необходимые для жизни»³⁶.

Несколько уровней статистической обработки исходных данных предоставляют аналитику возможность оценить иерархию жизненных компетенций человека по исследуемым темам в парадигме гуманитарных рисков.

Интегральный балл гуманитарного риска в контексте эгоскопии является маркером потаённых (виртуальных, внутренних) моделей конфликтогенных действий испытуемого, которые способны полномасштабно развернуться в жизненных ситуациях, соответствующих исследуемым смысловым кластерам.

В рамках метода могут использоваться все общеизвестные психофизиологические методы. Кроме того, синхронность как *основной критерий объективного измерения смысло-физиологических данных* позволяет ввести в научно-практический обиход принцип «реального статуса» (реста) внутренних поведенческих микроструктур, каждая из которых инвариантно объединяет внутренне-внешние параметры, относящиеся к компетенции разных научных дисциплин: физиологии, психологии, психофизиологии, психолингвистики, педагогики, медицины, этики, культуры, виртуалистики, философии и др. наук. Это ведущий принцип «междисциплинарной соразмерности эгоскопии» в многомерном жизненном пространстве испытуемых: «биосоциальный человек» внешне един, но критериев, идентифицирующих и дифференцирующих уникальную единичность в объединяющем множестве признаков разных людей – бесконечное множество.

Именно поэтому человека всегда занимала возможность инструментального распознавания потаённых причин внешних действий для того, чтобы объяснить и предугадать поступки других людей. Инструментом диагностики, как правило, был эмпирический жизненный опыт, сравнивающий себя «по аналогии» с другими. Общеизвестно, что использование этого метода в социальной практике довольно часто приводило к случайным и юридически спорным результатам. Социальный запрос привёл к появлению психологических и психофизиологических методов распознавания человеческих свойств.

В историческом измерении последние появились сравнительно недавно и применяются они, как правило, самостоятельно, а если вместе, то с разрывом по времени. *Асинхронность измерений* снижает достоверность этих методов применительно к социально-этической, наиболее важной характеристике деятельности человека.

Отметим также, что до внедрения в практическую деятельность психологических заключений эксперты оперировали эмпирическими описательными характеристиками поступков людей в стандартных жизненных ситуациях. Этому принципу отвечали, в первую очередь, различные религиозные традиции, затем наиболее полно данный принцип воплотился в художественной литературе. Например, Достоевский и Гамсун считали, что последняя должна уделять как можно больше внимания «тайным движениям, которые незаметно происходят в дальних уголках души, необъяснимому хаосу ощущений, тончайшей жизни фантазий», то есть бессознательной духовной жизни личности³⁷. Теоретические работы Фрейда по дифференциации *бессознательных детерминант внешних поступков* человека по сути своей также основаны на описательном принципе «по аналогии».

На основе виртуального подхода Г.П.Юрьевым была выдвинута теоретическая гипотеза, что внутри человека непрерывно *порождается* некий «измеритель» для оценки *актуального* интегрального эффекта сочетаний и степени выраженности модальных компонент (в их традиционном психологическом понимании) при подготовке и осуществлении действий, эквивалентных актуальной *автономной* ситуации. В этом смысле интегратор можно рассматривать как *виртуальный* (см. атрибуты виртуальной реальности выше).

Данная гипотеза получила подтверждение в технологии эгоскопии, в процессе которой синхронно измеряются, а затем статистически сопоставляются модальные параметры моторной, вегетативной и ментальной деятельности испытуемого в привязке к смыслу решений тестовых и речевых заданий. В итоге получается несколько статистических критериев соотношений модальных компонент (СМК), дающих аналитику право косвенно оценивать практически любую внутреннюю деятельность личности по физиологическим параметрам модальных компонент, синхронно измеренных при работе с конкретным смыслом задания.

Статистическая особенность эгоскопии содержится в принципе формирования общей матрицы исходных данных с последующей процедурой нормализации полученных величин. В итоге получается нулевая размерность матрицы – это виртуальный центр её динамической устойчивости, вокруг которого в привычном для нас трехмерном пространстве расходятся все измеренные параме-

тры в зависимости от степени их смыслового значения и различия относительно уравнивающего центра колебаний модальных компонент. Статистически нулевая размерность виртуального центра эгоскопии позволяет эксперту в полной мере реализовать принцип междисциплинарной соразмерности при исследовании самых разных нюансов человеческого бытия в диапазоне от мировоззренческих парадигм до элементарных пищевых пристрастий.

Широкие диагностические возможности новой технологии позволяют достоверно дифференцировать и верифицировать весьма спорные для всех существующих ныне способов диагностики виртуального мира человека критерии *ошибки* и/или *умысла*. Нами проведены первые успешные исследования в этом направлении. Первый круг как бы замкнулся: описательное (идеальное) документирование феномена *виртуальной ошибки*, приведшее Н.А.Носова к созданию виртуалистики, дополнено возможностью измерять и сравнивать материальные инварианты пикто-физиологических процессов и структур.

Вместо заключения

В свете виртуального подхода категории свободы и ответственности личности, категории, важнейшие для понимания и философского осмысления ошибок и/или умысла, лишаются ореола декларативности и приобретают гуманистический статус достоинства человека, доступного измерению.

Но это уже тема дальнейших исследований.

Примечания

- ¹ Носов Н.А. Психологические виртуальные реальности: Приложение к журн. «Человек». 1994. С. 92.
- ² Подробная история идей виртуальности в XX в.: Носов Н.А. Психологические виртуальные реальности; Носов Н.А. Виртуальная психология. М., 2000.
- ³ Носов Н.А., Генисаретский О.И. Виртуальные состояния в деятельности человека-оператора // Труды ГосНИИГА. Авиационная эргономика и подготовка летного состава. Вып. 253. М., 1986. С. 147–155.
- ⁴ Носов Н.А. Ошибки пилота: психологические причины. М., 1990.
- ⁵ Носов Н.А. Психологические виртуальные реальности. С. 95.
- ⁶ Там же.

- ⁷ Носов Н.А. Словарь виртуальных терминов. М., 2000. Примечание: весь словарь на сайте: www.virtualistika.ru.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Носов Н.А. Ошибки пилота: психологические причины. М., 1990.
- ¹⁰ Там же. С. 14.
- ¹¹ Носов Н.А. Манифест виртуалистики. М., 2001. С. 9. Манифест размещен на сайте: www.virtualistika.ru.
- ¹² Человеческий фактор: психофизиологические причины ошибочных действий летчика и их профилактика: Методическое пособие для летного состава и авиационных врачей / Под ред. В.В.Козлова. М., 2002.; Козлов В.В. Человеческий фактор: история, теория и практика в авиации. М., 2002.
- ¹³ Человеческий фактор: психофизиологические причины ошибочных действий летчика и их профилактика: Метод. пособие для летного состава и авиационных врачей. С. 4.
- ¹⁴ Там же. С. 8.
- ¹⁵ Там же. С. 29.
- ¹⁶ Теоретическая постановка проблемы: Пронин М.А. Виртуальные ловушки // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: Материалы 3-го рос. филос. конгр.: В 3 т. Т. 2. Ростов н/Д., 2002. С. 354.
- ¹⁷ Носов Н.А. Автобиографическая история виртуалистики (подготовка публикации М.А.Пронин) // Человеческий потенциал как критический ресурс России. М., 2007. С. 160–174; См. также: Пронин М.А. Носов Николай Александрович (1952–2002) // ММК в лицах. Т. 2. М., 2007. С. 100–104.; Пронин М.А. Виртуал Николая Носова (Выступление на первом заседании семинара РФО «Виртуалистика», 18 янв. 2002 г.) // Биоэтика и гуманитарная экспертиза: Пробл. геномики, психологии и виртуалистики. М., 2008. С. 207–221.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Генисаретский О.И., Носов Н.А. Дизайн и эргономика: варианты взаимоотношений в процессе гуманизации образа жизни // Гуманитарно-художественные проблемы образа жизни и предметной среды: Тр. ВНИИТЭ. Сер. «Техническая эстетика». Вып. 58. М., 1989. С. 101–116; Генисаретский О.И., Носов Н.А., Носова Т.В. Индикативные состояния в деятельности человека-оператора // Техническая эстетика. 1989. № 7. С. 20–22; Генисаретский О.И., Носов Н.А. Самообразы и личностные образцы деятельности // Методологические проблемы проектной деятельности в эргономике: Тр. ВНИИТЭ. Сер. «Эргономика». Вып. 37. М., 1989. С. 44–59; Генисаретский О.И., Носов Н.А. Учет психических состояний при расследовании летных происшествий // Авиамедицинские и эргономические исследования человеческого фактора в гражданской авиации: Тр. ГосНИИГА. Вып. 291. М., 1989. С. 106–111.
- ²⁰ Носов Н.А. Духовная лестница св. Исаака Сирина // Человек. 1992. № 5. С. 76–85; Св. Исаак Сирин. Три степени ведения / Публ. Н.А.Носова // Человек. 1992. № 5. С. 86–99.
- ²¹ Носов Н.А. Шестоднев Василия Великого // Носов Н.А. Психологические виртуальные реальности. М., 1994. С. 175–188.
- ²² Носов Н.А. Психология ангелов. М., 1995.

- ²³ Носов Н.А. Встреча через 80 лет: отклик на новые публикации трудов Эмануэля Сведенборга // Худож. журн. 1994. № 5. С. 59.
- ²⁴ Носов Н.А. Эмануэль Сведенборг об ангелическом супружестве // Урания. 1995. № 2. С. 27–32; Носов Н.А. Сведенборг и Россия // Там же. С. 15–16.
- ²⁵ Носов Н.А. Психология ангелов по Я.Бёме // Человек. 1994. № 6. С. 88–95.
- ²⁶ Носов Н.А. Фома Аквинский и категория виртуальности // Виртуальная реальность: Филос. и психол. пробл. М., 1997. С. 68–85.
- ²⁷ Носов Н.А. Виртуальная философия // Философский век. Альманах. № 7. Между физикой и метафизикой: наука и философия. СПб., 1998. С. 115–124.
- ²⁸ Носов Н.А. Автобиографическая история виртуалистики / Подгот. публ. М.А.Пронин // Человеческий потенциал как критический ресурс России. М., 2007. С. 160–174.
- ²⁹ Носов Н.А. Психологические виртуальные реальности. С. 121.
- ³⁰ Носов Н.А. Психология ангелов. М., 1995.
- ³¹ Там же. С. 44, 45.
- ³² Там же. С. 47.
- ³³ Читая богословские тексты и встречая там критику подчас не столько жесткую, сколь гневную, и ожидая нечто подобное и по отношению к себе, я временами вспоминал притчу о флаге и ветре. Спорят два мудреца, что полощется – флаг, колеблемый ветром, или ветер, бьющийся о флаг. К ним подходит третий мудрец и на их просьбу разрешить спор говорит: «Это мозги ваши полощутся». (Это ремарка Н.А.Носова в цитируемой книге. М.П.)
- ³⁴ Там же. С. 72, 73, 74.
- ³⁵ Технологические сведения по эгоскопии размещены на сайте: www.egoscop.ru
- ³⁶ Мосина Л. Почему к нам приходят «совсем не те»? Компетенции и жизнь. Сайт HRM.ru, 09.10.2007. Кадровый менеджмент. (Цит. по: <http://www.class.ru/hrclub/market/market28/>).
- ³⁷ Будур Н. Гамсун, Достоевский, плагиат... (Цит. по: http://www.norge.ru/hamsun_dostojevskij/).

О.А. Скоркин

Виртуальное в среде образования

Последние десятилетия получили широкое распространение термины виртуалистика, виртуальная реальность, виртуальные объекты, виртуальная среда. Термины имеют давнюю историю и в разное время наполняются разным содержанием. Разным смыслом наполнены они и в разных областях знания. В теоретической механике использовались виртуальные перемещения для расчета нагрузок, в физике элементарных частиц появился класс виртуальных частиц, посредников при преобразованиях одних частиц в другие, в компьютерной технике используется термин виртуальная память, в психологии – виртуальная (имагитивная, воображаемая) реальность. Такое восприятие будем называть виртуальным в узком смысле. Проникновение компьютеров в повседневную, в том числе в подростковую, жизнь породило целый виртуальный мир, противопоставляемый реальному, действительному. Природа возникновения и сфера их существования детально проанализирована в работах [1, 2]. Там же дается и другая (в широком смысле) трактовка термина виртуального, рефлексивно существующего, созданного вопреки материальному, куда можно отнести весь багаж культурного наследия.

Для виртуальной реальности в широком смысле следует обратить внимание на тезис, отмеченный И.Г.Корсунцевым о том, что из противопоставления материальной, несубъектной реальности виртуальной, субъектной следует различие их оснований, базисов – энергетического-вещественного и информационного. Мате-

риальное развитие невозможно без информационного обмена. И, хотя виртуальность является интенциональной антитезой модели, информационная среда – необходимое условие «оживления» моделей, анализа реальных процессов. Мир, построенный на информационном материале, субъективируется по-разному и, по сути, является виртуальным. А информационный материал порождает самостоятельные проблемы.

Нельзя не согласиться с аргументами М.Эпштейна о возрастании диспропорций между развитием человеческой индивидуальности в рамках практически того же возраста и социально-технологическим развитием человечества. Груз знаний предшествующих поколений неусвояем для человека XXI в. Поэтому неудивительна «функциональная» неграмотность современного человека среднего возраста и старшего поколения, увиливающего от технических благ постиндустриального модерна – мобильных, автоответчиков, фотоаппаратов с оцифровкой, мультимедиа-проекторов, компьютеров с разными CD-устройствами, принтерами, сканерами. Не новость, что большинство учителей, включая учителей по информатике и информационным технологиям пользуются помощью учеников для овладения новинками технологий, не будучи способными по инструкциям или по учебной литературе самостоятельно с этим справиться, что и является по сути функциональной неграмотностью. Если кто и держится на уровне, осознает, что это ненадолго. Современный человек пропускает сквозь себя объем информации в десятки тысяч раз больше, чем пять веков назад. Величайшие библиотеки мира каждые 14 лет удваивают свои запасы. Число выпускаемых книг удваивается каждые семь лет [3, с. 217]. Отставание человека от человечества. Значит, выход следует искать в чем-то ином.

«Этот прорыв разума за пределы биологических ограничений приведет в конечном счете к новому симбиозу машины и человека. Раньше человек использовал машины. Теперь человек и машина образуют единое целое. Они могут и должны будут научиться думать вместе» [4, с. 265].

В конце XX в. возникло противоречие между целостностью культуры и технологией ее фрагментарного воспроизводства через знаниевый тип обучения, обострились противоречия между непрерывно возрастающим объемом знаний, необходимых че-

ловеку, и ограниченными условиями овладения ими. Переход в «быстрое» пространство благодаря развитию средств передачи и переработки информации оказался столь существенным и стремительным, что ни экономика, ни система образования оказались не готовыми к этому проявлению постиндустриального общества. Жизненный уклад меняется чаще, чем происходит смена поколений. Специалист практически любой сферы вовлечен в непрерывное повышение образования, иначе рискует оказаться функционально неграмотным.

В существующей ныне, но, по-видимому, совершенно бесперспективной в будущем, информационно-транслирующей парадигме образования, рассчитанной на передачу знаний, трансляцию информационных массивов, скопившихся в различных отраслях науки, техники и технологии от одного поколения к другому, компьютер и его информационно-обрабатывающие функции, – несомненно, благо. Эта парадигма, несмотря на декларативные призывы к ее трансформации и даже полной замене парадигмой личностно-созидательного образования, все еще сильна, но последствия ее уже очевидной несостоятельности перед лицом глобального вызова времени становятся все более угрожающими.

Информатизация – катализатор качественных изменений в работе школы и вуза. Но это не установка компьютеров в школах и вузах и подключение их к Интернету, это – процесс изменения и содержания, и методов, и организационных форм общеобразовательной подготовки в условиях информационного общества. Именно информатика оказывается в ряду предметов, занимающихся образованием человека, причем образованием такого сорта, какое не способен дать ни один другой школьный предмет. Резко возрастает мотивация учеников при подготовке рефератов, докладов и сообщений. Информатика в школе становится «метадисциплиной», «надпредметом», реализующим интегративную функцию, и носителем инновационных процессов в школе [5]. Реальная возможность изменения и в целях, и в содержании, и в методах обучения – качественные преобразования, способствующие повышению эффективности образования, в том числе – распространение практики проведения «учебных проектов» (развитие самостоятельности и практическая направленность обучения),

изменение взаимоотношений между учителем и учеником, новый уровень доступа к информации. Интегративный потенциал современной информатики превосходит все, с чем до сей поры сталкивалось человечество.

Признаками хороших способностей Сократ считал быстрое усвоение человеком предмета, который его занимал, запоминание выученного и интерес к занятиям. «Главная задача вызвать к жизни лучшие, сокровенные душевные силы воспитанника, внимательно изучая его склонности и способности. Истинное знание нельзя вложить в сознание извне, оно должно вырасти из глубины его личности и с помощью учителя выйти на свет во всеоружии, как Афина из головы Зевса».

Конечно, учащимся нужно уметь ориентироваться в нарастающем объеме информации и осознавать время их жизни. Сегодняшняя истина становится завтрашним заблуждением. Это не значит, что не надо изучать сегодняшние факты и истины. Но, понимая смертность знаний, надо осознать вечность самосознания науки.

В течение последней четверти века практически во всех странах происходит смена образовательной парадигмы, смещающая акцент с усвоения учениками готовых знаний на их самостоятельную познавательную деятельность. Новая образовательная парадигма радикально изменяет ситуацию: из жреца – толкователя учебника учитель превращается в лоцмана, указывающего ученику путь в глобальном информационном пространстве, включающем в себя не только множество учебных пособий отечественных и зарубежных авторов, но и новые информационные технологии, в том числе Интернет.

Успешность модернизации российского образования зависит в первую очередь от учителей-предметников. Педагогу-предметнику необходимо осваивать роль консультанта для ученика как активного исследователя, творчески и самостоятельно работающего над решением учебной задачи, широко использующего информационные технологии для получения необходимой информации. Эффективное использование современных информационных технологий, их грамотное встраивание в педагогический процесс своих учебных предметов и в образовании в целом единой информационной среды позволят перейти к новой современной парадигме образования.

Проблема инноваций обычно ограничивается внедрением достижений науки и распространением передового педагогического опыта. При этом возникает образ учителя как человека, которого достаточно наполнить новыми знаниями и умениями, чтобы он стал вдохновенно и результативно использовать новые идеи и способы работы. Практически так не бывает. Нужна питательная информационная среда.

Достойна внимания работа по формированию информационной среды школы, что может быть ее интеллектуальным потенциалом, используя интегративные возможности технических информационных средств. Одной из форм внешней организации школьной информационной среды является медиатека, комплектуемая на базе компакт-дисков из числа тех, которые ориентированы на учебный процесс в школе. Опыт проведения реферативных работ ориентирует на их организацию и последующее использование и, тем самым, на создание информационной среды индивидуальной для каждой школы изнутри, т.е. силами учителей и учеников. Ценностью здесь является не просто обретение навыков пользования компьютером учащимися, но их участия в общем полезном действии – формировании информационной образовательной среды и для себя, и для младших учащихся [6,7].

В состав такой информационной среды может войти, к примеру, летопись школы. Основные события и участники их еще памятливы, однако их полнота через 10–20 лет уже проблематична и потому требует кропотливой и трудоемкой работы. Опыт создания электронной версии летописи школы является хорошим опытом анализа сложного объекта и работы с большими массивами данных. Каждый живой объект, а школа является таковым, обладает своим лицом, и это лицо меняется во времени. Возможность увидеть школу в каждый период своего существования интересно и ученикам, и их родителям, и окончившим школу ранее, и, естественно, учителям. Так что создание и ведение электронного архива школы (кто когда учился, кто кого учил, кто кем стал, фотографии ушедших десятилетий, конкурсные работы школьников, призы и грамоты) – задача, объединяющая всех участников жизни школы, пример проектно-эстетической работы. Доступность материалов летописи школы ученикам (на чтение) способствует обеспечению преемственности поколений и обострению чувства патриотизма в самом высоком его звучании.

Другой компонентой информационного фонда школы, определяющей ее лицо, может служить школьная газета – достаточно типовой материал, существующий во многих школах. Работа с периферийными устройствами, компьютерная верстка и отображение в цвете – это, по-видимому, и все, что прибавляется в привычном процессе организации школьной газеты при использовании компьютеров. Более существенна организация выпуска газеты. Одно дело, если главным редактором газеты выступает, скажем, директор школы, а редакцию газеты составляют учителя информатики и литературы, и совсем иное дело, если газета является самостоятельным органом творчества самих учеников, а привлекаемые учителя являются консультантами, старшими товарищами, советниками (название несущественно), необходимыми для семантических, эстетических и технологических целей, как людей, доверие к которым не вызывает сомнения, и выступающих в качестве помощников в собственно детском (юношеском) творчестве. Кроме успехов в учебных дисциплинах, по тематике которых формируется корреспонденция, существует радость созидания соборного продукта, результаты которого выходят за пределы обучения, в том числе организационные моменты создания общественно значимого продукта. Понятное дело, что при создании газеты используются приложения и технологические приемы, выходящие за пределы, изучаемые на занятиях.

Двуязычная антология поэзии может быть примером той части информационной среды школы, в которой циркулируют задачи нескольких учебных предметов: литературы, иностранных языков, мировой художественной культуры и информатики. Антология представляет собой набор двуязычно представленных стихотворных произведений (файлов), оформленных в основном по единому формату текстового редактора Word, то есть обучаемыми средствами. По авторам представленных стихотворений, вошедших в состав антологии, добавлен комментарий (библиографическая справка) – период и основные события жизни автора, наиболее известные произведения, некоторые из авторов могут быть снабжены графическим изображением. По возможностям школьных учителей организованы поэтические произведения на немецком, испанском и французском языках с параллельными переводами на русский известных мастеров перевода. Аналогичной организации

является антология русской поэзии с параллельным переводом на английский, немецкий и французский языки. Кроме функционально ориентированного интереса освоения другого языка эти информационные массивы являются воротами в некоторую сферу мировой художественной культуры. Пополнение этой информационной среды с естественными условиями единообразия организации выполняется учащимися с удовольствием от осознания важности и серьезности задания.

Дидактические возможности, открывающиеся при использовании фонда на уроках иностранного языка и мировой художественной культуры, безусловно, зависят от педагога и его отношения к компьютерам. Так, компьютерный информационный фонд может быть использован для практики перевода, для грамматического анализа фраз, оборотов, синтаксических конструкций, литературных тропов и пр. Анализ предоставляемых возможностей требует систематизации, опыта использования, и является последующим этапом этой работы. Первоначальные оценки использования такого действенного инструментария довольно оптимистичны и неоднократно декларировались в педагогической литературе, тем более что в печатном или электронном виде такая интегрированная информация не просто тяжело достижима, а практически отсутствует.

Информационный фонд школы – это та особая информация, которая содействует обучению и отражает индивидуальность школы. Наряду с рефератами, докладами, материалами проектов, выше обозначенные материалы регулярно наращивают информационный фонд, доступный для знакомства, анализа, может тем самым составлять то, что наиболее дорого, как авторам, так и навигаторам учебного процесса. Если такой фонд организован, тогда меняется отношение к выполняемой учениками той части труда, которая может стать включенной в информационный фонд школы, проектная деятельность обретает другое звучание. Работу необходимо выполнять так, чтобы интересно было ее посмотреть и через год, и через десять лет.

Технические средства позволяют вести такой фонд в обычной школе, но он требует определенной инфраструктуры. Компьютерный фонд требует регулярного пополнения, структура организации данных может меняться при изменении технологических режимов, смене технических средств и тогда требуется специфическая рабо-

та по его модификации, необходима поддержка «твердой» копии и пр. Без мониторинга не обойтись. Но это техническая сторона проблемы существования информационного фонда школы. Его фильтрация, выбор достойных для памяти примеров, как и выбор тем рефератов или проектной деятельности, это не работа одного учителя, даже очень талантливого. Это результат кооперативной деятельности группы учителей – наиболее сложная часть работы.

Вышеприведенные примеры показывают, насколько значима соборная функция учителей: она может стать интеллектуальным потенциалом школы, она может стать тем родником ученического творчества, которое приумножится в последующей жизни выпускников средней школы. Тенденцию роста интереса к конструируемым информационным средам отражают теперь уже регулярно проводимые смотры ученических проектов, к примеру, на «Ярмарке идей на Юго-Западе». Попытки немногих компьютерных реализаций отдельных школьных проектных работ силами отдельных энтузиастов, к сожалению, не имеют массового характера [9].

Информационная среда, используемая компьютерами в высшей школе, как правило, разрознена и соответствует направленности работ по кафедрам. Первые два курса пользования компьютерами компенсируют недоработки средней школы, дополняются общеинститутской ориентированностью и носят общий характер. Кафедральная же работа замкнута на специфичную тематику кафедр.

Возможность сопоставить характер научных разработок ведущих технических вузов в качестве примера позволяют материалы ежегодного международного семинара лучших студенческих и аспирантских работ вузов физико-математической направленности.

Насколько разнородна тематика исследований видно из перечня секций семинара, не говоря о собственно докладах [8] (нет необходимости для этого классифицировать их):

«Использование языка UML для моделирования протоколов информационного обмена»;

«Автоматизация современных смешанных типов сетевого маркетинга»;

«Модель ведения боевых действий в тактическом тренажере ближнего боя»;

«Среда моделирования роста вознаграждений для матричных компенсационных планов»;

«Распределенная репликативная система отдела кадров в торговой компании»;

«Моделирование задачи торможения и разгона автомобиля»;

«Применение нейронных сетей при распознавании таможенных рисков»;

«Нейросетевая модель прогноза энерговыделений в активной зоне реактора ВВЭР-1000»;

«О моделях вестибуло-окулярного рефлекса»;

«Оптимизация управляемых аэроупругих систем»;

«Программный комплекс для моделирования движения мобильных роботов в сложной динамической среде».

Может показаться, что объединяющим фактором является разве что использование компьютера. Очевидно, что формируемая информационная среда базируется на инструментарии. При этом уходит в романтическое прошлое алгоритмизация технологических процессов, им на смену приходят непрерывно совершенствуемые программные среды и инструментарии. Небольшой перечень названий докладов свидетельствует о том, что инструментарий через используемые модели отражает расширение информационной среды, в которой он функционирует, и общности интересов исследователей. Другими словами инструментарий объединяет интересы исследователей с совершенно разными объектами. И, тем самым, тематическая кафедральная работа совместно с инструментарием составляет информационную среду кафедры и ядро общих интересов коллег. Здесь, конечно, не предполагаются видеоигры, компьютерные развлечения, высокотехнологичные гаджеты и не инструментарий их конструирования. В природе информационной среды заключено не только ядро общих интересов исследовательского коллектива, но и вектор его развития. Существующее же высшее образование, ориентированное на освоение совокупности некоторых научных дисциплин, не обеспечивает освоение современного мышления и деятельности, не говоря уже о требованиях самой деятельности к специалисту (постановка целей, самоорганизация в проблемных стадиях, использование знаний в организации коллективной деятельности и пр.). Представляет особый интерес работы по созданию и применению ролевых игр, известные по работам С.Попова, В.Никитаева, В.Головняка, С.Поливанова и др. Однако

реализуемые проблемы мыследеятельности пока носят общий, методологический характер и еще далеки от создания учебной виртуальной среды.

Возвращаясь к началу изложения, отметим еще раз необходимость создания предметной, а еще лучше многопредметной информационной среды, на основе которой возможно функционирование виртуального, как справедливо отмеченное Н.А.Носовым [2] – составленное из всех способностей постижения, и, стало быть, дающее импульс для творчества.

В лучших школах, на профилирующих кафедрах лучших вузов так и делается. Создаются свои виртуальные среды, в которых каждый причастный им может реализовать свою индивидуальность по мере своих способностей и пропорционально вложенному труду. В значительной мере реализуются соборные функции педагогов. А новые информационные технологии расширяют методы работы с информационной средой. И фактически осуществляется переход на другую парадигму обучения, в которой связь ученик – педагог становится значительно тоньше, деликатней и долговечней. Как при управлении научной деятельностью важно пробудить интерес к проблеме, а далее разве что посоветовать возможные направления поиска.

Еще раз повторюсь, создание в широком смысле виртуальной среды – сложный и тяжелый труд для избранных коллективов, удел исключительных. Невольно вспоминаются слова известного ученого, которого спросили, что он вспоминает о школе. Он ответил, что на всю жизнь благодарен своему учителю литературы, который научил его читать книгу. Очень актуальные слова – при богатейших возможностях доступа к информации и неумении работать в среде Интернета и отсутствии интереса к текстам в твердой копии.

Взглянем реальности в глаза. До 90% учеников РФ оканчивают школу с негативным отношением к ней. Такие данные привела директор Института возрастной физиологии Российской академии образования Марьяна Безруких (Центр Левады лет пять назад дал еще более жесткую оценку – до 95% ученики ненавидят школу). По ее словам, на сегодняшний день наблюдается печальная тенденция – все больше первоклассников не хотят идти учиться уже с первых дней. Около 80% детей не желают идти в первый класс,

хотя 30 лет назад более 99% малышей шли в школу с желанием, говорит эксперт. К декабрю число нежелающих учиться обычно растёт. В 1970-е гг. оно к этому моменту достигало 60%, сейчас сохраняется на уровне 80%. По словам Марьяны Безруких, это связано с тем, что сейчас будущих первоклассников успевают «замучить» уже до школы, навесив на них огромные нагрузки – иностранные языки, множество секций и кружков. Многие знания, которыми обладали школьники лет 30 назад, теперь, напротив, утрачиваются. «Даже сказки Пушкина малышам приходится расшифровывать, или объяснять, что такое лента, которую заплетают в косу», – говорит специалист [10].

Если учитывать связность цепочки «школа – вуз – трудовая деятельность» и преемственность траектории своего развития, то как самое-самое драгоценное, что могла бы дать школа – это любить учиться и как *minimum minimumum* – научить читать, научить слушать и слышать, раскрыть диапазон средств анализа, погрузить в современные компьютерные технологии, вооружить знанием 2–3 европейских языков. Последние три десятилетия сотрясают реформы образования и демагогическая трескотня успехов в сфере образования. Однако при регулярном знакомстве с новостями в сфере образования диву даешься, насколько ржа показухи пропитала и школу, и вуз. Вот уж поистине чуть ли не каждый месяц реформирующие нововведения, а спустя столетие почти то же самое, а то и хуже. Неужели реформы порождаются головотяпами, которые не могут предвидеть последствия нововведений? Вряд ли. Не страна же мы непуганых идиотов? По-видимому, надо взглянуть на другой срез. Предметное содержание все насыщается и пухнет от размеров. Учитель физики не понимает проблем содержания учителя биологии, а учитель русского и иностранного языка практически не общаются. Хорошо, что память держит в голове 3–4 дня эклектический хлам и отсеивает ненужное. И вообще содержание программ обучения живет самостоятельной жизнью. Так вот таким срезом является авторство нововведений – чиновник правит бал, естественно защищая чиновничье благополучие. Новизна в системе оплаты – в укреплении административного персонала, ЕГЭ – в упрощении оценивания уровня знаний. Такое ощущение, что создать республиканский лепрозорий на время препровождения в школе – голубая мечта чиновника, лишь

бы не болтались по улицам и все время были обременены необходимостью что-то выполнять, упражнения, примеры, неважно что, были бы озабочены.

Сколько не ругают Вальфдорфскую школу (она уже давно не Вальфдорфская, ей лет пять назад номер присвоили), одно бесспорно – значительно выше мотивация учащихся. А почему бы в нашей великой вечно молодой (всегда строящейся) стране не сделать очередной шаг по пути демократизации – предоставить возможность выбора учащимся, чему учиться (хотя бы в некоторой степени). Зачем, спрашивается, молодому человеку, ориентированному на театральное поприще, физика или химия в полном объеме средней школы, когда он может ограничиться представлениями культурного человека XXI века, или увлеченному математикой или физикой та же биология в полном объеме. Отчего бы не ввести двухуровневую аттестацию, соответствующую интересам учащегося? Об этом, кстати, уже много писалось и говорилось, не новость. Кроме мотивации обучающихся, снимается множество противоречий в аттестации, в системе оплаты преподавателей, меняется характер диалога «учитель – ученик», ученик в большей мере становится Человеком. Индивидуальный аттестат. Собеседование приобретает другой смысл, поскольку виден круг интересов абитуриента. Однако мечтать не вредно. Возможность такого шага проблематична в другой плоскости – для этого нужно заставить трудиться весь административный аппарат, и администрацию школы, и все вышестоящие звенья системы образования, всю чиновничью службу. А чиновник трудиться не любит, чиновнику довольно любить себя.

Литература

- [1] *Корсунцев И.Г.* Субъект в технологическую эпоху. М., 1997.
- [2] Виртуальная реальность: Философские и психологические проблемы. М., 1997.
- [3] *Эпштейн М.* Информационный взрыв и травма постмодерна // Звезда. 1999. № 11. С. 216–227.
- [4] *Бернал Дж.* Двадцать пять лет спустя // Наука о науке. М., 1966.
- [5] Метаобразование как философская и педагогическая проблема: Сб. научн. ст. Ставрополь, 2001.
- [6] *Ястребцева Е.Н.* Школьный библиотечный медицентр: от идеи до воплощения. М., 2001.

- [7] Проблемы и перспективы теории и практики ученического проектирования: Сб. ст. / Под ред. Н.Ю.Пахомовой. М., 2005.
- [8] Труды Международного научно-технического семинара. Современные технологии в задачах управления, автоматике и обработки информации. Алушта, 2006.
- [9] Школьный сектор: История образовательного Интернета в рассказах ее участников. М., 2002.
- [10] osvita.org.ua.

Научное издание

**Биоэтика и гуманитарная экспертиза:
комплексное изучение человека и виртуалистика
Выпуск 3**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник Н.Е. Кожина

Технический редактор Ю.А. Аношина

Корректоры: А.А. Гусева, Е.Н. Дудко

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 25.06.09.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Ньютон.

Усл. печ. л. 15,00. Уч.-изд. л. 11,98. Тираж 500 экз. Заказ № 031.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Т.В. Прохорова*

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14/1, стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии: iph.ras.ru

ИЗДАНИЯ, ГОТОВЯЩИЕСЯ К ПЕЧАТИ

1. **Бурмистров, К.Ю.** «Ибо Он как огонь плавильщика»: каббала и алхимия [Текст] / К.Ю. Бурмистров; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2009. – 295 с.; 20 см. – Библиогр.: с. 276–290. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0139-6.

В монографии впервые в отечественной науке проводится сопоставление учений двух эзотерических традиций – каббалы и алхимии. При анализе особенностей интерпретации алхимических проблем в каббале используется широкий круг еврейских каббалистических и натурфилософских источников, а также тексты европейской алхимии XII–XVIII вв. Основным объектом исследования служит алхимико-каббалистический трактат «Эш мецареф» (XVI–XVII вв.), оригинальный текст и перевод которого публикуется в приложении.

Монография предназначена для тех, кого интересует история еврейской философии и мистики, а также европейская натурфилософия Средних веков и Нового времени.

2. **Гуревич, Павел.** Расколотость человеческого бытия [Текст] / П.С. Гуревич; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2009. – 199 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч.: с. 193–198. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0144-0.

Данная монография представляет собой развитие ряда идей, которые содержатся в работе автора «Проблема целостности человека» (М., 2004). Раскрывая смысл современного толкования человеческого бытия, автор предлагает свое прочтение данной проблемы. Расколотость человеческого бытия показана через бинарные оппозиции бытия и небытия, целостного и раздробленного, телесного и духовного, имманентного и трансцендентного, индивидуального и социального, идентичного и безликого, творческого и разрушительного. Особое внимание в монографии уделено анализу современных философско-антропологических концепций. В книге развивается ряд полемических сюжетов, обращенных к проблеме «смерти человека», «целостности человека», «распаду идентичности» и т.д.

3. **Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход** [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред.: И.Т. Касавин, В.Н. Порус. – М.: ИФ РАН, 2009. – 215 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0145-7.

«Коммуникативная рациональность» – одно из наиболее дискуссионных понятий в современной философии. Его содержание определяется различными методологическими и эпистемологическими «парадигмами», спор между которыми имеет принципиальный характер и привлекает внимание исследователей во всем мире. В статьях, вошедших в этот сборник, освещены важные аспекты этого понятия, от логико-семантических до социокультурных. Обсуждаются возможности коммуникативной интерпретации эпистемологических проблем и эпистемологической интерпретации проблем

4. **Кричевский А.В.** Образ абсолюта в философии Гегеля и позднего Шеллинга [Текст] / А.В. Кричевский; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2009. – 199 с.; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0142-6.

Книга представляет собой первую – общеметафизическую – часть монографического исследования, где предпринимается попытка на основе детальной проработки первоисточников и воспроизведения основных ходов мысли и интуиций Гегеля и позднего Шеллинга провести сравнительный анализ их учений об абсолюте. В центре рассмотрения – проблема бесконечности, свободы и триединства абсолюта как абсолютного духа, а также размышления о возможностях и пределах его умозрительного познания.

Предназначается философам, теологам и всем, кого интересуют фундаментальные проблемы метафизики и кто стремится выстраивать свободное и осмысленное отношение к религии.

5. **Наука: от методологии к онтологии [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: А.П. Огурцов, В.М. Розин. – М. : ИФ РАН, 2009. – 287 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0138-9.** Сборник подготовлен на основе докладов на семинаре Центра методологии и этики науки ИФ РАН и продолжает ранее вышедшие сборники по методологии науки. Основная идея данной книги заключается в том, чтобы показать осознание границ методологии и те процессы, которые привели к поискам новых онтологических единиц в различных науках и к выдвиганию в философии новых вариантов онтологии. Вопрос о том, как анализировать предмет исследования, сменился поисками новых онтологических структур. Центральное место в сборнике (статьи А.П.Огурцова, Ф.Н.Блюхера и др.) занимают проблемы методологии истории и конструирование в исторических науках новых онтологических структур (событие, действие, ментальность и др.). Исследуется развитие классической логики и методологии науки, уясняются ее трудности и противоречия, приведшие к осмыслению новых предметных областей (статьи В.М.Розина, К.А.Павлова и др.). Сборник представляет интерес для философов, историков науки и гуманитариев различных специальностей.
6. **Ориентиры... Вып. 5 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Т.Б. Любимова. – М. : ИФ РАН, 2009. – 215 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0132-7.** Пятый выпуск сборника «Ориентиры...» продолжает избранную авторами общую для всей серии тему метафизики как важной части философии. Конкретизацией главной темы для данного выпуска нами принята следующая сюжетная линия: миф, утопия, проект, прогноз. В границах этого смыслового поля каждый автор решает проблему, которая представляется ему значимой: здесь исследуются доминирующие в общественном сознании парадигмы, соотношение метафизики и науки, эзотерические построения антропософии, Розы Мира, а также метафизические аспекты социальных утопий и революций.
7. **Политико-философский ежегодник. Вып. 2 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.К. Пантин. – М. : ИФРАН, 2009. – 207 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0146-4.** Второй выпуск «Политико-философского ежегодника», издаваемого Отделом социальной и политической философии ИФ РАН, открывается рубрикой «Россия сегодня». Статьи этой рубрики знакомят читателя с проблемами и трудностями демократического строительства в России. В рубрике «Интерпретации» выделяется статья А.Г.Мысливченко, где автор анализирует опыт и противоречия

т.н. шведской модели социализма. В этом выпуске Ежегодника мы начинаем рубрику «Визитная карточка», где будем знакомить читателей с творчеством современных ученых – политологов и обществоведов.

- 8. Телесность как эпистемологический феномен [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.А. Бескова. – М. : ИФРАН, 2009. – 231 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0140-2. – Цена 00 р. 00 к.**

В коллективной монографии затрагиваются вопросы, связанные с выявлением телесных детерминант познания, жизни и духовной деятельности человека. Показано, что он как существо мира средних размерностей (мезокосма) организует свою картину мира в соответствии с параметрами собственной телесности, что определяет основные направляющие его мыслительной и преобразующей активности. Те же, в свою очередь, оказывают обратное влияние на функционирование телесности, на новом витке задавая специфику познавательной деятельности.

На основе теоретических разработок формулируются практически значимые рекомендации, позволяющие улучшить качество жизни современного человека.

- 9. Уайтхед, Альфред Норт. Приключения идей [Текст] / Альфред Норт Уайтхед; перевод с англ. Л.Б. Тумановой ; [примеч. С. С. Неретиной] / Науч. ред. С.С.Неретина. Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2009. – 383 с. ; 20 см. (Философская классика: новый перевод) – Указ.: с. 367–383. – Перевод изд.: *Adventures of Ideas / Alfred North Whitehead. Cambridge Univ. Press, 1964. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0141-9.***

Попытка создания всеохватывающей системы вещей, обеспеченная поворотом к метафизике, к ее высшей и лучшей части – онтологии, которая захватывает весь универсум: его социологию и космологию, философию и цивилизацию, – и которая связана с критикой науки, делает книгу А.Н.Уайтхеда актуальной по сей день. Приключения идей – важный фактор существования мира, понятого как смысло- и формообразующее качество цивилизации. В предисловии рассмотрена драматическая история перевода книги на русский язык, связанная с судьбой философа Л.Б.Тумановой.

- 10. Феномен человека в его эволюции и динамике: Тр. Открытого научн. семинара [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: С.С. Хоружий, О.И. Генисаретский. – М.: ИФРАН, 2009. – 287 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0135-8.**

В сборнике представлены материалы заседаний научного семинара, ведущего работу в ИФ РАН с мая 2005 г. Обсуждаемая тематика имеет своим ядром синергичную антропологию – новое направление, выдвинутое и развиваемое руководителями семинара, но им не ограничивается, охватывая спектр актуальной антропологической проблематики: кризис классической европейской антропологии; наследие русской философии в синергично-антропологической перспективе; неклассические подходы к проблеме Человека; антропологические аспекты эстетики и искусства; психологии и психотерапии и различных гуманитарных практик. Особое внимание уделяется переосмыслению статуса антропологии, ее структурных и методологических оснований.

Наряду с докладами приводятся сопровождавшие их дискуссии. Актуальность содержания, разнообразие тематики и живое обсуждение делают сборник интересным для широкого круга гуманитариев.